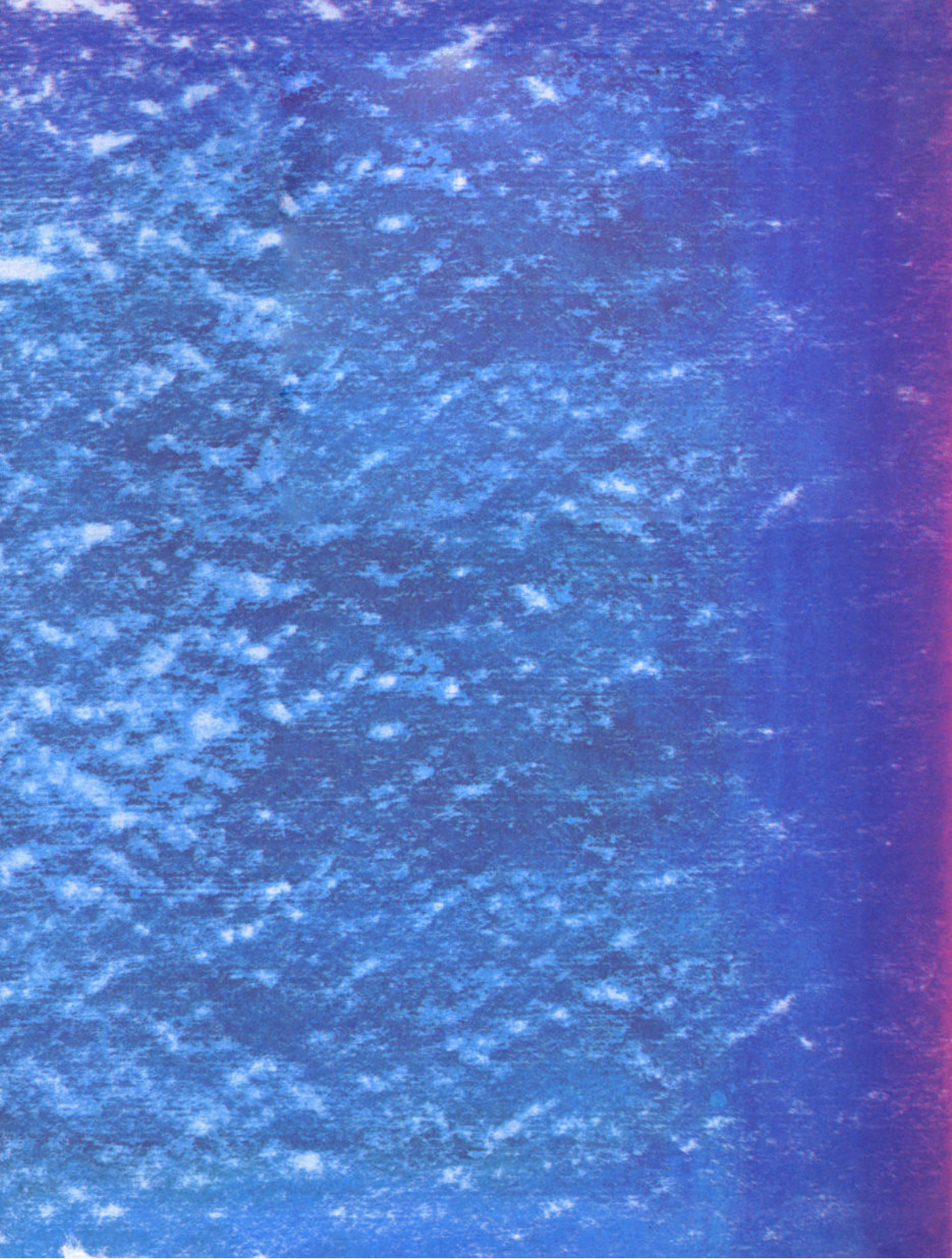

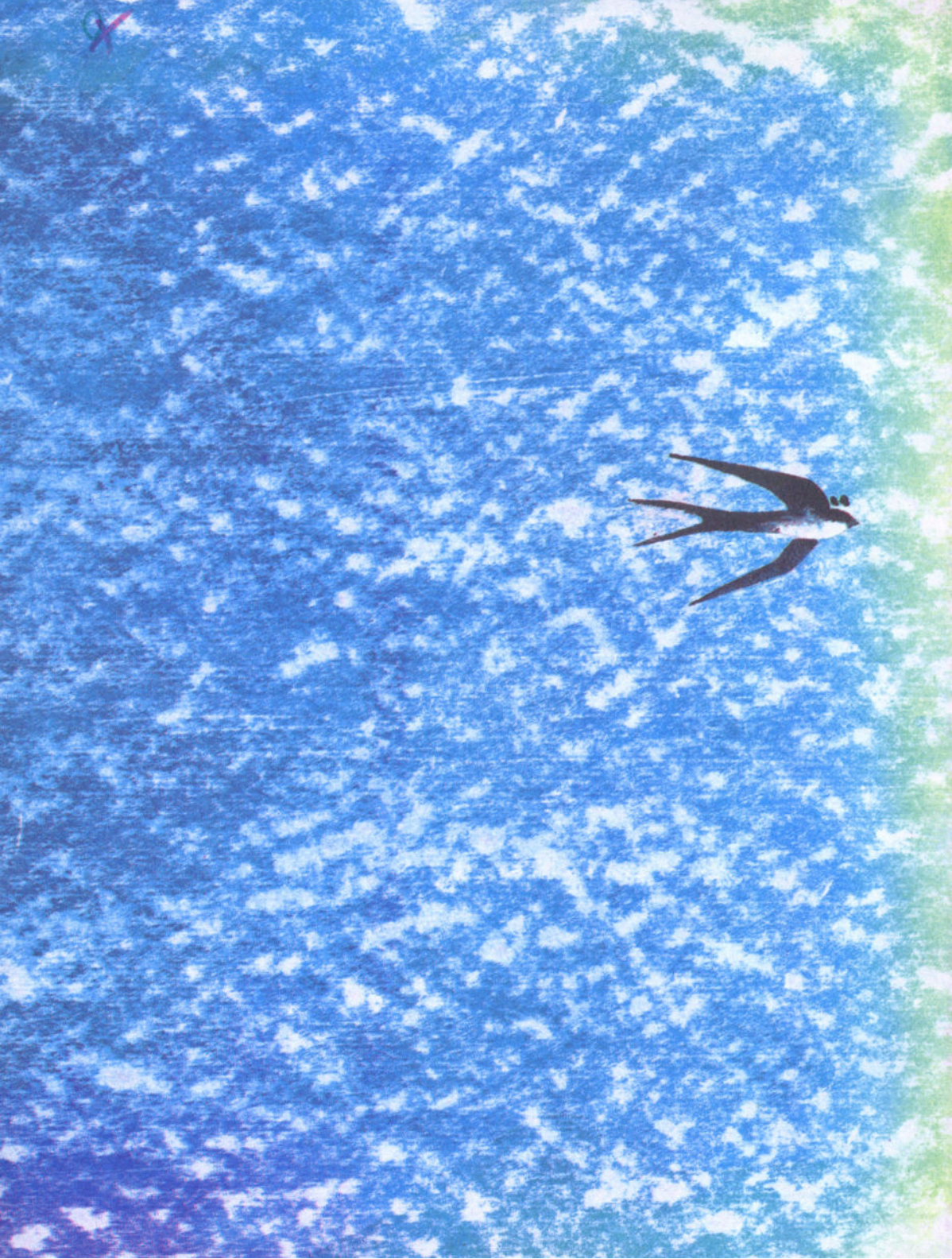
СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА Капитан Тин Тинныч

СОФЬЯ
ПРОКОФЬЕВА

Капитан
Тин
Тинныч

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА

Капитан Тин Тинныч

СКАЗКА

Рисунки

Г. КАЛИНОВСКОГО

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1981

Глава 1

КОРАБЛИК ИЗ СОСНОВОГО ПОЛЕШКА И ГЛАВНОЕ: УДИВИТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО

Весна всё никак не приходила и не приходила, и Валька уже устал её ждать.

И, глядя на неторопливый крупный снег, пухлыми хлопьями тихо падающий за окном, Валька принялся из сухого соснового полешка мастерить кораблик.

Он целыми вечерами терпеливо строгал его коротким перочинным ножиком. К стройным мачтам прикрепил надёжные паруса. Ванты сделал из крепкого шпагата. Тонкий, а не порвёшь.

А когда всё кончил, голубой краской написал на его борту: «Мечта». Так он решил назвать свой кораблик.

Кораблик получился очень хороший, просто лучше и быть

не может. Совсем как настоящий. Особенно вечером, пока мама не зажжёт лампу.

Сумерки зыбкими волнами вливались в комнату, наполняли её. Таяли, исчезали стены. И тогда казалось, «Мечта» снимается с якоря и плывёт по этим тёмным, гибким волнам, а её паруса надувает ветер далёких странствий.

Паруса «Мечты» ещё слабо мерцали, но темнота постепенно гасила их, как будто кораблик уплывал куда-то далеко-далеко...

«Мечта» — отличный корабль, надёжен, сделан, как надо, — в эти минуты думал Валька. — Такому кораблю не страшны ни шторм, ни девятый вал. И капитан на «Мечте» — настоящий моряк. Знаю я его. Ещё бы мне не знать! Он похож на... Неважно, на кого. Главное, он смелый, ужас до чего смелый. И зря болтать не любит, это вам не Петька из первого «А». Он такой загорелый, как... Ну как один человек, когда он вернулся из Крыма. Капитан, конечно, устал. От бессонницы щиплет глаза, но он уверенно прокладывает путь по старой морской карте...»

Валька никому не признался бы, но в глубине души он думал, да что там — он был просто уверен, что смелый и отважный капитан — это как раз и есть он, Валька. Валентин Валентинович. Тин Тиныч, как любила звать его мама.

«Разгулялся океан к ночи... — изо всех сил зажмурившись, думал Валька. — Это вам не просто неважная погодка — шторм десять баллов! Здесь подводные рифы, ну да не в первый раз нам огибать этот мыс...»

Корабль как будто проваливается в пучину. Надо шире, устойчивей расставить ноги. Громадная волна грузно нависла над «Мечтой», светясь изнутри чем-то зловещим, зеленоватым... Взвихренная водяная пыль уже упала на лицо...

— Тин Тиныч! Ужинать и спать, спать!.. — слышался из кухни тёплый, такой домашний мамин голос.

— Ф-фу!..— Валька с трудом переводил дух. Сердце стучало, звоном отдаваясь в ушах.

Конечно, ничего не поделаешь, пока что надо набраться терпения и ждать... Но ведь наступит это время когда-нибудь! Валька вырастет и непременно станет капитаном. Это решено!

А как только растают снега, он вместе с Алёнкой из первого «Б» отправится пускать «Мечту» в весёлых ледяных ручьях, бренчащих и тренькающих на перекатах.

Правда, у Алёнки недавно выпали два передних зуба. Но даже и без двух передних зубов Алёнка всё равно была лучше всех девчонок в классе. А если уж сказать всю правду до конца. Валька считал, что и во дворе да и на всём белом свете нет никого лучше Алёнки, потому что... Ну просто так. Нет, и всё.

А потом можно будет и вовсе подарить Алёнке чудесный кораблик. И при этом сказать так, небрежно:

— Хочешь, забирай его себе, насовсем. Он мне и не нужен, ну вот нисколько... Захочу, ещё лучше сделаю...

Наконец весна всё-таки наступила. Сугробы расплзлись, осели. Всё вокруг потекло, заблестало и зазвенело. Торопливые ручьи покатались вниз по крутой улочке к реке.

— Пора,— решил Валька.

Денёк выдался солнечный, но ещё холодный. Светить-то солнце светило, но, видно, греть оно за зиму всё же разучилось.

Варежки Валька сразу промочил и сунул их в карман. Противная сырость от мокрых варежек скоро пробралась через пальто и штаны до самого тела.

Валька пустил «Мечту» в быстрый и прозрачный ручей. Талые воды подхватили кораблик вместе с колючими льдинками, понесли. Ветер сразу же туго, до отказа надул паруса.

Кораблик плыл быстро, только чуть покачивался и нырял в волну на перекатах, лихо огибая дочиста отмытые водой яркие камешки и куски кирпича.

Вот он ловко миновал водоворот, где толкались и крутились какие-то бестолковые щепки и размокший спичечный коробок.

Вдруг Вальке показалось, что за голыми пока ещё кустами, только с мелкими кулачками почек, промелькнула Алёнкина голубая вязаная шапочка.

— Алёнка, Алёнка, давай сюда! — крикнул Валька.

Но оказалось, что это вовсе не Алёнкина шапочка, а чья-то голубая рубашка, которая висела на верёвке. И эта рубашка, вместо того чтобы сушиться на солнышке, рвалась вверх, словно протягивала куда-то голубые руки, и хотела улететь.

Когда Валька оглянулся на кораблик, тот был уже далеко. Белые паруса, проваливаясь и появляясь вновь, мелькали где-то внизу, в конце улицы.

Валька бросился вдогонку за корабликом. Ноги разъезжались по раскисшей земле, где в тени в складках, ямках ещё лежали серые корочки тающего снега.

В конце улицы ручей разлился целым морем. Посреди этого моря торчала из воды полузатопленная садовая скамья. Рядом — полная воды каменная ваза. На каменном ободке сидели два толстых голубя. Их гладкие шеи отливали серебром. Часто оглядываясь, голуби жадно пили воду, как будто боялись, что им не хватит.

Валька надеялся, что его кораблик зацепится за что-нибудь. Но не тут-то было. Кораблик плавно обогнул каменную вазу и скамейку.

Он уплывал всё дальше и дальше. Будто радовался внезапной свободе. Будто торопился куда-то.

Потом ручей снова сузился, забурлил, побелел и пенным водопадом опрокинулся вниз к реке.

В последний раз мелькнули белые паруса, и кораблик пропал из виду.

Всё.

Слёзы ослепили Вальку. От бессильного отчаяния сжались

кулаки. Валька не выдержал и, вдохнув круглый тугой глоток воздуха, громко заревел.

— Ну что вы, что вы, Валентин Валентинович, — послы-

шался негромкий укоризненный голос. — Ну как такое можно? Полноте... Ну прошу вас...

Кто-то ласково притянул к себе Вальку и накрыл с головой полый широкого плаща.

Глава 2

АЛЕКСЕЙ СЕКРЕТОВИЧ
И ГЛАВНОЕ:
КАРТА ОКЕАНА СКАЗКИ

Валька оказался в темноте.

Приятно поскрипывала тугая шёлковая подкладка широкого плаща.

— Ну как же так? — повторил тот же голос. — Можно сказать, уже взрослый мужчина, первоклассник. К тому же... Ах, какая неприятность! Только не высовывайтесь. Сюда как раз направляется Елена Сергеевна. Давайте-ка лучше, пока не поздно, отойдём в сторонку. А то, боюсь, как бы она вас не узнала по штанам и ботинкам. Пожалуй, совсем ни к чему, если она увидит вас зарёванным, с красным носом...

Валька, прижимаясь к тёплому боку незнакомца, послушно сделал несколько шагов.

От удивления он совсем растерялся. Он ровным счётом ничего не понимал.

— Какая ещё Елена Сергеевна? — каким-то не своим, хриплым, словно простуженным, голосом спросил Валька. В горле у него пересохло, он осторожно кашлянул.

— Как какая? — удивился незнакомец. — Та самая. Ваша приятельница из первого «Б». Ну та, которой вы хотели подарить «Мечту».

Валька хотел было сказать, что «Мечту» он собирался подарить Алёнке, а вовсе не какой-то там Елене Сергеевне, от которой к тому же надо почему-то ещё и прятаться, но промолчал.

Он оттянул в сторону край плаща и глянул вверх.

Владельцем плаща оказался совсем не старый человек, а даже, скорее, молодой. Такой худощавый, с длинным лицом и в очках.

Но главное было не это, совсем не это!

У незнакомца были необыкновенные, удивительные глаза. Валька сразу это заметил. Его глаза были тёплые. Да что там тёплые — они грели! Даже через очки.

Уж вы мне поверьте. Честное слово! Одна Валькина щека и один Валькин глаз сразу отогрелись. Пальцам, оттянувшим край плаща, и то стало тепло.

— Всё прекрасно, но пойдёмте ко мне, Валентин Валентинович, — озабоченно сказал странный человек. — Во-первых, вы промочили ноги, а во-вторых, эти мокрые варежки в правом кармане вашего пальто... Нет, нет, идти домой в таком виде я вам, откровенно говоря, не советую.

Валька не стал с ним спорить. Идти сейчас домой, пожалуй, и вправду не стоило. Потому что мама всякий раз просто из себя выходила, когда он являлся домой с мокрыми ногами.

Можно было подумать, что промокшие ботинки и варежки — мамыны смертельные враги.

Так вдвоём они и двинулись по улице. Чтобы удобнее было идти, Валька прижимался к незнакомцу, а тот крепко и ласково обнимал его за плечи.

Тугая шёлковая подкладка плаща приятно поскрипывала. А в кармане плаща, который оказался как раз возле Валькиного уха, что-то сухо постукивало, словно там тёрлись друг о друга речные ракушки и мелкие камешки.

В лифте наконец незнакомец выпустил Вальку из-под плаща.

Они посмотрели друг на друга, и оба почему-то смутились.

— Алексей Секретович, — церемонно представился странный человек и протянул Вальке длинную-предлинную руку. — Впрочем, вы можете звать меня просто дядя Алёша.

Валька неловко пожал руку Алексея Секретовича, потому что, по правде говоря, первоклассникам не очень часто приходится здороваться со взрослыми за руку.

— А я, с вашего разрешения, буду звать вас Тин Тиныч, — сказал Алексей Секретович. Он зажмурился и негромко причмокнул губами, будто сунул в рот круглую конфету. — Тин Тиныч! Ведь так, если не ошибаюсь, зовёт вас ваша мама. Какая прелесть! Нет, такое может придумать только мама. Как вы считаете? О, несомненно!..

«Всё-всё про меня знает. Откуда? — с некоторой тревогой подумал Валька и тут же успокоил себя: — Наверно, в гостях у нас был. А я спал в это время. У мамы с папой всегда такая привычка, если кто интересный придёт, поскорее запихнуть меня в постель. А зайвится какая-нибудь соседка, тётя Клава, так сиди слушай её. Знаю я эти разговорчики: «Ты что такой бледный? Небось совсем не гуляешь?» или: «Сколько в четверти троек? Небось всё гуляешь». Как им только не надоест?»

Между тем лифт, вздрогнув, остановился. Валька вышел

из лифта и огляделся. Лестница была совсем обыкновенная, новая, точно такая же, как и в Валькином доме. И точно так же пахло масляной краской.

Но дверь, как показалось Вальке, дядя Алёша открыл вовсе не ключом, а просто наклонился и что-то прошептал в замочную скважину. Дверь откликнулась счастливым воробьиным чириканьем и послушно отворилась сама собой.

В комнате, куда вошёл Валька, похоже, жил вовсе не дядя Алёша, а книги. Потому что они были повсюду: на столе, на стульях и даже на диване.

«Какие книги чудные, — подумал Валька, — большие, старые, в тёмных переплётах. Им, наверно, сто лет, а может, и тысяча. Только как же дядя Алёша спит на этом диване? С книгами вместе — тесно, на книгах — жёстко, а может быть, всё-таки снимает их на ночь и куда-нибудь кладёт?»

Но куда он мог их положить? На полу всюду и так стопками лежали книги.

Одна стена в комнате до самого потолка была завешана детскими рисунками. Некоторые были в рамочках, другие просто приколоты кнопками. Больше всего Вальке понравилась девочка с тремя большими голубыми глазами. Два глаза у неё были весёлые, а один — грустный.

Дядя Алёша снял свой широкий плащ, потёр руки.

— Сейчас главное — чай. Горячий чай. Как вы думаете? О, несомненно! — сказал дядя Алёша.

Он поставил мокрые, разбухшие Валькины ботинки сушиться на батарею, рядом повесил варежки.

Потом дядя Алёша отодвинул книги, освободив кончик стула и краешек стола. Тут же появился чай, очень горячий и очень сладкий. А на ноги Вальке как-то сами собой наделись большие глубокие мягкие туфли, такие тёплые, как будто в них только что спало по котёнку.

Дядя Алёша уселся напротив, положив острые локти на стол.

Вальке стало тепло и уютно. Теперь он был даже рад, что всё так получилось: иначе как бы он познакомился с дядей Алёшей.

— Вот и прекрасно, — словно чему-то обрадовавшись, кивнул головой дядя Алёша. — Вы понимаете, мой дорогой, мой милый Тин Тиныч, ведь всегда-всегда, даже в самые стародавние времена во всех уголках света мальчишки пускали кораблики. И конечно, нередко случалось так, что эти кораблики уплывали от них. Что поделаешь! О, никогда, никогда, не жалейте об уплывшем кораблике. Прошу вас! Никогда не жалейте! — Дядя Алёша вдруг наклонился к Вальке и заговорил совсем тихо: — Тут есть ещё одно удивительное, почти необъяснимое обстоятельство. Почему-то получается так, что те, кто пускают кораблики, чаще всего сами становятся капитанами. Не правда ли, удивительно? Но это именно так!

Дядя Алёша замолчал и резко откинулся на спинку стула. Строго, пристально поглядел на Вальку. Словно хотел убедиться, понял ли Валька как следует всю важность, всю значительность того, что он ему сейчас поведал.

Валька ничего не ответил и только несколько раз старательно мигнул.

— Главное, уметь мечтать, уметь по-настоящему мечтать... О, это особый дар!... — тихо, так тихо, словно самому себе проговорил дядя Алёша.

«А я умею мечтать или нет? — с невольным испугом подумал Валька. — И не знаю даже...»

Тут дядя Алёша ласково улыбнулся Вальке. И улыбка была такая, словно он похвалил Вальку за что-то.

— Скажите, а вы никогда не задумывались, куда, однако, плывут все эти кораблики, сделанные ребячьими руками? Куда они держат курс? — спросил дядя Алёша.

— Нет... — прошептал Валька.

— Так-таки, думаете, плывут себе по воле волн, неизвестно куда, без руля и без ветрил? — Дядя Алёша вдруг развесе-

лился, громко рассмеялся и хлопнул ладонями себя по коленкам: — Нет, мой дорогой, нет и ещё раз — нет! Да будет вам известно: все эти кораблики плывут к одной-единственной заветной цели. К острову Капитанов! Вот куда они плывут! К чудесному острову, который со всех сторон омывает голубой океан Сказки. И маленькие отважные капитаны ребячьей мечты поднимаются на палубы этих кораблей. О, сколько благороднейших, возвышенных подвигов совершают они во имя справедливости, отваги и мечты!

Валька от удивления открыл рот. К острову Капитанов? Значит, и его кораблик тоже? Валька хотел задать дяде Алёше сразу сто вопросов...

Но тут дядя Алёша вскочил со стула, взмахнул своими длинными руками, как будто хотел взлететь к потолку, и громко воскликнул:

— Какой же я, право, рассеянный! Ведь нам надо, просто необходимо скорее нарисовать карту океана Сказки. Иначе как же «Мечта» доплывёт до острова Капитанов?

Тут уж старинным книгам пришлось изрядно потесниться.

На столе разложили лист бумаги. У дяди Алёши нашлись и краски и цветные карандаши.

Одна из тяжёлых книг чуть было не съехала на пол. Валька вовремя подхватил её. И хотя он был всего-навсего первоклассник, но всё равно он смог прочесть, что было написано старинными, полустёртыми буквами на обложке.

«Волшебная энциклопедия. Том восьмой» — вот что прочёл Валька да так и застыл на месте с тяжёлой книгой, оттягивающей книзу его руки.

Но дядя Алёша взял книгу и отнёс на диван, где лежало ещё несколько таких же книг, важно и таинственно поблёскивая золотыми буквами.

Вдвоём с Валькой они нарисовали остров Капитанов, зелёный остров среди голубого океана.

— Здесь поблизости ещё множество удивительных островов, — любуясь картой, сказал дядя Алёша. — Взять хотя бы остров Пряток или архипелаг Большая Перемена. Да вы рисуйте, рисуйте. Вы это сделаете гораздо лучше, чем я. Не буду вам мешать...

Валька, высунув язык от усердия, рисовал голубые волны, разноцветные острова.

Он обмакнул кисточку в пузырёк с тушью и обвёл карту широкой чертой. Карта получилась как в рамочке, и сразу же голубой океан и разноцветные острова заиграли ещё ярче всеми своими красками.

Валька очень старался, изо всех сил, но вдруг... Вот бывает же так: всё хорошо, и вдруг...

Пузырёк с тушью неведомо каким образом оказался прямо возле Валькиного локтя, словно нарочно, назло сам туда прискакал. Ну, а Валька, увлечённый работой, конечно, его не заметил, нечаянно толкнул и...

Пузырёк опрокинулся. Чёрное жирное пятно, чёрное, как безлунная ночь, растеклось по голубому океану.

— Дядя, ой, Алёша! — в отчаянии завопил Валька.

— Ничего не поделаешь, ничего не поделаешь, — печально покачал головой дядя Алёша. Он наклонился над картой, разглядывая злополучную кляксу. — Да, это так. Возле острова Капитанов, чуть восточнее, расположен Чёрный остров. Скалистый и неприступный. Но досаднее всего, что тёплое течение, огибая с юга остров Капитанов, несёт все корабли прямо к Чёрному острову. Особенно ночью, в темноте так легко сбиться с курса...

— А нельзя его стереть резинкой или бритвой соскрести? — с надеждой, с мольбой посмотрел Валька на дядю Алёшу.

Но дядя Алёша только снова печально покачал головой:

— Тут уж ничто не поможет. Да и стоит ли нам огорчаться

раньше времени? Ведь опасность, если хотите знать, мой дорогой Тин Тиныч, только оттачивает истинную отвагу...

Дядя Алёша задумчиво перевёл взгляд на окно, за которым густели и крепили сумерки. Сумерки вкрадчиво опускались на город, словно хотели накрыть его целиком. Но город поднимал эти тёмные волны светлыми головами первых фонарей.

Дядя Алёша смотрел куда-то поверх домов, в глубину тёмного неба, и казалось, забыл о Вальке, обо всём...

Валька сидел тихо, присмирив.

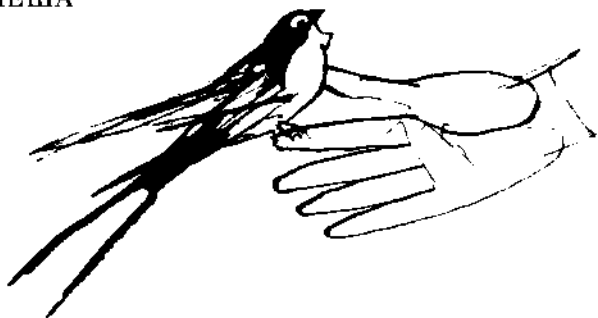
Но тут дядя Алёша вздохнул, тряхнул головой и повернулся к Вальке.

— Теперь главное — доставить эту карту на «Мечту», — сказал он.

— Но как? — спросил Валька.

Глава 3

НАРИСОВАННАЯ ЛАСТОЧКА
И ГЛАВНОЕ:
КТО ЖЕ ОН — ДЯДЯ АЛЁША

— Видите ли... — начал дядя Алёша. И Валька, к своему изумлению, увидел, что дядя Алёша немного покраснел. — Видите ли, мой уважаемый Тин Тиныч, я сначала должен

вам кое-что сказать, вернее, объяснить. И мне будет очень жаль, если то, что вы сейчас узнаете, вам почему-либо не понравится или покажется странным...

Дядя Алёша замолчал. Он снял очки и начал рассеянно протирать стёкла мятым клетчатым носовым платком. Глаза его без очков показались Вальке ещё ярче, совсем голубые. От них ощутимыми волнами пошло тепло и коснулось Валькиного лица.

— Конечно, в век техники, покорения космоса... — снова начал дядя Алёша. — Многие считают, что я... Но ведь одно вовсе не противоречит другому, даже наоборот! Что ж, лучше сказать прямо, если уж я решил сказать. Я... Только, пожалуйста, очень вас прошу, не вскрикивайте и не делайте удивлённого лица... Да, я — волшебник!

У Вальки даже дыхание перехватило. Он покачулся на табурете. Хорошо ещё, что это был крепкий, устойчивый табурет на четырёх ножках. А то бывают такие дрянные трёхногие табуреты. Сидя на таком трёхногом табурете, даже нельзя чему-нибудь как следует удивиться — непременно полетишь на пол.

— Здорово... — прошептал Валька.

Лицо дяди Алёши вдруг изменилось, даже как-то просветлело. Он улыбнулся с облегчением, словно Валькина радость передалась ему.

— А... ну если так, отлично, отлично!

Волшебник Алёша прошёлся по комнате, в задумчивости постукивая себя пальцами по губам.

— Что же нам придумать, что придумать? Как нам доставить карту на нашу бригантину? Не прибегнуть ли нам к помощи моего джинна?

— Джинна?! — переспросил Валька. Он просто не поверил своим ушам.

— А что тут такого? — пожал плечами дядя Алёша и слегка нахмурился. — Почти у всех волшебников есть джинны.

Это совершенно естественно. И у меня он тоже имеется.

- Джинн?
- Джинн.
- Джинн?!

— Ну конечно, джинни! — уже не скрывая досады, воскликнул волшебник Алёша. — До утра мы, что ли, будем повторять одно и то же? Да, джинн. К тому же отличный, знаете ли, экземпляр. Из самых древних и, можно сказать, могущественнейших. Может, сгонять его в сказку? А?

— А что? По-моему, неплохо, — стараясь казаться спокойным и даже равнодушным, сказал Валька.

Но внутри у него словно запрыгал мячик любопытства. Валька стиснул руки под столом. Хоть бы одним глазком увидеть джинна. Настоящего джинна! Вот было бы что рассказать Алёнке.

— Да, конечно, с одной стороны, это так... — Волшебник Алёша с рассеянным видом потянул себя за ухо. Было видно, что его что-то смущает. — И говорить нечего: сказка — это его стихия. Ему ничего не стоит отнести карту на «Мечту». И вообще он у меня тут засиделся без дела. Вконец извелся от скуки. Я всё понимаю. Даже чувствую себя виноватым порой. Но судите сами: чем я могу его занять, развлечь? Что я могу ему поручить? Какое дело? В лучшем случае — что-нибудь отнести, доставить, слетать куда-нибудь. И всё. А он, видите ли, жаждет чего-то грандиозного. Хочет воздвигать разные там дворцы, хрустальные мосты и тому подобное. Оно, может быть, было бы и неплохо в некотором роде. Но как вам объяснить, мой уважаемый Тин Тиныч... Всё, что он строит, мило в архитектурном отношении, но, к сожалению, совершенно непрочное. Всё это сделано словно бы из мыльной пены или из взбитых сливок. Ни одна лестница не выдерживает тяжести человека, исчезает, тает прямо под погой. Он, видите ли, рассчитывает не на земное притяжение, а на сказочное. Ну а попробуй хоть слово скажи — что вы! Такая будет обида!

— Да ладно уж, ничего, пусть слетает, — сказал Валька, с трудом сдерживая нетерпение.

— Легко сказать! — Лицо волшебника Алёши страдальчески сморщилось. Он с безнадёжным видом покачал голо-

вой. — Опять же, характер, характер! Вы бы только знали! Капризен, как маленькая девочка. Сварлив, как древняя старуха. К тому же ревнив. Только выпусти его — сейчас же начнутся упрёки, подозрения... Просто невыносимо! Нет, боюсь, он наломает дров в сказке. Карту на «Мечту» он, конечно, доставит, о чём разговор. Но уж по дороге непременно залетит на остров Капитанов, не упустит такой случай. И вот увидите, учинит там какой-нибудь отвратительный скандал. Наговорит капитанам кучу обидных глупостей, заявит, что все они зазнайки и выскочки. Что-нибудь в этом роде. Уж я-то его, голубчика, знаю. Нет, к услугам джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно!

Валька сдержался и промолчал. Хотя, не скроем, это стоило ему немалых сил. Значит, всё. Значит, он так и не увидит джинна... Эх! То-то бы Алёнка вытаращила глаза!

Но с другой стороны, он же не маленький. Не будет же он клянчить: «Дяденька волшебник, а дяденька волшебник, ну покажите джинна, ну пожалуйста!..»

— Значит, будем искать какой-нибудь другой выход из положения... иначе говоря, другой вход в сказку, — сказал волшебник Алёша. Он немного помолчал, что-то обдумывая, и добавил: — А вы, кстати, отлично рисуете, мой дорогой Тин Тиныч.

— На тройку, — мрачно буркнул Валька. — Трояк у меня по рисованию...

— Ах, при чём тут тройка! — воскликнул волшебник Алёша. — Главное — это фантазия, воображение, а тройка тут совершенно ни при чём. Сейчас, мой юный друг, вы нарисуете ласточку. Да, да, именно ласточку! А я её... Впрочем, вы сами увидите.

Нет, зря, конечно, очень даже зря волшебник Алёша не показал ему джинна. Мог бы догадаться, как Вальке хочется посмотреть. Но раз он просит нарисовать ласточку, надо

нарисовать. И получше. Валька задумался, вспоминая, какие они на самом деле, эти ласточки. Он был вообще добросовестным человеком.

Валька нарисовал круглую головку с коротким клювом и большим любопытным глазом. Потом нарисовал два заострённых крыла и чёрный раздвоенный хвост.

Валька вспомнил, что головка у ласточки сверху тоже чёрная, и пририсовал ей чёрную гладкую шапочку. Валька очень старался. Он даже не заметил, как две чёрные круглые капли, одна побольше, другая поменьше, упали на бумагу. Но ласточка получилась очень неплохая. Можно сказать — на четверёку. Или даже на пять с минусом.

Волшебнику Алёше ласточка тоже понравилась. Он заулыбался, откинул голову назад, любуясь ласточкой.

— Я же говорил! Очень славная. Просто на редкость! — Волшебник Алёша взял в руки рисунок и негромко проговорил:

Всё, что вижу на бумаге,—
Покорись огню и влаге!
За бумагу не держись.
Оживи и закружись!

И в тот же миг, круто плеснув крыльями, так что качнулся лист бумаги в руке волшебника Алёши, вверх взлетела острокрылая Ласточка.

Она сделала круг под потолком, метнулась в угол и вдруг ударилась о зеркало, растекаясь чёрными блестящими крыльями по гладкому стеклу.

— О моя дорогая! Это вовсе не окно, это зеркало. Ты ошиблась. И успокойся, пожалуйста, — мягко сказал волшебник Алёша. Он протянул руку, и Ласточка доверчиво уселась на его палец.

Валька уставился на неё во все глаза.

Живая! Честное слово, живая и настоящая. И точь-в-точь как он нарисовал. В чёрной шапочке с острыми крыльями.

Ласточка быстро повернула голову, с интересом, дружелюбно оглядела Вальку круглым глазом. И в тот же миг Ласточка перепорхнула на руку Вальке.

Он почувствовал, как Ласточка переступает холодными цепкими лапками по его руке. Совсем лёгонькая.

— Она ведь понимает, что это вы её нарисовали, — улыбнулся волшебник Алёша.

— Конечно, понимаю, — тонким острым голосом откликнулась Ласточка.

Вот это да! Она ещё и разговаривать умеет. До чего же интересно. Валька даже дышать ровно не мог, ему словно воздуха не хватало.

— А это что? — Волшебник Алёша указал на две чёрные кляксы у Вальки на руке. Одна побольше, другая поменьше.

— Измазался, — беспечно отмахнулся Валька, но волшебник Алёша озабоченно покачал головой.

Валька осторожно, чтоб не вспугнуть Ласточку, поспешил палец, потёр чёрное пятно у себя на ладони — пятно не оттиралось.

Ласточка, жалобно пискнув, взлетела и закружилась по комнате. И в тот же миг оба пятна исчезли с Валькиной руки, словно их и не бывало.

Ласточка уселась на резную раму старинного зеркала, сложила стройные узкие крылья. Валька увидел на гладком стекле зеркала всё те же чёрные пятна.

Ласточка беззвучно и стремительно перенеслась на книжный шкаф. Чёрные пятна, одно побольше, другое поменьше, не отставая, полетели за ней, прочертив в воздухе чёрные полосы.

— Всё ясно! — горестно воскликнул волшебник Алёша и всплеснул руками. — Какой же я рассеянный! Я должен был оживить только Ласточку, а я оживил всё, что было на бумаге.

И теперь эти чёрные пятна будут следовать за нашей Ласточкой всегда и повсюду, и всё потому, что я такой рассеянный и вечно всё путаю или забываю...

— Ну стоит ли это так переживать, — негромко проговорила Ласточка и отвернулась. Но Валька понял, что она огорчена и сказала это только для того, чтобы утешить волшебника Алёшу.

«Если бы я не решил стать капитаном... Если бы я мог иначе... Я бы тоже стал волшебником, — подумал Валька. — Но может, ещё Алёнка волшебницей станет? А что? У неё и глаза для этого такие подходящие...»

Дядя Алёша потёр ладонью лоб, словно отгоняя невесёлые мысли.

— Милая Ласточка, нам нужно, мало того, совершенно необходимо доставить эту карту на бригантину «Мечта». Видишь ли, «Мечта» взяла курс на остров Капитанов. Можешь ли ты это сделать?

— Конечно, — тонким голосом откликнулась Ласточка. — Я отлично знаю, где это. Океан Сказки, да?

Волшебник Алёша аккуратно скатал карту в трубочку. Обвязал её тонким прочным шнурком. Ласточка ухватила клювом шнурок за петельку, вместе с картой перелетела на подоконник.

Тут Валька увидел, что на улице уже совсем стемнело и опять пошёл снег. Сырые, тающие звёзды цеплялись друг за друга, густыми хлопьями падали, падали, будто хотели напоследок укрыть всю землю. Светлыми, размытыми шарами еле-еле сквозь снег светили фонари.

— Погодка... — с сомнением покачал головой волшебник Алёша.

— Я полечу совсем другой дорогой... — что-то вроде этого ответила Ласточка. Но она сказала это невинно, потому что в клюве держала шнурок, которым была обвязана карта океана Сказки.

Волшебник Алёша распахнул форточку. Пахнуло холодной, промозглой сыростью, влетел торопливый рой ледяных, колючих снежинок, как будто они притаились за окном и только того и дожидались.

Снежинки закружились вокруг Вальки, ударили в лицо, норовя ослепить его.

Он увидел, что волшебник Алёша помогает Ласточке просунуть в узкую форточку скатанную в трубку карту.

— Постараюсь вам присниться и тогда сообщу все подробности... Только не спите на левом боку... — сквозь снег и свист ветра невнятно прозвенела Ласточка.

Волшебник Алёша поспешно захлопнул форточку.

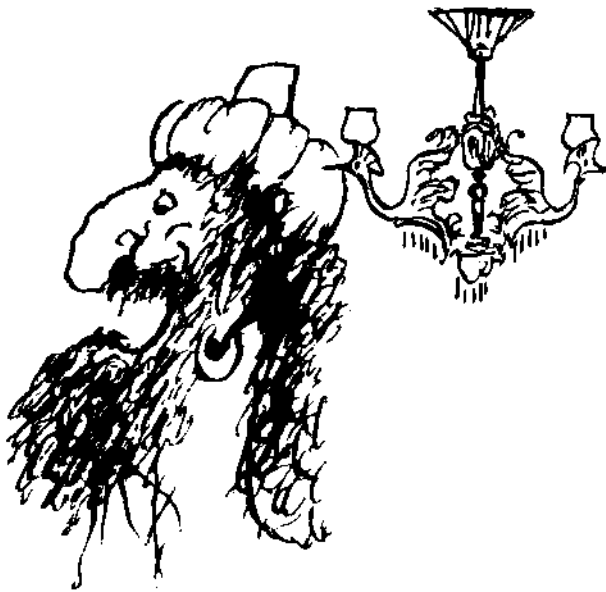
Но тут Валька увидел, что Ласточка не улетела, а беспомощно и судорожно бьётся крыльями о стекло, как будто что-то удерживает её возле окна и не пускает.

— Так и есть! Я закрыл форточку, а одно из чёрных пятнышек осталось в комнате! — Волшебник Алёша торопливо бросился к окну и снова распахнул форточку. — О моя дорогая! Прости меня, я такой рассеянный. Счастливого пути!

Ласточка легко отпрыгнула от окна и тут же исчезла из глаз вместе с картой, обвязанной крепким шнурком.

Белый снег, точно занавес, опустился за ней.

Волшебник Алёша и Валька стояли рядышком у окна, и снежинки, влетая в комнату, таяли на их лицах.

ЧТО ЛУЧШЕ, ДЖИНН
ИЛИ ТАКСИ?
И ГЛАВНОЕ:
«ОН НЕПРЕМЕННО
СТАНЕТ КАПИТАНОМ»

Волшебник Алёша наконец закрыл форточку, зябко поёжился, потёр ладонями плечи.

Старинные часы медленно и важно пробили восемь раз.

— Очень серьёзные и умные часы,— сказал волшебник Алёша.— Пока мы были заняты важными делами, они тактично молчали. Обратили внимание? А теперь, слышите, бьют. Наверно, хотят мне что-то напомнить, о чём я забыл. Просто не знаю, что бы я делал без этих часов при моей рассеянности. Я думаю, что они хотят напомнить, что вам пора домой. И ваша мама, наверно, беспокоится...

— Мама... — прошептал Валька.

Валька вдруг почувствовал, что он очень устал. Как будто прошёл двадцать километров. Оказывается, от удивления тоже устаёшь. Да ещё как. А может, удивление и надо как раз ме-

рить километрами? А чем, правда, как вы думаете, надо мерить удивление?..

— Сейчас мы вызовем такси, — сказал волшебник Алёша. — Или нет, нет. Мы поступим по-другому. Мы вызовем джинна. То есть не вызовем, а выпустим его из термоса, и он доставит вас в мгновение ока к вашей маме. Надо же подкинуть ему какую-то работёнку, и вообще пусть побудет на свежем воздухе.

Валька прямо-таки обомлел от радости. Значит, он всё же увидит джинна. Вот повезло!

Валька с трудом удержался, чтобы оглушительно не завизжать, не захлопать в ладоши. Хотя бы перекувырнуться через голову — и то легче стало бы. Но нет, это всё для малышни. Солидной надо держать себя, солидной.

Волшебник Алёша достал с полки голубой термос, на котором сбоку было что-то нарисовано. Не то какие-то полустёртые буквы, не то какие-то непонятные знаки.

— Вас, наверно, несколько удивляет, почему мой джинн обитает в термосе, а не в древнем медном кувшине, как подобает нормальному джинну? — Волшебник Алёша проговорил это скучным, невыразительным голосом. С усталым вздохом положил руку на белую пластмассовую крышку термоса. — Если бы вы только знали, как мне надоело это объяснять. В который раз... Ну так вот. Это всё потому, что мой джинн оказался долговечнее медного кувшина. Кувшин давно прохудился, можно сказать, рассыпался в прах, а мой джинн держится ещё молодцом, сможете убедиться сами. Впрочем, сколько лет живут джинны и вообще, умирают ли они, это пока ещё загадка, и наука её не разрешила.

Волшебник Алёша наклонился над голубым термосом и негромко, скороговоркой произнёс:

Джинн, яви свою мне верность
И покинь сейчас же термос!

Валька ухватился обеими руками за табурет, съёжился, втянул голову в плечи, предчувствуя, что сейчас произойдёт нечто совершенно необыкновенное...

Волшебник Алёша отвинтил белую крышку термоса, вытащил потемневшую пробку и быстро шагнул к Вальке. Обнял его за плечи.

Послышался нарастающий грохот, свист, треск. Качнулись, дохнув пылью, тяжёлые шторы на окнах. Тёмная струйка дыма с завыванием стремительно вырвалась из горлышка термоса, разрастаясь, поднялась к потолку, темнея, сгустилась и превратилась в огромного джинна в полосатой чалме.

У джинна было смуглое лицо, словно вытесанное из грубого, прокопчённого временем камня. Глубокие морщины, как трещины, прорезали его. Он скрестил на груди могучие узловатые руки.

— Что прикажешь, о повелитель? — прогремел джинн и вдруг добавил, капризно растягивая слова: — Да... Не выпускал из термоса с самого вторника... а сегодня уже суббота. Сиди тут целую неделю взаперти... И без всякого дела.

Волшебник Алёша с привычной тоской поднял глаза к потолку. Даже Валька понял, что такие разговоры бывают у них не редко.

— Во-первых, не со вторника, а с четверга, — терпеливо, как маленькому, возразил джинну волшебник Алёша, — а во-вторых, сегодня вовсе не суббота, а только ещё пятница. Так что и сидел ты в термосе всего-навсего один день.

— А может быть, дни в термосе тянутся совсем не так, как на воле, ты об этом подумал? — с глубоким упрёком посмотрел джинн на волшебника Алёшу. — О, если бы ты посидел в термосе хотя бы неделю! Ты бы заговорил по-иному... Дни в термосе такие длинные, бесконечные и такие гладкие... Но тебе, конечно, это безразлично. Томись, несчастный джинн, лишь бы твои вздохи не долетали до меня. Томись без дела, никому не нужный и забытый. О, не жалеите устарелого.

беспомощного джинна! К тому же, — джинн бросил ревнивый и подозрительный взгляд на Вальку, — к тому же несколько не сомневаюсь, ты решил забросить волшебство и стать капитаном. И уж конечно...

— А вот ты как раз напомнил. У меня есть для тебя дело, — поспешно сказал волшебник Алёша. — В общем, работёнка.

— Правда? — Джинн подпрыгнул от радости.

Нет, пожалуй, он зря всё-таки подпрыгнул. Наверно, вы бы тоже согласились с этим. Когда джинн подпрыгнул, всё в комнате подпрыгнуло вместе с ним: книжные шкафы, стол, стулья, старый диван и даже буфет с посудой. Все вещи как-то огорчённо охнули, что-то зазвенело, отовсюду посыпались книги.

Если бы дядя Алёша так крепко не обнимал Вальку за плечи, тот наверняка бы скатился со своего четырёхногого устойчивого табурета.

Нет, не надо джиннам прыгать от радости, это уж точно!

— Работёнка? — нетерпеливо проговорил джинн. — Говори же, не томи душу, о повелитель! Что-нибудь воздвигнуть? Построить? Слетать? Куда? В Сахару? На Северный полюс? Может, в сказку? Давненько я собирался завернуть на остров Капитанов. О, эти капитаны! Зазнайки и выскочки! Ну, я с ними потолкую. Значит, в сказку, да?

Волшебник Алёша переглянулся с Валькой и только безнадёжно пожал плечами.

— Нет, голубчик, другое... — мягко и ласково сказал он джинну. — Ты должен доставить меня и вот уважаемого Тин Тинныча к его маме.

— Только и всего! — Джинн надменно и разочарованно оттопырил нижнюю губу. — Заменять собой такси. Это презренное чудовище, дышащее бензином, у которого вместо сердца стучит счётчик.

— Давай уж сразу обо всём договоримся, — торопливо

добавил волшебник Алёша, — чтобы потом никаких претензий. Ты нас доставь только до лифта, ладно? И подождёшь там. В подъезде, знаешь, тепло, батареи горячие...

— Ты стыдишься меня, о повелитель! — громоподобно возопил джинн. Он так заскрежетал зубами, что изо рта у него посыпались хвостатые, колющие искры. Одна из них, сверкая, упала на переплёт старинной книги, и волшебник Алёша ловко прихлопнул её ладонью. — О, какое оскорбление! Лучше бы я стал крепким чаем или кофе в моём одиноком термосе! — продолжал завывать джинн, закатив глаза и раскачиваясь из стороны в сторону. — О я несчастный! Презирайте меня, топчите ногами, насмехайтесь!..

— Ну, знаешь, моё терпение тоже может лопнуть! — Волшебник Алёша, не выдержав, стукнул кулаком по столу.

Багровое лицо джинна позеленело, он с грохотом упал на колени.

— Смилуйся, о повелитель! — задыхаясь от ужаса, простонал он. От его испуганного дыхания завернулся край ковра. — Прости своего неблагодарного слугу. Не карай его своей немилостью. Покорный и немой, прижавшись в уголке, я буду ждать в подъезде, у лифта, где ты прикажешь...

— Опять крайности. Уж сразу «немой и покорный»... — недовольно поморщился волшебник Алёша.

Он снял с батареи Валькины башмаки. Они были тёплые и твёрдые, словно выдолбленные из коры.

Валька сунул в них ноги, сделал несколько шагов. Жёсткие башмаки скрипели, и ноги в них не сгибались, были как деревянные.

— Ничего, вы ходите, ходите в них, разомнутся, — сказал волшебник Алёша и снова повернулся к джинну: — Так или иначе — пора!

То, что случилось потом, показалось Вальке слишком быстрым, слишком невероятным, будто это был сон.

Само собой распахнулось окно. В лицо пахнуло холодом, сыростью уходящей зимы.

Валька почувствовал пустоту под ногами, словно пол провалился и он повис в воздухе. Когда он глянул вниз, он увидел крыши города, убегающие огни, огни, удлинённые движением.

Но всё время он чувствовал крепкую руку волшебника Алёши, обхватившую его поперёк живота. Впрочем, Валька не был уверен до конца, чья это всё-таки рука: волшебника Алёши или джинна?

Он даже не успел испугаться, как за ними уже захлопнулась знакомая дверь подъезда, а джинн, стыдливо сторбившись, приткнулся в углу возле доски с почтовыми ящиками.

Валька не помнил, как он вместе с волшебником Алёшей поднялся на лифте.

А потом перед ним появилась мама.

Она стояла в дверях квартиры, опустив руки, и казалось, совсем не рада Вальке, такая она была бледная и такими измученными и чужими были у неё глаза.

— Мы уже не знали, что и делать, куда звонить, — тихо сказала мама.

Вальке стало обидно, что мама так говорит с волшебником Алёшей. Хотя откуда ей было знать, что он волшебник.

— Во всём виноват я, один я, — смущённо сказал волшебник Алёша, церемонно приподнимая шляпу. — Забыл о времени, как всегда. Но поверьте, у нас были очень важные дела с вашим маленьким капитаном.

С этими словами волшебник Алёша подтолкнул Вальку к маме.

— Так уж и капитаном... — слабо улыбнулась мама.

— Да, капитаном, — волнуясь и, как обычно, немного смущаясь, сказал волшебник Алёша. — У меня даже нет сомнений. Понимаете, меня внизу ждёт мой... неважно кто. И если кто-нибудь увидит моего... неважно кого. Особенно какая-нибудь пожилая соседка, старушка... Словом, я должен торо-

питься. Но если бы у меня была хоть минута времени, я бы вам непременно объяснил, какие тут имеются вернейшие признаки, что наш дорогой, уважаемый Тин Тиныч, как вы его мило зовёте, непременно станет капитаном...

И, произнеся эти малопонятные, загадочные слова, волшебник Алёша ещё раз приподнял шляпу и стал торопливо спускаться вниз по лестнице.

Теперь, друзья мои, мы простимся с Тин Тинычем, который, по-моему, очень славный, и с волшебником Алёшей.

Впрочем, с волшебником Алёшей мы ещё встретимся на страницах нашей повести. Так же, как и с нарисованной Ласточкой.

А нам с вами пора в путь.

Туда, где катит свои голубые волны океан Сказки. В удивительную страну Мечты и Фантазии. Прямохонько на остров Капитанов. На остров, к которому со всех сторон плывут маленькие корабли, сделанные ребячьими руками.

В ТАВЕРНЕ «ЗОЛОТАЯ
РЫБКА»
И ГЛАВНОЕ:
РАССКАЗ ДРЕССИРОВАННОЙ
САРДИНКИ

Тихо шуршали высокие пальмы на острове Капитанов. Их жёсткие волосатые стволы и длинные листья казались оранжевыми от заходящего солнца.

Над пальмами, устраиваясь поуютнее на ночь, ещё сонно летали небывало большие, яркие бабочки. Задевали верхушки пальм хрупкими крыльями, осыпали разноцветной пылью.

Их торопили мохнатые ночные бабочки, появившиеся едва только начало смеркаться. Толстые, неуклюжие, с короткими крыльями, похожие на кульки с пылью.

— Ишь разлетались... — ворчали ночные бабочки. — Сейчас наше время. Скоро зажгут свечи, лампы, фонари. Мы будем биться о стёкла и кружиться, кружиться вокруг огня...

Со стороны гавани доносились оживлённые голоса. Там ещё всю кинула работа. Моряки чинили корабли, которые изрядно потрепал последний шторм.

Да, друзья мои, океан Сказки поистине можно было назвать капризным океаном. Мало сказать — капризным. Вспыльчивым, даже задиристым.

Шторм и бури налетали совершенно неожиданно, и предсказать их не было ни малейшей возможности.

Вдруг ни с того ни с сего небо мрачнело, собирались косматые тучи. Бешеный ветер словно перемешивал их с морем. Рёв и грохот в один миг сменяли тишину. А вот уже катит девятый вал, как известно, самый опасный и коварный. А за девятым валом, откуда ни возмись, опять девятый вал, а за ним снова девятый.

И прошу вас, друзья мои, не удивляйтесь!

Раз уж вы отправились на остров Капитанов, вам не раз придётся широко открывать глаза и говорить: ну и ну! Вот это да!

А чем мерить удивление, мы так с вами ещё и не решили. Во всяком случае, не километрами. Вешать удивление на весах тоже, я полагаю, не лучший способ. Правда, один чудаку уверял меня, что он капает десять капель удивления в рюмку и принимает каждый вечер перед сном. Но я думаю, что он просто шутил.

Однако не будем отвлекаться.

Как всегда, во время шторма хуже всех пришлось «Весёлому Троллю».

Капитан Нильс, раздосадованный и злой, шагал по палубе, из-под насупленных бровей мрачно поглядывал, как ловкие матросы, взобравшись по вантам с кисточками и тюбиками клея, ставили заплаты на бумажные паруса.

Да, бумажные паруса были поистине злым роком капитана Нильса! После каждой бури «Весёлый Тролле» еле-еле дотягивал до гавани, и размокшие обрывки парусов, свисавшие с рей, представляли собой плачевное зрелище.

«Ну почему, почему мой Нильс, когда мастерил «Весёлого Тролля», сделал ему бумажные паруса? — стискивая в кар-

манах кулаки от безнадёжного отчаяния, думал капитан Нильс.— Ведь «Тролль» отличное судно, устойчив на курсе, прекрасно маневрирует. Но паруса?.. Терпения ему не хватило, вот что. Сделал паруса тяп-ляп. Схалтурил мальчишка. Лишь бы поскорей на воду спустить...»

Но тут настроение у капитана Нильса окончательно испортилось.

В гавань, неуклюже лавируя между лёгкими парусниками, входил «Гросфатер», надёжно сделанное, тяжёлое и неповоротливое торговое судно.

На палубе, широко и устойчиво расставив ноги, стоял его капитан Макс Мориц Густав Теодор Фридрих, по прозвищу капитан Какследует.

«Гросфатер», как всегда, пришвартовался возле «Весёлого Тролля».

«Нарочно же, конечно, нарочно...» — с неприязнью подумал капитан Нильс.

С досадой закусив губу, глянул на измочаленные бурей обрывки бумажных парусов.

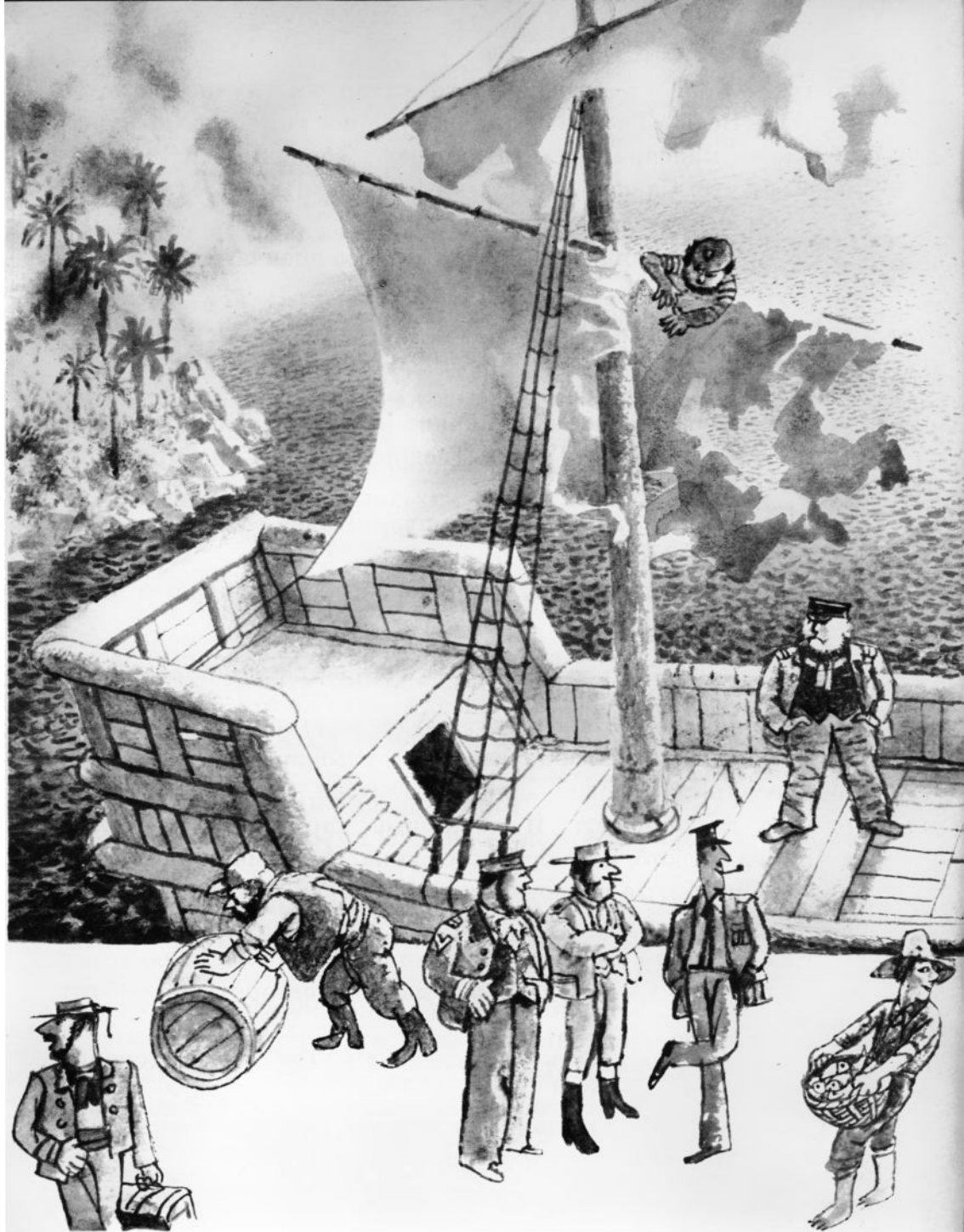
Всё в капитане Какследует раздражало капитана Нильса. И самодовольная, как ему казалось, улыбка, и оранжево-рыжие веснушки, словно шляпки гвоздей, крепко вбитые в круглую физиономию. И обширные карманы его куртки, сшитой из грубого, но добротного сукна. И башмаки на толстой подошве, подбитые подковками, так что каждый шаг отдавался, как удар молотка.

И главное, что особенно обижало болезненно самолюбивого капитана Нильса,— это досадная манера повторять по любому поводу:

— «Всё надо делать как следует!» Так всегда говорил мой покойный дедушка!

Словно белокрылая чайка, к острову подошла бригантина «Мечта». Матросы лихо и ловко убрали паруса.

«Пожалуй, лучший корабль здесь у нас,— с невольной

завистью подумал капитан Нильс, провожая «Мечту» глазами.— Но и капитан на «Мечте», ничего не скажешь, настоящий моряк. Отличный товарищ, безусловно храбрый, всегда можно на него положиться. Другого такого не сыщешь, как наш капитан Тин Тиныйч».

У капитана Нильса как-то отлегло от души. И он уже бодро зашагал вверх по мощённой камнем дороге, туда, где гостеприимно и приветливо покачивался и мигал узорный фонарь над входом в портовую таверну «Золотая рыбка».

Как всегда, под вечер капитаны собрались в портовой таверне.

Скоро в «Золотую рыбку» пришёл и капитан Валентин Валентинович, капитан Тин Тиныйч, как часто в шутку любили называть его друзья.

Только хочу вас сразу предупредить, дорогие читатели, что это был вовсе не тот маленький Тин Тиныйч, ученик первого класса, с которым вы встретились в начале этой необыкновенной истории.

Не забудьте, ведь мы с вами пересекли океан Сказки и попали на остров Капитанов, где живут капитаны ребячьей мечты.

Поэтому нет ничего удивительного, что через порог шагнул взрослый человек, широкоплечий и ладный, с мужественным, пожалуй, даже несколько суровым лицом. Словом, точно такой, каким мечтал стать маленький Тин Тиныйч, когда вырастет.

Даже среди обветренных, прокалённых зноем и солью лиц капитанов его лицо казалось особенно смуглым, будто выпало ему на долю больше, чем другим, и солнца и ветра. А спокойный взгляд серых глаз говорил о редкой твёрдости характера.

Капитан Тин Тиныйч обнял за плечи капитана Нильса. Ни о чём не спросил его, как прошёл рейс, как «Весёлый Тролль» встретил бурю.

И капитан Нильс мысленно поблагодарил его за это.

Насвистывая что-то весёлое, в таверну вошёл капитан Жан, невысокий, стройный и ловкий.

Его лёгкий остроносый «Альбатрос» был разрисован цветными карандашами и красками от киля до парусов.

На флаге красовался Пиф в синей морской шапочке, лихо сдвинутой на одно ухо.

Видно, маленький Жан боялся, что бури и непогоды постепенно смоят его рисунки, и поэтому погрузил в трюм «Альбатроса» краски и коробку цветных карандашей. Не забыл он и большую резинку, на случай, если придётся что-нибудь стереть или подправить.

Капитан Жан оказался отличным художником и после каждого плавания обновлял и освежал рисунки, пока его матросы до блеска драили палубу.

Вскоре в таверну появился капитан Какследует. Он с такой силой захлопнул за собой дверь, что та бухнула, как старинная пушка. Ухватив за спинку тяжёлый дубовый стул, он с грохотом подтащил его к столу и уселся рядом с капитаном Жаном, широко расставив колени.

Последним в таверну приковылял, опираясь на источенную временем трость, адмирал Христофор Колумб.

Снова прошу вас, друзья мои, не удивляйтесь! Да и, собственно, что тут такого особенного? Да, Христофор Колумб тоже был когда-то мальчишкой. Да, Христофор Колумб тоже мастерил кораблики.

К тому же, скажем по чести, найдётся ли на свете моряк, который с замиранием сердца не вспомнил бы адмирала Колумба, если вдруг синеем чудом возникнет на горизонте неведомая земля, ещё никем не занесённая на карту? Что ни говорите, а в душе каждого моряка живёт открыватель новых земель Христофор Колумб, это уж точно!

И если как следует вдуматься во всё это, то, наверно, уже никому из вас, друзья мои, не покажется странным, что вслед

за другими капитанами и старый адмирал Христофор Колумб переступил порог таверны.

— Что за холод и ветер! Видно, в преисподней нынче пусто. Все дьяволы собрались здесь и, раздув щёки, дуют так, что доброму человеку не ступить и шагу, — проворчал адмирал Колумб. Он всегда выражался несколько возвышенно и старомодно.

Впрочем, погода стояла тихая и тёплая. Просто старый адмирал не слишком крепко держался на ногах, и в любую погоду у него ломило кости.

Адмирал Колумб, со скрипом согнув колени, уселся на стул, подвинул его поближе к пылающему камельку. Снял шляпу с облезлым страусовым пером, оправил пожелтевшие кружевные манжеты цвета стеариновой свечки.

Капитан Тин Тиныч, громко хлопнув ладонями, убил серую моль, кружившуюся вокруг знаменитого адмирала и уж слишком заинтересовавшуюся его ветхим камзолом и потёртой шляпой.

— Благодарю, — медленно и величественно кивнул Христофор Колумб капитану Тин Тинычу. — Если бы со мной плавали люди, подобные вам, капитан, не исключено, что я открыл бы ещё парочку каких-нибудь там Америк.

— Гм... — с сомнением отозвался капитан Тин Тиныч, который несколько лучше знал географию.

В трактир заглянул ненадолго Добрый Прохожий. Он всегда заходил в трактир минут на десять, не больше.

Капитан Тин Тиныч усадил Доброго Прохожего возле себя, налил ему кубок тёмного старинного вина. Добрый Прохожий улыбнулся своей обычной рассеянной и печальной улыбкой.

История его была довольно-таки необычной.

Он приплыл на остров Капитанов на маленьком бумажном корабле, даже не склеенном, а просто сложенном из листа бумаги в клеточку, видимо вырванном из тетради по математике. По секрету скажем, только чтобы он этого не слышал: ко-

рабль его походил больше на бумажную треугольную шляпу, чем на корабль.

Едва корабль бросил в гавани якорь, а капитан и немногочисленная команда благополучно сошли на берег, размокший корабль осел, сплюсился и расплозся на куски. Первая же набежавшая волна унесла обрывки бумаги в открытый океан.

— Что ж, раз я остался без корабля, — сказал огорчённый капитан, — то я стану Добрым Прохожим. Представьте, какой-нибудь бедняга заблудился и ночью, в кромешной тьме бредёт по незнакомой дороге. Ведь кто-то должен повстречаться ему на пути? Так это буду — я!

С тех пор Добрый Прохожий все ночи напролёт бродил по дорогам острова Капитанов.

Пожалуй, нельзя назвать остров Капитанов особенно большим островом. Но всё же там было несколько дорог.

Широкая прямая дорога соединяла гавань и город, где жили капитаны.

— Это дорога в город, — любил говорить Добрый Прохожий, — но если идти по ней в обратном направлении, то это уже будет дорога в гавань. Как ни считайте, а это уже две дороги.

Была ещё узкая петляющая дорожка, идущая от таверны «Золотая рыбка» к высокой неприступной скале, одиноко торчащей на северной оконечности острова.

— Это дорога к одинокой скале. Но ведь если идти по ней назад, то это будет уже совсем другая дорога. Дорога, ведущая к таверне «Золотая рыбка», — подсчитывал, загибая пальцы, Добрый Прохожий.

Так что, сами видите, работы у него было предостаточно.

— Оставайтесь с нами, отужинаем вместе, наш славный Добрый Прохожий, — предложил капитан Тин Тиныч. — Ночь обещает быть холодной.

— К сожалению... — Добрый Прохожий развёл руками, озабоченно глянул в окно. — А вдруг — вы только представьте

себе — именно сейчас, в эту минуту кто-нибудь заблудился в темноте. Неужели он так никого и не встретит, кто поможет ему, подбодрит, подскажет верный путь?

И Добрый Прохожий торопливо вышел из таверны.

— Бездельник, бродяга, — пожала плечами хозяйка таверны.

— Замолчи, о женщина, — сурово посмотрел на неё адмирал Колумб. — Что ты смыслишь в этом? Твоё дело цедить вино из бочки да уметь подать его с любезным поклоном.

— Бросьте, адмирал, — усмехнулся капитан Какследует. — Наша хозяйка, наша красотка Джина может болтать всё, что ей вздумается. Уж своё-то дело она делает как следует! А это самое главное, как любил говорить мой покойный дедушка.

— Вы очень любезны, капитан, — с улыбкой посмотрела на него хозяйка таверны. — И ваш покойный дедушка тоже.

Да, пожалуй, хозяйку таверны «Золотая рыбка» и впрямь можно было назвать красавицей!

Чёрные как смоль волосы были уложены в высокую затейливую причёску, и пламя свечей приплясывало среди блестящих чёрных локонов. Взгляд её быстрых тёмных глаз порой становился таким пронзительным, таким отточенно-острым, что казалось, её глаза могут уколоть, ужалить... Но... красотка Джина улыбалась. Улыбалась всегда и всем. Ласковая, но какая-то неподвижная, словно застывшая улыбка никогда не сходила с её лица.

Хромой слуга с деревянной ногой, похожей на перевёрнутую бутылку, однажды ночью, взбираясь к себе на чердак, остановился передохнуть возле двери своей хозяйки. Просто так, из любопытства глянул в полуоткрытую дверь.

Ярко светила плоская серебряная луна.

Хозяйка спала, и в лунном свете ещё бледнее казалось её белое лицо, ещё темнее чёрные волосы. И даже во сне она улыбалась всё той же ласковой застывшей улыбкой.

Старому слуге почему-то стало жутко. Ледяные колючки впились между лопаток. Он поскорее заковылял к себе на чердак. Забрался под одеяло, сверху навалил всё тряпье, какое было. До утра пролязгал зубами, так и не смог согреться и уснуть...

Капитан Тин Тиный бросил взгляд в окно, за которым быстро сгущалась темнота.

— Сегодня Томми должен вернуться из своего первого плавания, — негромко сказал капитан Тин Тиный.

— О-ля-ля! — Капитан Жан поднял кубок. — За здоровье Томми, молодого капитана!

— Способный мальчишка, — прошамкал старый адмирал Колумб. — Куда, позвольте узнать, поплыл?

— На острове Хромого Осьминога выбросило на мель молодого дельфина. Томми взял курс на Осьминога, — ответил капитан Какследует и усмехнулся: — Уверен, Томми справится. Как любил говорить мой дедушка, всё надо делать как следует!

Не выдержав, болезненно самолюбивый капитан Нильс багрово покраснел и вскочил со стула. Ему во всём чудились намёки на «Весёлого Тролля» и его бумажные паруса.

— Это уже не первый раз, и если вы хотите сказать, что... — срывающимся от обиды голосом начал он. Но капитан Тин Тиный со словами: «Бросьте, дружище! Никто и не думал вас обидеть...» — ласково и твёрдо надавив ему на плечо, заставил его снова сесть.

— Помню, как приплыл на остров мой корабль «Санта Мария», — между тем бормотал, качая головой, старый адмирал Колумб. — Да, прошло уже лет пятьсот, не меньше. О время, время!.. Корабль этот смастерил сам Христофор Колумб, когда ещё был мальчишкой...

Хозяйка таверны насадила на вертел гуся и принялась поворачивать его над огнём.

Жир, треща, закапал в очаг, вспыхивая и освещая прокопчённые кирпичи.

Сидевшая возле неё чёрная, как ночь, Кошка вытянула шею и облизнулась. Но тут же со скромным, безразличным видом отвернулась, как будто её хозяйка насадила на вертел не жирного гуся, а старый башмак.

Да, эта Кошка, с которой мы ещё познакомимся гораздо ближе, была отнюдь не глупа. К тому же, со свойственным кошкам лукавством, она отлично умела скрывать свои мысли. Пожалуй, и в сказке, да и на всём белом свете вряд ли вы бы нашли кошку хитрее этой.

Неожиданно массивная дверь таверны широко распахнулась. Ветер, пахнувший солью, морем, водорослями, плоско пригнул пламя свечей.

Через порог шагнул матрос Тельняшка, добродушный верзила с голубыми глазами.

Тельняшка бережно и нежно прижимал к груди большую рыбу с чешуёй крупной и блестящей, как наложенные одна на другую крупные монеты.

Этот на редкость застенчивый и молчаливый человек имел одну-единственную, но поистине необыкновенную страсть.

Всё свободное от вахты время он учил рыб разговаривать.

Надо признаться, он достиг в этом немалых успехов.

Тельняшка начал с того, что научил говорить целую дюжину селёдок. Но селёдки оказались пустыми, надоедливymi болтушками. То там, то тут из воды появлялась селёдочная голова и что-то пицала. Целый день они обменивались новостями, сплетничали, болтали всякий вздор. Почему-то больше всех доставалось Морскому Коньку.

— Вы слышали, слышали!

· А что случилось?

— Как же так, живёте в море и ничего не знаете?

· Да Морской-то Конёк опять плавал в коралловый грот!

— Ай-яй-яй!

— А летучие рыбки вчера куда-то улетели! Я сама видела, как они готовили бутерброды на дорогу!

— Что вы болтаете! Да я их только что повстречала!

С утра до вечера над волнами неслись визгливые селёдочные голоса. Хоть уши затыкай. Тельняшке пришлось прервать с селёдками все занятия.

Любимой ученицей Тельняшки была мудрая Сардинка. Немногословная, спокойная, зря ничего не скажет.

И вот именно с ней, с мудрой Сардинкой, матрос Тельняшка пришёл в таверну «Золотая рыбка». Он нерешительно остановился у порога, прижимая к себе дрессированную Сардинку.

Глаза Чёрной Кошки вспыхнули пронзительным зелёным светом.

— Погаси глаза! — негромко прикрикнула на неё хозяйка таверны.

Глаза у Кошки моментально погасли, стали пустые, жёлтые, плоские, как монеты.

Не будем скрывать, в этот миг Чёрная Кошка подумала: «Интересно, говорящая рыба вкуснее, чем не говорящая? Сдаётся мне, вкуснее, гораздо вкуснее... Хотела бы я это выяснить. Мур-мяу!..»

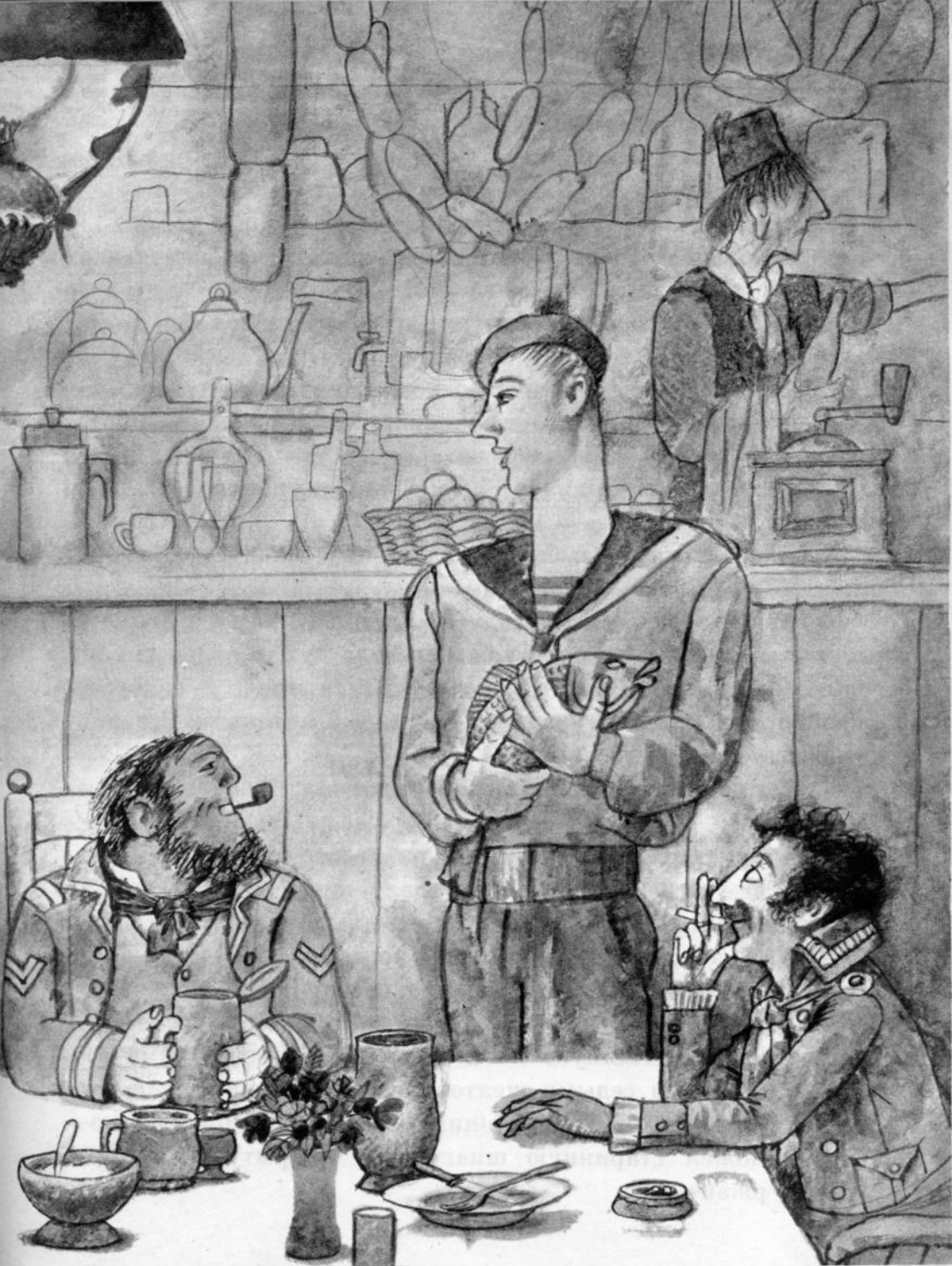
Но конечно, глядя на Чёрную Кошку, никто не мог бы догадаться, о чём она думает. Повторяю, она отлично умела скрывать свои мысли.

Все капитаны, как один, повернули головы, с интересом разглядывая дрессированную Рыбу. Тельняшка от всеобщего внимания совсем засмущался. К тому же надо добавить, чем больше в море появлялось говорящих рыб, тем молчаливей, как ни странно, становился сам Тельняшка.

— В чём дело, матрос Тельняшка? — спросил капитан Тин Тинич.

— Капитан, — волнуясь проговорил Тельняшка, — пожалуйста, не удивляйтесь, что рыба на суше...

— Что? Рыбы насушим? — недослышав, переспросил несколько глуховатый адмирал Христофор Колумб.

— Плавала в заливе она... — снова начал Тельняшка.

— Заливная она? Тоже неплохо! — заулыбался старый адмирал.

— Лучше пусть она сама всё расскажет, — окончательно смутившись, сказал Тельняшка.

Тельняшка осторожно опустил Сардинку на пол, поставил на хвост.

Дрессированная Сардинка несколько раз покачнулась, но всё-таки устояла, растопырив плавники. Затем широко открыла рот, зашевелила жабрами.

— Пить хочет. Водички бы, — шёпотом попросил Тельняшка, — побольше...

Хозяйка, ласково улыбаясь, подала ему закопчённый чайник с мятыми боками.

Тельняшка начал лить воду из чайника прямо в широко раскрытый рот Сардинки. Рыба перевела дух, с облегчением громко вздохнула. Внутри неё что-то заскрипело с натугой, словно пришёл в движение какой-то старый механизм. И вдруг Сардинка заговорила:

— Темнота, хоть рыбий глаз выколи... Корабль Томми плыл, никому не мешал. Никого не глотал. Махал себе плавниками и плыл. Течение погнало корабль в темноте на Чёрный остров... Там засели пираты... Они взяли корабль на або... або...

Сардинка никак не могла выговорить непривычное слово.

— На абордаж, — тихонько подсказал Тельняшка.

— На а-бор-даж... — старательно повторила дрессированная Сардинка.

— Пираты?! Клянусь моей шпагой!.. — взревел адмирал Колумб, потрясая седыми желтоватыми волосами, завитыми по моде ещё тех времён. Дрожащими руками наполовину вытащил из ножен старинную шпагу, всю покрытую рыжими узорами ржавчины.

— Молодой капитан и все матросы всплыли кверху брюхом,— из последних сил прошептала дрессированная Сардинка.— Тут подоспели дельфины... Спасли... всех на берег...

Потрясённые капитаны смотрели на Сардинку, ждали, может, она что-нибудь ещё скажет. Но Рыба молчала. И никто не заметил, как хозяйка таверны и Чёрная Кошка быстро переглянулись, и Чёрная Кошка отвернулась, пряча зелёный торжествующий блеск глаз.

Тельняшка подхватил дрессированную Сардинку на руки, прижал к груди, с нежностью погладил по чешусь.

— Умница, как всё толково рассказала... Сейчас, сейчас в море выпущу... — пробормотал он и, качая на руках Рыбу, как малого ребёнка, вышел из таверны.

— Пираты... Это уже не о-ля-ля! — растерянно протянул капитан Жан.

Хозяйка таверны, красотка Джина, как ни в чём не бывало расшевелила в очаге алые угли, подкинула дров.

— Капитаны, а верите всяким бредням,— насмешливо проговорила она.— Право, хуже детей. Сами посудите: ну какие могут быть пираты в наших водах?

— Так-то оно так,— хмурясь, сказал капитан Тин Тинич.— Я тоже не очень в это верю. Но всё-таки...

Капитан Тин Тинич не успел договорить. Дверь распахнулась, и в таверну, сптаясь, вошёл молоденький негр. Мокрая одежда прилипла к телу.

Он остановился на пороге и, чтобы не упасть, ухватился рукой за дверной косяк.

ПОЯВЛЕНИЕ ОДНОГЛАЗОЙ
ГАДАЛКИ
И ГЛАВНОЕ:
«МЕЧТА» ОТПРАВЛЯЕТСЯ
В ПЛАВАНИЕ

— Томми, мой мальчик! — с волнением воскликнул капитан Тин Тиный и бросился к юноше.

— Пираты захватили мой корабль, — с трудом проговорил Томми. — Мы сражались, как могли. Но они напали на нас в темноте, застали врасплох...

— Молодцы пираты! Всё надо делать как следует! — азартно воскликнул капитан Какследует. Но тут же спохватился, короткими пальцами смущённо почесал в затылке, с некоторым замешательством пробормотал: — Простите, друзья... Я, кажется, сказал что-то не то. А? Да я не имел в виду ничего плохого. Поверьте, я...

Но никто из капитанов даже не посмотрел в его сторону, и он надолго умолк, виновато опустив голову.

— Мой чудесный корабль из пальмового дерева. Я в первый раз вышел на нём в море... — Губы Томми совсем по-детски дрогнули, круглые карие глаза наполнились слезами.

Капитан Тин Тиныч разжал словно судорогой сведённые холодные пальцы Томми, обнял за плечи, чувствуя, что юноша весь дрожит, усадил его поближе к жарко пылавшему камельку.

— Все за мной! На каравеллу! В погоню за пиратами! — дребезжащим голосом крикнул капитан Христофор Колумб. Приподнялся на дрожащих старческих ногах и тут же снова упал на стул.

— Теперь пираты будут хозяйничать в наших водах. Особенно по ночам, в темноте, — озабоченно сказал капитан Тин Тиныч. — Пираты... Новость не из приятных... Ну, Томми, Томми, да не вешай ты носа! Ведь ты среди друзей!

— Чем меньше, тем больше, и никаких переживаний!.. — негромко пробормотала красотка Джина, поворачивая над раскалёнными углями подрумянившегося гуся.

Она частенько произносила эти загадочные, непонятные слова, такая уж у неё была привычка.

Чёрная Кошка сидела неподвижно и только переводила глаза с капитанов на хозяйку таверны. Глаза её быстро двигались, как два сверкающих золотистых маятника: туда — обратно, туда — обратно.

«Кажется, я взвесила всё и сделала верный выбор, — подумала Кошка. — Трезво рассчитала все возможности. Конечно, предвидеть всё заранее никому не дано... Но, полагаю, я не ошиблась. А капитаны-то приуныли... Мур-мяу!»

Капитаны подавленно молчали. Капитан Тин Тиныч набил табаком трубку, но так и забыл её раскурить.

Пираты!.. Откуда они взялись на Чёрном острове?

Неужели кто-нибудь из ребят, начитавшись книг о морских разбойниках, так, в шутку или из недоброго озорства укрепил на мачте своего корабля чёрный флаг с черепом и скрещёнными костями? Нет, не может этого быть!

Но так или иначе, теперь пираты были реальностью, жестокой реальностью.

Им ничего не стоило, засев на скалах Чёрного острова, сделать его неприступным. А тёплое течение, огибая с юга остров Капитанов, как раз несло все корабли прямо к Чёрному острову. Сбиться с курса было очень легко. Особенно безлунной ночью, в темноте.

В окно таверны с трудом протиснулась Ласточка по имени Два Пятнышка. Её прозвали так потому, что за ней, никогда не отставая, летели по воздуху два чёрных круглых пятнышка, похожих на кляксы. Одно поменьше, другое побольше.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Ласточка доставила на «Мечту» заветную карту океана Сказки.

Ласточке пришёлся по душе остров Капитанов. Ей нравились и высокие шуршащие пальмы, и прозрачные волны сказочного океана. А главное, она подружилась с отважными и благородными капитанами.

Однажды Ласточка прилетела на остров Капитанов, держа в клюве старинный пожелтевший рисунок.

— Я надеюсь... мне кажется, вам понравится, — радостно прошептала она.

На листе бумаги был изображён двухмачтовый бриг с туго надутыми ветром парусами. Над ним упруго изогнулась разноцветная радуга.

— О-ля-ля! Отличный корабль! — воскликнул капитан Жан.

— Корабль нарисован как следует. Ничего не скажешь, — одобрительно кивнул головой капитан Какследует.

— Одно досадно: ведь он только нарисован, — с сожалением заметил капитан Тин Тиныч. — Такой корабль украсил бы нашу флотилию. Кстати, где ты его раздобыла, милая Ласточка?

— Вы знаете, совершенно случайно, — ответила Ласточка. — Довольно забавная история. Вы послушайте.

Ласточка рассказала, что она, навестив волшебника Алёшу, решила на обратном пути залететь ненадолго в городской

парк, поболтать со знакомыми птицами. Но все птицы разлетелись кто куда по своим делам, и только по пустой аллее со свистом носился Буйный Ветер, давний приятель Ласточки.

Буйный Ветер был очень занят. Он играл с пожелтевшим листом бумаги, на котором был нарисован старинный корабль. Ветер то волочил рисунок по земле, то поднимал вверх и кружил в воздухе вместе со столбом пыли.

— Где это ты раздобыл такой рисунок? — поинтересовалась Ласточка.

— Да так, залетел в чьё-то открытое окно, — небрежно просвистел Ветер. — Смотрю, мой знакомый Сквознячок забавляется с какой-то старой книгой. Листает страницы, а они еле-еле держатся, того гляди, разлетятся по всей комнате. Ну, мне понравилась одна картинка, я поднатужился, налетел, вырвал её из книги и унёс в открытое окно. Но она уже надоела мне. Она слишком тяжёлая, я даже запыхался. Нет, мне нравится всё лёгкое, невесомое, то, что любит летать и кружиться в воздухе.

— Если так, то давай поменяемся, — предложила Ласточка. — Отдай мне этот рисунок. А взамен я подарю тебе три своих пёрышка. Вот увидишь, ничто так чудесно не кружится в воздухе, как ласточкины пёрышки.

Буйный Ветер подумал немного и согласился.

Он завертел, закружил три лёгких пёрышка и, засвистев от восторга, понёс их куда-то высоко-высоко, наверно, для того, чтобы похвастаться перед облаками своей новой игрушкой.

А Ласточка отнесла нарисованный корабль на остров Капитанов.

Капитаны прибили рисунок гвоздями к прокопчённой стене таверны.

И странное дело. То ли виной тому сырые зимние ночи и дым из очага, то ли ещё что, но нарисованный корабль со временем стал меняться. Померкла, погасла многоцветная

радуга. Обветшали паруса, словно от безделья, лениво повисли на реях. Перепутались, истлели канаты. Сквозь прохудившиеся борта проступили рёбра шпангоутов.

— Мне кажется, он тоскует здесь на стене. Ведь он так и не стал настоящим кораблём, — с грустью сказал как-то капитан Тин Тиныч. — Невесёлое это дело — вечно плыть в Никуда...

Капитаны, как всегда, обрадовались Ласточке Два Пятнышка.

Лёгкая, подвижная Ласточка в тесной таверне казалась большой и неуклюжей. Тяжело, по-утиному переваливаясь, она подошла к капитану Тин Тинычу.

— Тьфу, нарисованная... — надменно фыркнула в усы Чёрная Кошка. С безразличным и равнодушным видом отвернулась.

«Интересно, какая она на вкус, эта нарисованная? — на самом деле в этот миг подумала Чёрная Кошка. — А вдруг ещё вкуснее, чем настоящая? Ах, эти крылышки, эта нарисованная шейка!..»

Но, конечно, глядя на Кошку, никто бы не догадался, о чём она думает.

Два Пятнышка быстро повернула голову в чёрной блестящей шапочке, оглядела капитанов.

— В курсе, в курсе. Всё знаю, — быстро проговорила Два Пятнышка.

В тесной таверне ей было слишком жарко и душно. Она любила полёт, ветер, словно разрезанный надвое её крылом, безбрежные просторы голубого океана.

— Это уже всем известно, — продолжала Ласточка, — даже селёдки, которые, как мы надеялись, уже разучились говорить, трещат об этом. Правда, они почему-то во всём обвиняют Морского Конька, который тут совершенно ни при чём. Но к делу. Пираты есть пираты. И они доставят вам ещё немало хлопот. Советую прислушаться к моему мнению...

Конечно, вы можете считать, что если я нарисованная, то моё мнение тоже нарисованное. А нарисованное мнение нарисованной Ласточки, может быть, по-вашему, немного стоит. В таком случае я сейчас же...

— Что ты, милая Два Пятнышка, мы вовсе так не думаем, — мягко сказал капитан Тин Тиныйч.

Два Пятнышка пристально посмотрела на него, серьёзно кивнула головой в чёрной атласной шапочке.

— Тогда вот что, — уже спокойнее продолжала она. — В большом городе на большой настоящей реке живёт добрый и мудрый человек. Волшебник Алёша зовут его. Если бы не он... но это неважно. Это не относится к делу. Важно другое. Он знает остров Капитанов, как будто много раз бывал здесь. Вы должны посоветоваться с ним. Я уверена, он вам поможет.

— А что? Неплохая мысль... — задумчиво проговорил капитан Тин Тиныйч. — К тому же, друзья мои, у меня есть карта. Отличная карта... Но...

— Что «но»? — хриплым голосом воскликнул капитан Какследует. Он вскочил на ноги, резко отшвырнул дубовый стул. — Всё надо делать как следует! И если у вас сердце моряка, а паруса не из...

Капитан Тин Тиныйч молча посмотрел на него, нахмутив брови. А капитан Жан, вытянув губы трубочкой и насвистывая что-то лёгкое и кружевное, незаметно, но резко толкнул его в бок локтем.

Капитан Какследует, побагровев и трубно сопя от обиды, снова грузно плюхнулся на стул, проворчав сквозь зубы:

— Нянчатся тут с некоторыми...

— Вы понимаете, что я имел в виду, — продолжал капитан Тин Тиныйч. — Да. Нарисованную Черту. Черту, которая окружает наш океан Сказки.

— Ах, тут уж ничего не поделаешь! — с улыбкой подхватила красotka Джина. Она тряхнула головой, и в каждом иссиня-чёрном локоше вспыхнул короткий отблеск свечей, так

что её волосы, искрясь и мерцая, на миг из чёрных сделались золотыми. — Ничего уж тут не поделаешь. Нарисованную Черту никому не дано переплыть!

Это была печальная истина. Океан Сказки со всех сторон был окружён широкой Нарисованной Чертой, и немало кораблей потерпели крушение, налетев на неё беззвёздной ночью или в тумане.

Самое удивительное, что все сделанные ребятами корабли, со всех концов света держащие курс на остров Капитанов, переплывали её, даже не заметив, даже не почувствовав легчайшего толчка. Но обратно... Нет, Нарисованная Черта была опасней любой подводной скалы, любого рифа.

— Я как-то не подумала... — Ласточка Два Пятнышка с виноватым видом почесала лапкой короткий клюв. — Я так легко её перелетаю...

— Думать! Извините, но для этого желательно иметь на плечах нечто не нарисованное... — не утерпев, ехидно мурлыкнула Чёрная Кошка.

Вдруг капитан Жан громко хлопнул себя по лбу, словно убил назойливого комара.

— Я знаю, что надо делать! — воскликнул он. — Резинка! Ну, ластик! Ластик, который мой маленький Жан предусмотрительно погрузил в трюм «Альбатроса». Вот теперь-то он наконец пригодится!

— Пойдите, пойдите... — Капитан Тин Тиныч даже привстал с места. — Забавно! А что, если, действительно, попробовать стереть им Нарисованную Черту? И сквозь образовавшийся пролив выбраться в тот, другой, настоящий океан?

— В районе острова Пряток Нарисованная Черта не такая ровная и немного поуже, — обрадованно подхватила Два Пятнышка. — Я давно это заметила. Я полечу с вами и...

— Отлично, — кивнул капитан Тин Тиныч. — Спасибо тебе, милая Два Пятнышка. В таком случае на рассвете мы поднимем паруса.

— О-ля-ля! — весело воскликнул капитан Жан и подкинул кверху свою синюю морскую шапочку. — Счастливого плаванья, дружище! Уверен, ластик моего Жана вас не подведёт.

Все подняли бокалы. Даже рыжий капитан Нильс. Хотя, по правде говоря, скверно у него было сейчас на душе. Нет, он не завидовал капитану Тин Тинычу. Он слишком любил его. Но с какой бы радостью он сегодня же, сейчас же направился навстречу любым приключениям и опасностям!

Ах, маленький Нильс, неусидчивый и беспечный мальчишка, что ты натворил, поленившись сделать «Весёлому Троллю» надёжные паруса!..

Хозяйка трактира между тем, продолжая всё так же ласково улыбаться, наклонилась к Чёрной Кошке и что-то шепнула ей на ухо.

— О чём разговор! — благодушно промурлыкала Чёрная Кошка.

Хотя на самом деле в этот миг она с досадой подумала: «Все, все могут сидеть здесь в тепле, у камелька, сколько им вздумается. Одна я должна идти куда-то в холод, сырость, туман... Впрочем, раз уж я окончательно решила...»

Чёрная Кошка с обидой поглядела на весело растрещавшиеся поленья в очаге. На минуту задержалась на пороге, поёжилась от вечерней сырости и исчезла в темноте.

В окно влетела летучая мышь, по прозвищу Непрошенная Гостья, единственная летучая мышь, жившая на острове Капитанов.

Обычно она ютилась в развалинах старой башни на Одинокой скале. Зацепившись лапками за полусгнившие балки, висела вниз головой, вздыхала от одиноких тоскливых мыслей.

Непрошенная Гостья что-то невнятно пропищала, словно хотела предупредить о чём-то капитанов, и вырвалась в окно.

В дверь скользнула Чёрная Кошка, брезгливо передёрнула гладкой шкуркой, отряхивая мелкие белые, будто молоко, капли тумана. Прыгнула на высокий табурет.

Поймала взгляд хозяйки, кивнула головой: мол, всё в порядке. Потом как ни в чём не бывало принялась старательно лизать заднюю лапу.

В дверь бочком протиснулась тощая, согнутая крючком нищенка-оборвашка. В руке — веером колода карт. Видно, добывает себе кусок хлеба гаданием. Один глаз завязан чёрной повязкой. В ухе круглая медная серьга, размером с блюдечко.

Нищая гадалка робко протянула к огоньку большие красные ручищи, покрытые цыпками, жалостно замигала единственным глазом.

Она была до самого подбородка укутана в дырявый цветастый платок. К его бахrome прилипли обрывки водорослей, сухие клешни крабов. Из-под обтрёпанной юбки с оборками торчали большие разношенные мужские башмаки.

— Дай погадаю, золотой, хорошенький, — басом сказала гадалка, придвигаясь к старому адмиралу Колумбу.

— Обогрейся, несчастная, да ступай своим путём, — проворчал старый адмирал. — Не верю я в эти ваши бесовские штучки, да, не верю. Помню, было это лет пятьсот назад. Одна такая, вроде тебя, нагадала моему Христофору Колумбу, что он ничего не откроет. А что, изволите видеть, вышло?

В таверну зашёл погреться Добрый Прохожий.

— Сырая ночь, однако... — начал было он и вдруг замолчал, с удивлением глядя на одноглазую гадалку. — Странно, признаюсь, очень странно. Я обошёл сегодня весь остров, и не один раз. Но вас я почему-то не видел. Впрочем, сегодня, можно сказать, ночь неожиданностей. Только что повстречал незнакомца. Скажу одно, весьма необычный субъект. Тощий, в ухе большущая серьга, за поясом два пистолета. И представьте — тоже одноглазый. Я шёл как раз по дороге из гавани в город.

— А я шла как раз по дороге из города в гавань, — поспешно возразила гадалка. — Разными дорогами мы шли. Как же мы могли повстречаться?

Гадалка отвернулась, прикрыла лицо шалью.

— И всё-таки я не совсем понимаю... Тут какая-то загадка, — задумчиво пробормотал Добрый Прохожий.

Он ещё немного постоял, рассеянно глядя на лёгкие, летучие языки пламени в очаге, и вышел из таверны.

Гадалка потёрла красные лапищи, как-то бочком, крадучись вдоль стены, подобралась к капитану Тин Тиничу.

— Дай погадаю по руке, золотой, хорошенький. Всю правду открою, — вкрадчиво проговорила она.

Но капитан Тин Тинич решительно отстранил её:

— Нет, уж избавьте меня от этого, голубушка.

Гадалка в ту же минуту подскочила к капитану Жану, цепко ухватила его за руку.

— Я и по твоей руке могу предсказать его судьбу! — Гадалка указала корявым пальцем в сторону капитана Тин Тинича. Наклонилась над ладонью капитана Жана, жалобно заголосила: — Вижу, вижу, завтра утром твой дружок Тин Тинич хочет отправиться в опасное плавание. Что, верно говорю? Не соврала? То-то же!

— Неужели на моей руке написана его судьба? — искренне изумился капитан Жан.

— Да ещё какая несчастливая судьба! — подхватила гадалка, жадно поглядывая на капитана Тин Тинича. — Клянусь преисподней, вот эта линия на твоей руке предсказывает, что с твоим дружком случится большое несчастье. Тысяча дьяволов! На него упадёт бом-брам-стенъга и прихлопнет его, как муху!

— Какой ужас, мадам, — бледнея, проговорил капитан Жан. — Неужели как муху? Нельзя ли как-нибудь изменить линии моей руки? Я согласен... ради друга...

— Бросьте, Жан, дорогой! — усмехнулся капитан Тин Тинич. — Это же просто смешно, наконец.

— Дальше ещё хуже, — запричитала гадалка, раскачивая

огромной серьгой. — Чёрт подери, вот эта линия показывает, что будет буря и его корабль развалится на три половинки!

— Капитан Тин Тиныч, прошу вас, умоляю, откажитесь от этого плавания! — взмолился капитан Жан.

Не будем скрывать, капитан Жан был поистине бесстрашный человек, отличный товарищ, но у кого нет слабостей: верил во все приметы, гадания и, как малый ребёнок, боялся страшных снов.

Капитан Тин Тиныч, не обращая внимания на стоны и завывания гадалки, начал прощаться с друзьями. Крепко тряхнул руку рыжему капитану Нильсу. Осторожно, еле-еле пожал руку старому адмиралу Колумбу, словно его рука была из тончайшего стекла и могла рассыпаться от малейшего прикосновения.

— До свидания, друзья мои. Чуть рассветёт, мы будем уже в открытом море.

Капитан Тин Тиныч обнял Томми. Через его кудрявую голову обменялся понимающим взглядом с капитанами.

Никто не обратил внимания, что хозяйка таверны наклонилась к Чёрной Кошке и что-то быстро прошептала ей на ухо.

Капитан Тин Тиныч направился к двери.

Но не успел он сделать и трёх шагов, как Кошка соскользнула с табурета и, мягко перебирая бархатными лапами, словно чёрная тень, перебежала ему дорогу.

— Между прочим, приношу несчастье! Мур-мяу! — добродушно промурлыкала Кошка.

Бледный, как бумага, капитан Жан ухватил Тин Тиныча за плечо.

— Она перебежала вам дорогу! — дрожащим голосом еле выговорил он. — Умоляю, послушайте меня, не выходите в море. Мой дед, опытнейший был моряк... пренебрёг кошкой... Вот так же дорогу ему перебежала. Отплыл полмили от берега и... ко дну.

Капитан Тин Тиныч, усмехнувшись, наклонился, погладил Чёрную Кошку. Хотел было пальцем почесать у неё за ушком.

— Уберите ваши лапы, — мрачно буркнула Кошка.

С оскорблённым видом вскочила на табурет, повернулась спиной к капитану Тин Тинычу.

— Капитан, — негромко окликнула его красotka Джина, — может, возьмёте меня с собой? Ну хотя бы коком. Что-то потянуло в море. Знаете, хочется, чтобы щи-борщи поплескались в кастрюлях. Да разрешите уж и Кошечку с собой прихватить.

Чёрная Кошка моментально слетела с табуретки, замурлыкала с металлическим треском, принялась, подобострастно заглядывая в глаза, тереться о ноги капитана Тин Тиныча.

— Ну что ж, не возражаю, — кивнул головой капитан Тин Тиныч.

— Девять футов воды под киль! — дребезжащим голосом выкрикнул старый адмирал Христофор Колумб и залпом осушил до дна серебряный кубок. Тяжело опустил его на стол.

Хозяйка торопливо увязывала пожитки в узел, заодно давая последние указания одноногому слуге.

Кошка, прощаясь с таверной, нюхала углы и ножки стульев.

Хозяйка толкнула в спину кулаком одноглазую гадалку, которая стояла, мрачно потупившись, и грызла грязные ногти.

— Вон отсюда, коль не сумела нагадать, как было велено, — сверкнула глазами хозяйка.

Но, поймав недоумевающий взгляд капитана Тин Тиныча, спохватилась, с улыбкой проговорила:

— Ох уж эти нищенки-побирушки! Глаз да глаз за ними нужен. Сейчас ещё серебряные ложки пересчитаю. А ну-ка, выверни карманы, красавица.

— Иди, иди отсюда, тётушка, — махнул рукой капитан Какследует. — Не до тебя сейчас.

Гадалка, уныло сгорбившись, пошла к двери. Не заметила, что её цветастая шаль зацепилась потрепанной бахромой за угол стола. Шаль сползла с плеч.

— Ах! — разом вскрикнули все капитаны.

На гадалке оказалась мужская рубашка, распахнутая на волосатой груди. Из-под широкого алого пояса торчала пара тяжёлых пистолетов.

— Каррамба, вот так тётушка! — срывающимся голосом воскликнул адмирал Колумб.

Увидев, что его тайна раскрыта, пират выпрямился, пронзительно свистнул, в мгновение ока выхватил из-за пояса оба пистолета. Прицелился в фонарь. Грянул выстрел. Фонарь погас. Вторая пуля лихо сбила пламя свечи. Таверна погрузилась в полный мрак.

Послышался острый звон выбитого стекла. Стук распахнувшейся рамы. Глухие проклятия.

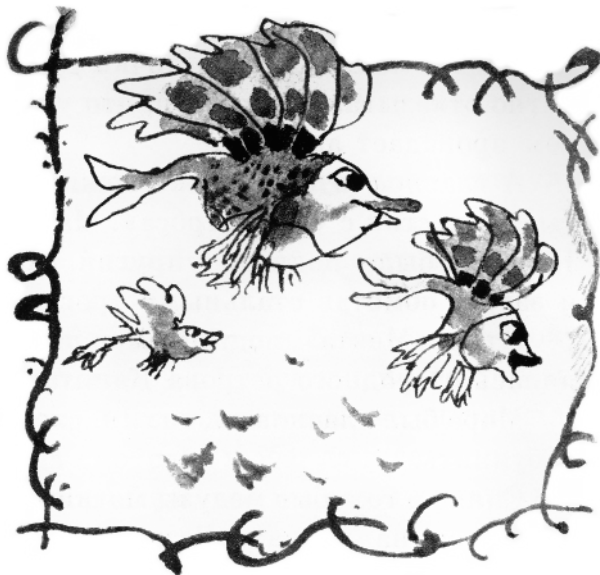
Всё смолкло. И тогда капитаны услышали голос моря. Удар волны, шипение пены и тишина. Удар волны и тишина.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Проступил бархатно-синий квадрат неба в окне. Во мраке светились белые гребешки волн.

— Надо же! Пират. Вот уж никогда бы не поверила, — сказала хозяйка таверны, зажигая свечу. — И ведь живём не когда-нибудь, а слава богу, в двадцатом веке. Ай-яй-яй!

Глава 7

ЮГ И СЕВЕР
И ГЛАВНОЕ:
ВСТРЕЧА
С МЕДВЕЖОНКОМ,
КОТОРЫЙ УВЛЕКАЛСЯ
ГЕОГРАФИЕЙ

Знаете ли вы, друзья мои, как светит солнце над океаном Сказки?

Лучи его насквозь пронизывают волны и доходят до самого дна, согревая всех его многочисленных жителей и обитателей.

Приблизьте лицо к воде, и вы увидите там глубоко на дне Морского Конька, осторожно выглядывающего из кораллового грота. Он не без тревоги посматривает по сторонам: нет ли поблизости болтливых селёдок?

А вон Краб-отшельник. Медленно чертит он клешнёй на волнистом песке какие-то знаки. Глубинное течение стирает их, а мудрый краб задумчиво чертит их снова.

Но не будем терять драгоценного времени! Давайте скорее поднимемся на борт «Мечты».

Команда уже погрузила бочки с пресной водой и провиант.

По приказанию капитана прихватили целый мешок сушёных комаров и мошек для Ласточки Два Пятнышка, хотя та деликатно отказывалась, уверяя, что у неё во время плавания совсем пропадает аппетит.

А главное, в трюме уже лежит самый ценный груз «Мечты» — ластик с «Альбатроса». Матросы изрядно потрудились. Нелегко было поднять упругий скользкий ластик по трапу и затем, обмотав стальными тросами, спустить в трюм.

Итак, «Мечта», подгоняемая попутным ветром, быстро удалялась от родного острова Капитанов.

Море было ласковым, тихим, словно не умело капризничать и буянить.

Синие и голубые медузы мягкими зонтиками медленно поднимались на волнах. Беззвучно, по-стариковски вздыхали. «Мечта» уже успела далеко уйти вперёд, а медузы ещё вздыхали и качались на волнах.

Иногда, словно горсть серебряных монет, вытряхнутая волной, пролетала стая летучих рыбок.

Капитан Тин Тиныч и старпом Сеня, длинный и тощий, по прозвищу Бом-брам-Сеня, часами простаивали, склонившись над старой картой, некогда нарисованной маленьким Тин Тинычем.

Бумага сильно пожелтела, края карты пообтрепались. В этом не было ничего удивительного, ведь капитан Тин Тиныч никогда не выходил в море без заветной карты.

— Теперь возьмём курс прямо на юг. Да, да, на юг к острову Большая Перемена, — сказал капитан Тин Тиныч раскуривая любимую старую трубку.

В каюте плавал густой слоистый дым, застилая свет иллюминаторов.

Сверху, с палубы, слышались громкие голоса, протопали чьи-то тяжёлые башмаки. Поднялась суетня, беготня.

— Тельняшка, кидай сеть! Плавник справа, пасть слева! Тяни! Тяни! Навалимся все вместе, братцы!

— Опять Тельняшка выпустил свою Рыбу погулять, — недовольно сказал капитан Тин Тиныч. — А в этих широтах полно акул. Доиграется до беды. Вернётся его Сардинка без хвоста.

— Хорошо, если только без хвоста, — задумчиво кивнул старпом Сеня.

Дрессированная Сардинка, серьёзная и рассудительная, была любимицей всей команды.

Она совершала путешествие в трюме, в бочке с морской водой. Но она тосковала по волнам, по безбрежным просторам океана Сказки. Так что иногда Тельняшка всё же выпускал её погулять. Правда, команда смотрела в оба, да и сама умная Сардинка, как ни радовалась свободе, всё же поглядывала по сторонам.

— Да, кстати, пора покормить Два Пятнышка! — спохватился капитан Тин Тиныч.

В трюме «Мечты» находился ещё один пассажир: Ласточка Два Пятнышка.

С бедняжкой приключилась неожиданная беда. Она не на шутку расхворалась.

Да и как не расхвораться, скажите на милость? Красотка Джина, нечаянно выплеснула целый чайник кипятка на одно из чёрных пятнышек, неизменно летевших за Ласточкой.

Бывшая хозяйка таверны принесла тысячу извинений. Ахала, в отчаянии закатывала глаза. Но ведь этим горю не поможешь. Ошпаренное чёрное пятнышко несколько расплылось, а у бедной Ласточки поднялась температура.

Старпом Бом-брам-Сеня уступил ей свою каюту. Постелили на пол матрацы, к пострадавшему пятнышку приложили холодный компресс.

Но Ласточка совсем приуныла и только вяло отворачивала голову от тарелки с сушёными комарами.

— Всё-таки она нарисованная... — однажды задумчиво ска-

зал капитан Тин Тиныч, — может быть, она предпочтёт пообедать чем-нибудь в этом роде... я имею в виду нарисованным!

Да, от такого лакомства Ласточка не имела сил отказаться!

И вот капитан Тин Тиныч и старпом Сеня, нарисовав цветными карандашами у себя на ладонях всевозможных мошек и жучков-паучков, каждый день навещали больную Ласточку.

Два Пятнышка с наслаждением склёвывала нарисованных насекомых с их ладоней.

Вот и сейчас капитан Тин Тиныч и старпом Сеня, прихватив с собой коробку цветных карандашей, отправились, как обычно, навещать Ласточку.

— Пора! — шепнула красotka Джина Чёрной Кошке.

«Что ж, я сделала правильный выбор, — подумала Кошка. — На этой честности и благородстве далеко не уедешь. Хитрость и коварство — вот сила! А если так — надо действовать. Мур-мяу!»

И Чёрная Кошка вслед за корабельной поварихой незаметно скользнула в капитанскую каюту.

— Ф-фу! — Кошка недовольно фыркнула, брезгливо помахала лапой, разгоняя табачный дым.

Корабельная повариха между тем склонилась над заветной картой и, ловко орудуя острым кухонным ножом, аккуратно соскребла буквы «С» и «Ю», обозначающие юг и север.

Покончив с этим делом, красotka Джина помусолила во рту карандаш и нарисовала на том месте, где была буква «С», букву «Ю», а на том месте, где была буква «Ю», букву «С». Переменив тем самым юг и север местами.

— Чем меньше, тем больше, и никаких переживаний! — злорадно усмехнулась красotka Джина.

Через минуту в капитанской каюте уже никого не было.

Скоро вернулись капитан Тин Тиныч и старпом Бом-брам-Сеня, потирая покрасневшие ладони. Ласточка хоть и была

нарисованной, но клюв у неё был изрядно-таки острый и твёрдый.

— Нахожу, что наша птишка выглядит сегодня гораздо лучше. Перышки блестят, и аппетит у неё просто отличный, — сказал капитан Тин Тиныч.

— Просто отличный, просто отличный... — рассеянно повторил старпом Сени, разглядывая карту. — Но не кажется ли вам, капитан, что, рассчитывая путь, мы с вами допустили ошибку?

— Ошибку? Не может быть! — Капитан Тин Тиныч тоже наклонился над картой. — Однако похоже, это действительно так. Не понимаю, как это могло случиться. Невероятно! Мы полагали, что архипелаг Большая Перемена расположен на юге...

— А на самом деле нам надо плыть на север!

— Ха-ха-ха! — посмеивалась в камбузе корабельная повариха. — Будет, наверно, преизрядный толчок, когда «Мечта» ткнётся носом прямёхонько в Северный полюс!

Посему стоит ли удивляться, что дни шли за днями, а долгожданного архипелага всё не было видно, хотя у старпома Сени от бинокля появились вокруг глаз красные круги.

— Может быть, мы прошли его ночью? — недоумевал он.

— Исключено! — покачал головой капитан Тин Тиныч. — А зови?

— Точно! — спохватился старпом Сени. — Как я мог это забыть?

Дело в том, что архипелаг Большая Перемена — звонил. Да, да, друзья мои, не удивляйтесь, именно звонил. Собственно, поэтому его так и называли.

На этих цветущих островах было множество вечнозелёных деревьев. Вместо листьев на них росли зелёные колокольчики. Стройные и лёгкие олени, бродившие в чащах, раздвигали рогами густые ветви. И при этом их рога мелодично звенели.

Только на этих островах водились музыкальные кролики и звенящие лисицы.

Все зоопарки мира мечтали заполучить хотя бы одного самого маленького серого звенящего мышонка.

И что же? Эти удивительные звери отлично приживались в новых условиях.

Кролики, как им и положено, с хрустом грызли морковку.

Котята мурлыкали, играли с бумажкой, привязанной на нитке, и охотно лакали сливки.

Но к сожалению, они начинали звенеть всё тише и тише. Обычно на третий-четвёртый день звон окончательно умолкал.

Теперь вы понимаете, почему мимо архипелага Большая Перемена нельзя было проплыть глубокой ночью, не заметив его.

Острова звенели при самом легчайшем ветерке, при каждом перелёте воробья с ветки на ветку.

Вокруг острова плавали, слабо позванивая, всевозможные рыбы, опускались на дно — и звон доносился всё глуше и глуше.

Итак, «Мечта» продвигалась на север.

Стоявшие по ночам на вахте матросы, надев толстые шерстяные фуфайки, от холода отстукивали зубами нечто вроде морзянки, а канаты и реи покрывались колючей корочкой льда.

— Провиант кончается, — доложила красotka Джина капитану Тин Тинычу. — Сегодня на первое — вода с мочёными сухарями. На второе — сухари, моченные в воде. К тому же если учесть, что пресной воды осталось в бочке на доньшке, а сухари на исходе... Не лучше ли вернуться назад, капитан? А?

— Ни за что, — стиснув зубы, сказал капитан Тин Тиныч.

— Ну что ж, — загадочно вздохнула повариха. — Пока будем помирать с голодухи, а там видно будет...

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, но на следующее

утро «Мечта» чуть не наткнулась в холодном тумане на огромную круглую льдину. Впрочем, огромной она была только по сравнению с маленькой «Мечтой». На самом деле на ней с трудом помещалась Белая Медведица со своим Медвежонком.

Медведица крепко держала Медвежонка, обхватив его широкой лапой, чтобы тот не свалился в воду.

Тельняшка как раз в это время был на палубе. Растирал дрессированной Рыбе озябшую чешую.

— Ещё немного, и я стану свежемороженой, — грустно жаловалась дрессированная Сардинка. — Ох и промёрзла я до самых рыбьих косточек...

— Куда путь держите? — окликнула моряков Белая Медведица.

— Прямо на север, к архипелагу Большая Перемена, а то куда же, — солидно ответил Тельняшка, от холода переступая с ноги на ногу и дыша на окоченевшие руки.

— Ой! К Большой Перемене? — завершал Медвежонка.

Он задвигался, зашевелился, задние лапы заскользили по узкому краешку льдины. Медведица ахнула. Прижала его к себе покрепче. Льдина чуть не перевернулась.

— Ой! Архипелаг Большая Перемена вовсе не на севере! Он на юге! — заикаясь от волнения, принялся объяснять Медвежонка. — Вы плывёте прямо на остров Второгодников. А оттуда до Северного полюса, ой, уже лапой подать!

— Географией увлекается... — растроганно сказала Медведица. — Экий разумник! Ты только говори дяде матросу внятно, не торопись...

Старпом Сеня доложил обо всём случившемся капитану Тин Тинычу.

— Мне тоже казалось, что он лежит где-то в южных широтах, — добавил старпом Сеня.

— Всё это весьма странно, — капитан Тин Тиныч наклонился над картой. — Совершенно непонятная и загадочная

история. Можно подумать, что север и юг на этой карте сами поменялись местами.

И вот, распустив все паруса, «Мечта» двинулась в обратном направлении.

С каждым днём становилось всё теплее. С оттаявших рей и канатов падали крупные чистые капли.

Наконец вдали показался прекрасный архипелаг Большая Перемена.

Три дня весь экипаж отдыхал, греясь на солнышке.

И вот, пополнив запасы свежей воды и набив трюмы музыкальными бананами и звенящими кокосовыми орехами, моряки, страдая от невыносимой головной боли, поднялись на борт «Мечты».

Слышать звон они были больше не в состоянии.

Чёрная Кошка, казалось, просто обуглилась, почернела ещё больше. Она была мрачна, как ночь.

Ей пришлось хуже всех. От жадности она в первый же день живьём заглотала маленького звенящего Мышонка.

Мышонок звенел у неё в животе, не переставая, два дня и две ночи, хотя, скажем по секрету, струхнул не на шутку.

Матросы хоть уши ватой затыкали, всё-таки легче. А тут затыкай не затыкай, всё равно не помогает, если звенит твой собственный живот.

На третий день Кошка сдалась. Легла на берегу на песок, постучала лапой по животу и сказала Мышонку, чтобы он убирался куда пожелает, только бы оставил её в покое.

Но Мышонок попался на редкость сообразительный. Прежде чем выпрыгнуть, потребовал от Кошки обещание, что она его не съедает во второй раз, пока он будет оглядываться, привыкать к солнышку после тёмного живота.

Чёрная Кошка была уже на всё согласна. Поклялась до конца своих дней не ловить мышей и мышат.

Мышонок попросил её пошире разинуть пасть и ловко выпрыгнул на песок. Отряхнулся, почесался, пошевелил уса-

ми, вежливо пожелал «Счастливого плавания» и, беспечно позванивая, отправился по своим делам.

Вот почему Чёрная Кошка была в таком отвратительном настроении.

Но время шло. Бананы и кокосовые орехи звенели в трюме всё тише и тише, а вскоре и вовсе перестали звенеть. Ни дать ни взять, обычные бананы и кокосовые орехи.

«Мечта» летела по волнам. А ветер надувал паруса и свистел озорную песенку.

Глава 8

ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА И ГЛАВНОЕ: ДВА ОКЕАНА

Дни шли за днями. Дул ровный пассат. Капризный океан Сказки пока что вёл себя на редкость тихо и спокойно.

Ласточка Два Пятнышка чувствовала себя гораздо лучше. Она перебралась на палубу, иногда даже пробовала летать и делала несколько неуверенных кругов над «Мечтой». Но ошпаренное пятнышко всё ещё побаивало, и Ласточка жаловалась, что оно неважно скользит и цепляется за воздух.

Ласточка и старпом Сеня очень подружились. Только

выберется свободная минута, а он уже сидит на связке канатов возле своей любимицы.

Старпом Сеня рассказывал Ласточке о житье-бытье на острове Капитанов. Ласточка в свою очередь делилась с ним сложностями своей птичьей жизни.

— Как трудно в наши дни воспитывать нарисованных детей, — вздыхала она. — Вот судите сами. Уж не скажу точно когда, кажется этим летом, залетели мои детки в чужое окно. На столе лежала открытая книжка с картинками. Так что вы думаете? Эти сорванцы склевали с картинки всех нарисованных жуков и бабочек. Представляете, в какое я попала неловкое положение? Пришлось извиняться перед хозяевами.

В это утро Ласточка долго кружилась над «Мечтой». Усталая, очень довольная опустила на палубу.

— Первый раз сегодня пятнышко мне не мешало, — возбуждённо проговорила она. — Ну, разве, может быть, на крутых виражах, и то чуть-чуть!..

Из камбуза вышла красotka Джина. Мрачно покосилась на Ласточку Два Пятнышка. Облокотилась о планшир. Блестящие, словно металлические, чёрные локоны ловили голубые искры океана. Греть её бок, к ней тесно прижалась Чёрная Кошка, чутко наставив треугольные уши.

— Не вышло одно, придумаем другое, — сквозь стиснутые зубы прошептала красotka Джина. — Какую-нибудь наихитрейшую хитрость.

«Умница я. До чего же всё точно рассчитала и сделала безошибочный выбор. — мысленно похвалила себя Чёрная Кошка. — Благородство и честность — всегда одни и те же. Одинаковые. А вот обман и коварство — они, мои лапочки, всегда разные. К примеру, сегодня — одно, а завтра — совсем другое...»

— Лас-с-стик! — с каким-то змеиным присвистом прошептала красotka Джина.

— Ластик? — с недоумением повторила Чёрная Кошка.

— Мы его уничтожим. Чем они тогда сотрут Черту? — Торжество сверкнуло в мрачных глазах красотки Джины. — Ластик должен исчезнуть!

— Но как его... исчезнуть? — Чёрную Кошку даже дрожь начала бить от волнения и любопытства.

— Он исчезнет незаметно, постепенно, словно растает... — Зрачки красотки Джины хищно сузились. — И главное, на нас не падёт даже тень подозрения. Мы останемся чистенькие, в стороне. А ластик исчезнет! Матросы его... съедят! Вернее, сжуют!

— Мур-мяу! — не выдержав, воскликнула Чёрная Кошка.

Она отпрянула от своей хозяйки, да так и застыла, раскрыв рот от изумления. Хотя она, как никто, умела скрывать свои мысли и чувства, но на этот раз прославленная выдержка ей изменила.

— Тс-с!.. — Красотка Джина прижала тоненький пальчик к своим улыбающимся губам.

Поздним вечером, улучив момент, когда на палубе не было ни души, красотка Джина, скинув туфли, босиком неслышно скользнула в трюм.

На ощупь отыскала в темноте упругий гладкий ластик. Наступила ногой на что-то острое. Проклиная всё на свете, принялась злобно кромсать ластик кухонным ножом, стараясь отхватить от него кусок побольше.

Завернула отрезанный кусок ластика в передник и, никем не замеченная, вернулась назад. Потом до утра варила его в сладком вишнёвом сиропе.

А на следующий день...

— Надоело вам, наверно, одно и то же. Уж сегодня я для вас расстаралась, такую вкусноту приготовила, такую вкусноту! — сияя своей неподвижной улыбкой, объявила красотка Джина. — Сегодня у нас к обеду на третье — жевательная резинка! Сладкая, ароматная. Жуйте, мои хорошие!

Вся команда принялась старательно жевать.

Чёрная Кошка целый день крутилась на палубе и жевала с таким усердием, что у неё даже челюсти заболели.

Матросы лазили по реям и жевали, старпом Сеня поглядывал на гидрокомпас и жевал, юнга Щепка чистил якорную цепь и тоже жевал, жевал, жевал.

— А вы, капитан? — мило улыбаясь, предложила красотка Джина.

— Нет, знаете, как-то не люблю... — немного смутившись, отказался капитан Тин Тиныч. — Откуда она у вас, кстати?

Красотка Джина, видимо не расслышав вопроса, ничего не ответила и бесшумно выскользнула из каюты.

— Вкуфнота!.. Муф-мяф! — отдуваясь, повторяла Чёрная Кошка. Жевательная резинка обленила её всю морду, свисала с усов.

— Жуйте, мои славные, жуйте! — вкрадчивым голосом уговаривала матросов красотка Джина, расхаживая по кораблю.

Она даже бросила кусок жевательной резинки в бочку, где плавала дрессированная Сардинка.

Долго и терпеливо уговаривала Ласточку взять в клюв хоть маленький кусочек.

Но уже на второй день матросы жевали резинку как-то лениво, с видимой неохотой.

— Надоело! — на третий день решительно сказал матрос Тельняшка. Все остальные матросы тоже отказались наотрез.

И только юнга Щепка, начищая до блеска якорную цепь, самозабвенно жевал резинку. Это был смышлёный и проворный мальчуган, но такой худенький и лёгкий, что капитан Тин Тиныч во время шторма запирали его в своей каюте, боясь, чтобы какая-нибудь непутёвая волна не смыла его за борт.

— На одной щепке далеко не уплывёшь... — яростно гремела кастрюлями красотка Джина. — Рухнул такой план... такая первосортная хитрость...

«Нет, она должна ещё что-нибудь придумать, — с беспокойством подумала Чёрная Кошка. — Просто обязана... Раз уж я сделала выбор...»

— Осталась одна ночь, всего одна... — Красотка Джина в неистовой злобе ухватила за уголки свой белый передник, обшитый кружевами, с треском разорвала снизу доверху, — «Мечта» подходит к самому краю Сказки. Я чувствую, все вещи стали тяжелее, а воздух — гуще. Проклятье! Придётся рискнуть! Ластик должен исчезнуть. На куски его и за борт!

— А Нарисованная? Она ведь день и ночь на палубе. Заметит, сразу донесёт капитану, — с сомнением протянула Чёрная Кошка.

Корабельная повариха поманила Кошку к себе, нагнулась к чёрному треугольному ушку, чуть розовеющему изнутри, что-то шепнула. Кошка немного подумала и кивнула с серьёзным видом.

Едва лишь на бархатном небе выпали звезды, крупные, похожие на снежинки, Чёрная Кошка неслышными шагами подошла к Ласточке Два Пятнышка. С радостным мяуканьем повисла у неё на шее, словно были они закадычными друзьями и не виделись невесть сколько.

— Вместе плывём, а поговорить по душам всё некогда, — слащавым голосом пропищала Кошка. Её глаза, круглые, плоские, блеснули, как две золотые монеты. Она присела рядом с Ласточкой, крепко обняла её лапой за шею.

— О чём нам говорить?.. — с тоской прошептала Ласточка Два Пятнышка.

— Мало ли о чём? — загадочно усмехнулась в темноте Чёрная Кошка. — Вот, например, очень меня интересует: кого на свете больше, мышей или звезд? Как ты думаешь, а? Мышей

мы, конечно, едим. От этого их меньше становится. Только, может быть, на свете где-нибудь живут звездоеды? Питаются звёздами. Одну на обед, другую на ужин. Выпьют бокал вина — звёздочкой закусят. Не знаешь таких?

— Не знаю... — покачала головой Ласточка. Она старалась незаметно освободиться от тяжёлой тёплой лапы. Кривые когти отвратительно цеплялись за нежные пёрышки на беззащитной шейке.

— Ночами не сплю. Всё об этом думаю. — Голос у Кошки стал вдруг печальным, жалобным. — Так и заболеть не долго. Уж выручи по дружбе. Давай посчитаем: я — мышей, а ты — звёзды. А?

Чёрная Кошка убрала жаркую лапу с шеи, просительно замурлыкала.

— Ладно уж, — неохотно согласилась Ласточка.

— По гроб жизни не забуду! — обрадовалась Кошка. — Главное, запомни: звёзды, они без хвостов. А мышь, она, моя лапочка, ну, непременно с хвостом. Ни за что не спутасшь. Ну, берись за дело и не отдыхай, пока все до одной не сосчитаешь!

Чёрная Кошка легко и мгновенно исчезла в темноте.

Ласточка подняла голову, посмотрела вверх на небо.

Звёзды раскинулись над ней, то собираясь в гирлянды, то рассыпаясь врозь. Не поймёшь, с какого края начинать считать. Решила: слева направо, по порядку.

Считала, считала, сбилась, начала снова. Вдруг Ласточка Два Пятнышка обомлела. По небу, кувыркаясь, покатилась, видимо не удержавшись, звезда. Яркая, лучистая, а позади, рассыпаясь во все стороны искрами, — хвост.

— Звездомышь! Звездомышь! — не своим голосом закричала Ласточка и бросилась искать Чёрную Кошку.

Обыскала всю «Мечту» — Чёрной Кошки нигде не было. Случайно заглянула в трюм. Там в глубине таинственно блестя две золотые монеты. Ласточка свесила вниз голову.

— Мышезвёзд! Мышезвёзд! Вы только подумайте! — с волнением воскликнула она.

На нижней ступеньке лестницы, ведущей в трюм, Ласточка Два Пятнышка, присмотревшись, разглядела Чёрную Кош-

ку. Рядом с ней корабельную повариху в рваном белом переднике.

— Это вы?.. — удивилась Ласточка. — А что вы там делаете?

— Мышей считаем... — угрюмо буркнула Чёрная Кошка.

Они о чём-то пошептались там внизу, в темноте. Потом Чёрная Кошка двумя скачками взлетела вверх по ступенькам.

Корабельная повариха поднялась вслед за ней. Ласточка приметила, что она была босая, туфли держала в руке. Проходя мимо, красotka Джина обожгла Ласточку бешеным, непонимающим взглядом.

Станным показалось Ласточке всё это. До утра просидела она на палубе, глядя на острый проворный месяц, неутомимо бегущий за «Мечтой», время от времени стряхивая с перьев капли тумана.

Но солнце поднялось из моря такое умытое и ясное. Лучи его сквозь прозрачные волны дошли до самого дна. Видно было, как гибкими стайками проплывают рыбы, а ещё сонные крабы вертят выпуклыми глазами, разглядывая просмолённое днище «Мечты».

Ласточка Два Пятнышка отогрелась, повеселела, и тревожные мысли рассеялись вместе с ночным туманом.

Неожиданно глубоко под волнами мелькнуло что-то большое, круглое. Сверху розовое, по бокам зелёные прожилки. Покачиваясь, стало подниматься вверх, ни дать ни взять розовый кит в зелёную полоску.

— Остров Пряток! Остров Пряток! Справа по курсу! — ликующим голосом закричала Ласточка Два Пятнышка. Она так стремительно взлетела с кормы, что «Мечта» качнулась и нос её резко задрался кверху.

Весь экипаж столпился у правого борта. Мало кому даже из самых бывалых моряков выпадала удача увидеть остров Пряток. Стоило вдали показаться какому-нибудь кораблю, как

игривый, легкомысленный остров тут же с насмешливым бульканьем уходил под воду.

Ходили слухи, что остров Пряток покрыт ажурными коралловыми гротами, а на деревьях вместо листьев растут водоросли.

Но сколько ни вглядывались моряки в даль, они видели только голубые волны, мягко перекатывающие слепящие солнечные пятна, словно солнце напекло и разбросало по волнам золотые блинчики. А капризный остров Пряток бесследно исчез из глаз.

— Вот он! Слева по борту! Скорее! Скорее! — пронзительно закричала сверху Ласточка.

Все бросились к левому борту.

На миг показались розовые коралловые беседки, оплетённые струистыми водорослями. Послышалось весёлое хихиканье, плеск, и всё скрылось.

— Так или иначе, заветная Черта уже где-то недалеко, — задумчиво сказал капитан Тин Тиныч. — Как твоё больное пятнышко, Ласточка? Тебе придётся лететь и указывать нам путь.

— Да всё отлично, капитан, не беспокойтесь, — ответила Ласточка. Она старалась сохранить невозмутимость, но видно было, что она волнуется.

По приказу капитана Тин Тиныча подняли из трюма ластик. Шестеро матросов с трудом выволокли его на палубу.

— А кто-то его ножичком чик-чик!.. — наивно сказал юнга Щепка.

— Странно, — заметил старпом Бом-брам-Сеня, — не пойму что-то... Похоже, и вправду с этого края от него отхватили кусок. Интересно, кто бы это мог так постараться?

На палубу легче птички выпорхнула корабельная повариха, сияя своей неизменной, неподвижной улыбкой. Белый передник аккуратно зашит, заштопан.

— А вы что жевали, мои милые? А теперь отказываться?

Ай-йй-йй! — укоризненно качая головой, проговорила она. — Все просили ещё, ещё, хоть кусочек. А уж вам, Тельняшка, вовсе должно быть совестно. Третью порцию у меня кланчили.

— Разве? Что-то не помню, — удивился простодушный Тельняшка.

— Какая глупость! Вы не должны были без моего разрешения... — с досадой нахмурился капитан Тин Тиныч. — Ну, да что сейчас говорить...

— Стараешься как лучше, и вот пожалуйста... — Красотка Джина с обидой отвернулась. — Ведь от чистого сердца я. Дай, думаю, порадую. Какое-то разнообразие в меню...

Чем ближе подходила «Мечта» к Нарисованной Черте, к краю Сказки, тем беспокойней вёл себя океан.

Ветер дул неровными порывами. Всё выше вздымались волны, украшенные белыми, словно сахарными, гребешками.

— Нервничает, тревожится, — объяснила Ласточка Два Пятнышка, на минуту опустившись на палубу. — Впрочем, это обычное явление в этих широтах. Всё-таки, что ни говорите, а где-то здесь рядышком, кончается Сказка. А там... там, за Нарисованной Чертой, всё уже совсем другое...

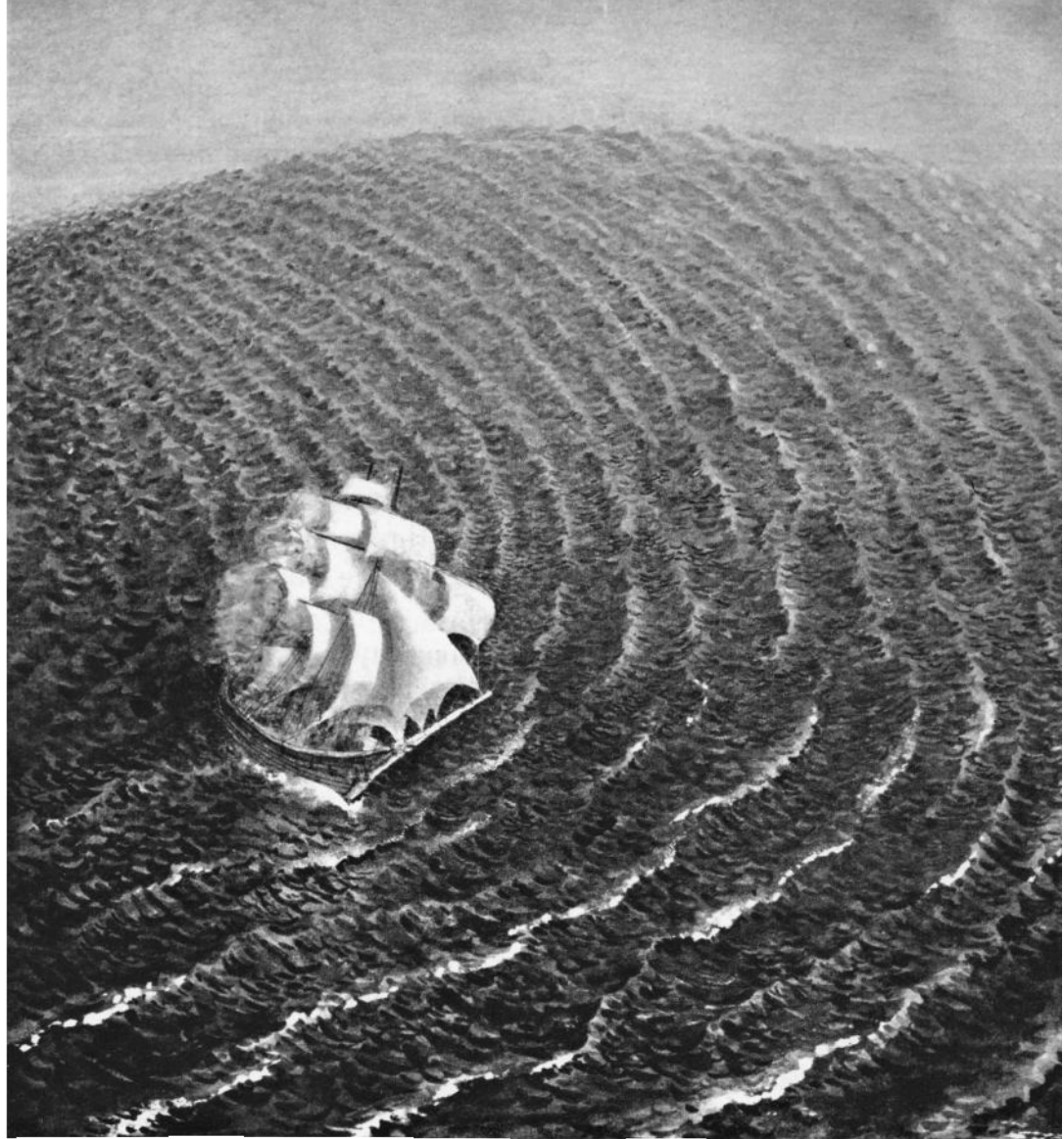
К полудню тяжелая, сизая, с багровым отливом туча обложила всё небо. Стало сумеречно и душно.

Туча опустилась так низко, что её края цеплялись за гот-мачту, туманными щупальцами свисали с рей.

Огромные волны вздымали «Мечту», словно великан пере-кладывал невесомый кораблик с ладони на ладонь. «Мечту» сотрясала тяжёлая дрожь до самых верхушек мачт.

— Посмотрите, — сказал капитан Тин Тиныч старшему Сене, указывая на стрелку компаса.

Стрелка компаса выплясывала какой-то дикий танец, беспорядочно вращаясь то в одну сторону, то в другую. Это и понятно. Ведь сказочный Север и Юг вовсе не совпадают с тем, другим Севером и Югом...

— Ох, тошно мне, домой хочу! — стонала Чёрная Кошка. Глаза её светились в тумане, как зелёные дымные факелы.

— Я вижу!.. Нарисованная Черта! — донёсся откуда-то сверху невнятный голос Ласточки, и ветер словно смял, скомкал его, унёс куда-то.

И в тот же миг чудовищной силы удар потряс корпус «Мечты», как будто её бросило на подводные скалы.

Капитан Тин Тиныч перегнулся через борт. Сквозь мрак и взвихренные клочья пены прямо впереди «Мечты» он разглядел тёмную неподвижную полосу.

Она лежала совершенно ровно и неподвижно, и даже иступлённое буйство волн не могло ни сдвинуть, ни пошевелить её, словно она была им неподвластна.

Новый безжалостный удар. Со свистом согнулись мачты. Затрещало днище.

— В щепки нас разобьёт! В малые щепочки! — дурным голосом выла Чёрная Кошка. — Не желаю на дно! Не имеете права! Полный назад, родненькие! Все тайны вам открою, все секреты!

Тут Кошка пронзительно взвизгнула и умолкла. Мелькнул во мраке белый передник корабельной поварихи.

— Спускайте ластик! Скорее! — крикнул капитан Тин Тиныч.

Нельзя было медлить ни минуты. Волны с сокрушительной силой били корабль о Нарисованную Черту.

Заскрипели блоки. Обмотав стальными тросами, ластик спустили на таях.

— Придётся мне самому... — И, не договорив, капитан Тин Тиныч, ловко перемахнув через планшир, прыгнул вниз, в клочущую, кипящую бездну.

Волна подняла «Мечту», и все увидели, что он стоит на ластике, устойчиво расставив ноги, крепко ухватившись руками за канаты.

-- Ниже, ещё ниже! — скомандовал он.

Наконец ластик упруго коснулся чёрной полосы.

Волны раскачивали его, и ластик, пружиня и сжимаясь, заскользил по Нарисованной Черте.

В первый момент показалось, что чёрная полоса не поддаётся, надежды рухнули, всё напрасно. Но уже через мгнове-

ние капитан Тин Тиный с замиранием сердца увидел, что Нарисованная Черта словно тает под ластиком и по волнам разбегаются скрученные, как палёная берёста, чёрные обрывки.

— Поддаётся! — крикнул капитан Тин Тиный.

И с каждым движением ластика словно рассеивался мрак над «Мечтой», светлело и поднималось небо, утихал ветер. Пучки солнечных лучей протискивались сквозь прорехи в тучах.

Просвет в чёрной полосе становился всё шире.

Ещё несколько беззвучных, мягких движений ластика... И вот уже «Мечта» осторожно вошла в образовавшийся пролив.

Да, «Мечта» прошла через Нарисованную Черту!

Края Нарисованной Черты с жестяным звуком проскрежатали по обшивке «Мечты», сдирая с них краску.

Ласточка Два Пятнышка, счастливая, усталая, покрытая мелкими каплями влаги, опустилась на палубу.

— Вот мы и выбрались, — чуть задыхаясь, прощепетала она. — Возможно, есть и другие способы выйти из Сказки, но уверяю вас: это не самый трудный...

Капитан Тин Тиный оглянулся: Нарисованная Черта уже скрылась из глаз. Повсюду, куда ни глянь, голубело спокойное море.

А лучи солнца будто расчёсывали воду, и казалось, в каждую волну воткнул золотой гребень.

СНОВА ВОЛШЕБНИК
АЛЁША
И ГЛАВНОЕ:
НА ОСТРОВЕ КАПИТАНОВ
ДОЛЖЕН БЫТЬ МАЯК

Да, друзья мои, приятно снова ступить на твёрдую землю! Пройтись вверх по знакомой улице, мимо знакомых деревьев, твоих тихих друзей, к тому единственному дому, где навстречу тебе зажглось тёплым, приветливым светом окно...

Но вообще это я так, к слову. Речь сейчас пойдёт совсем о другом.

Я думаю, вы уже сами догадались: речь пойдёт о нашем друге волшебнике Алёше.

Итак, волшебник Алёша...

Ну да, волшебник Алёша простудился и вот уже третий день сидел дома. Он надел на себя тёплый халат, толстые, немного кусачие шерстяные носки и глубокие уютные тапки. И всё равно ему было как-то зябко и холодно.

«Интересная всё же штука этот насморк. Как говорится: чихать семь дней, если не лечить. Чихать неделю — если лечить. А если прибегнуть к волшебным заклинаниям — всё равно прочихаешь неделю, или семь дней, как уж вам угодно. Ничто его не берёт, — вот что подумал волшебник Алёша, ища

по карманам носовой платок. — К тому же этот сон. Странный сон!..»

Волшебник Алёша всю ночь не спал, кашлял, ворочался. Вставал, пил горячий чай с молоком, снова ложился. Уснул только под утро. Вот тут-то ему и приснился этот необычный, можно даже сказать загадочный сон.

Ему приснилась Ласточка Два Пятнышка.

В этом пока что не было ничего невероятного. Так случилось уже не раз. Когда Ласточке надо было что-нибудь снешно сообщить волшебнику Алёше, то она просто-напросто снилась ему и во сне рассказывала все новости. Волшебник Алёша сам обучил её этому нехитрому сказочному приёму.

Но на этот раз Ласточка была что-то уж чересчур взволнованна, даже встревоженна.

Она кружила над маленькой белопарусной бригантиной, на борту которой голубой краской было написано «Мечта».

— Вы обязательно, непременно должны быть дома, — настойчиво твердила Ласточка. — Непременно... Иначе...

Затем откуда-то появилась красивая черноволосая женщина в белом переднике. У неё были мрачные, жгучие глаза, на губах неподвижная, словно оледеневшая улыбка. Вдруг всё потемнело, послышался свист ветра, маленький кораблик зашлонили тяжёлые мутно-зелёные волны. Полетели клочья пены, словно смятые бурей белые птицы. И всё время, не переставая, сквозь вой и плеск разгулявшихся ветра и волн слышался волшебнику Алёше слабый, прерывистый голос Ласточки.

— Должны быть дома... Обязательно... Непременно...

«Странный сон, очень странный, — снова с досадой подумал волшебник Алёша. — Скорее всего, ночью у меня была высокая температура. Вот и разгадка. А Ласточка вовсе и не думала и не собиралась мне сниться. Надо всё-таки потеплее одеться и как-нибудь добрести до аптеки. Хотя бы аспирин купить. Таблетка на ночь... Однако что, если Ласточка действительно

мне приснилась и просила никуда не отлучаться?.. Нет, вы скажите, можно ли так бестолково, я бы даже сказал — безответственно сниться? Честное слово, не сон, а какая-то нарисованная путаница. Джинна, что ли, в аптеку стонать? Нет, из этого, как всегда, выйдут одни только неприятности. Джинн, можете не сомневаться, устроит скандал заведующему, оскорбит всех продавцов, начнёт издеваться над антибиотиками, сульфамидами... Нет, к услугам джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно!»

Волшебник Алёша громко чихнул.

— Будь здоров, — сурово и надменно сказал полосатый кот Васька. Он сидел на столе возле лампы, терпеливо дожидаясь, когда наконец волшебник Алёша догадается и зажжёт её. Как и все коты на свете, он любил погреться и даже подремать в мягком уютном свете настольной лампы.

Хочу напомнить: кот Васька был любимым учеником волшебника Алёши. Трудолюбивым и прилежным. Добросовестным и старательным. Так что можно считать, что он тоже был почти что настоящий волшебник.

Когда-то давно кот Васька был просто нарисованным котом и висел в рамке на стене. Потом волшебник Алёша оживил его.

Кот Васька почему-то не любил вспоминать своё прошлое, стыдился, что ли? Хотя, по-моему, что тут обидного — быть нарисованным? Но так или иначе, возможно, поэтому, а может быть, и нет, но он не слишком-то хорошо относился к Ласточке Два Пятнышка.

«Всё-таки я кот. Пусть в прошлом нарисованный, но всё же кот. И никто не смеет этого отрицать, — рассуждал самолюбивый кот Васька. — Нет, эта Ласточка как-то уж слишком фамильярно на меня поглядывает. Словно намекает: мол, оба мы с тобой одинаковые. Право, это уж чересчур...»

Волшебник Алёша зажмурился, сморщил нос и снова чихнул.

— Чихаешь, кашляешь... — неодобрительно сказал кот Васька. — Мы, коты, предпочитаем зевать. Иногда зевнуть так приятно. Особенно если при этом потянуться... — Кот Васька не выдержал и сладко зевнул. — Вы, люди, простуживаетесь оттого, что мало бываете на свежем воздухе. Я просто уверен в этом, — назидательно продолжал кот Васька. — Да, да, и не гляди на меня сердито. Если б ты не ленился и по вечерам вылезал вместе со мной на крышу, да почаще сидел на заборах, ты бы забыл о своих простудах.

— Каков, однако, нахал! — с досадой воскликнул волшебник Алёша. — Будь любезен, оставь свои советы при себе! Я и сам отлично знаю, что мне делать. Мне бы сейчас принять таблетку аспирина и завалиться пораньше спать.

— Аспирин! — презрительно хмыкнул кот Васька. — Химия!.. Крыша тебе нужна, вот что. Во всяком случае, мы с Муркой будем ждать тебя там. Правая труба возле телевизионной антенны. Да взгляни ты, какая чудесная полная луна! Точь-в-точь как блюдце серебряных сливок.

В это время в форточку кто-то мелко, дробно застучал, словно в стекло бросили горсть камешков.

— Она, Два Пятнышка. Легка на помине, — проворчал кот Васька. — Прилетела, наверно, своих птенцов проведать. А я что? Я их не ловлю...

Волшебник Алёша, запахнув халат и придерживая его рукой у ворота, подбежал к окну и впустил в комнату Ласточку Два Пятнышка.

Ласточка в знак приветствия легко скользнула клювом по его щеке.

— В двух словах: как дети? — взволнованно прошептала она.

— Всё в порядке. Здоровы. Уже такие большие и летают просто замечательно, — поспешил успокоить её волшебник Алёша.

...Ласточка каждый год прилетала выводить птенцов в род-

ной город. Скоро в круглом гнёздышке под крышей начиналась возня и развесёлое щебетание.

Одно только несколько смущало заботливую Ласточку: за каждым птенцом беззвучно скользили по воздуху два чёрных пятнышка. Только вылупятся из яйца — глянь, а уже у каждого два крошечных круглых пятнышка, и никуда от них не денешься.

Птенцы ссорились в гнезде:

— Ты что на моё пятнышко наступил!

— Вот я как клюну твоё пятнышко, тогда узнаешь!

— Мам! А он дразнится, что его пятнышки лучше!

— Ах!.. — вздыхала Ласточка.

И всё-таки в тайне души она гордилась своими птенцами. Когда они перед дождём низко скользили над асфальтом, крылья их были как маленькие чёрные полумесяцы. И за каждым стремительно неслись по воздуху два чёрных круглых пятнышка.

Что ни говорите, а её детей можно было без труда отличить от всех остальных!..

— Спасибо! Спасибо! — Ласточка несколько раз быстро кивнула головкой. — Расскажите потом поподробней. А сейчас, я прошу вас, поскорей откройте дверь!

— Дверь? — удивился волшебник Алёша. — Я не слышал никакого звонка.

— О каком звонке может быть речь! — воскликнула Ласточка. — Не знаю, как они вообще поднимутся по лестнице. Скорее вниз, умоляю...

Волшебник Алёша не стал тратить время на расспросы. Он отворил дверь и, теряя тапочки, придерживая полы халата, опрометью бросился вниз по ступенькам.

Кот Васька побежал за ним.

И вот на площадке второго этажа они встретились!

Позвольте мне сказать, друзья мои: напрасно, совершенно напрасно некоторые из вас полагают, что взрослые вообще не

умеют удивляться. В детстве умели, а потом как-то понемногу разучились. А уж волшебника и подавно ничем не удивишь.

Это совершенно неверно, уверяю вас! Более того, могу вам

сказать со всей ответственностью: если волшебник разучился удивляться, то это наивернейший признак, что ему надо спешно менять свою профессию и волшебником ему больше не быть, не быть никогда.

Поэтому, как вы теперь понимаете, нет ничего странного в том, что волшебник Алёша удивился.

Волшебник Алёша присел на корточки и чуть дрожащей рукой поправил очки.

— Извините, я в таком виде, — смущённо сказал волшебник Алёша и натянул полы халата на коленки. — Я, знаете ли, по-домашнему. К тому же немного простудился. А вы, если не ошибаюсь, капитан Валентин Валентинович?

— Да, — ответил капитан Тин Тиныч. — А это, познакомьтесь, матрос Тельняшка и его уважаемая говорящая Сардинка. Захотела, видите ли, город посмотреть. Остальные члены экипажа остались на корабле.

Увидев огромного полосатого кота, дрессированная Сардинка всё же невольно прижалась к Тельняшке, забила хвостом по его коленкам, словно предупреждая, чтобы он держал её на всякий случай покрепче.

— О, не бойтесь! — воскликнула Ласточка Два Пятнышка. Она слетела вниз и уселась на перилах. — Этот кот очень славный. К тому же он точно такой же, как и я, — нарисованный.

— Как же! Такой... Ещё чего... — оскорблённо фыркнул в усы кот Васька.

Он с надменным видом задрал хвост и затрусил вверх по ступенькам.

Не будем скрывать, он долго не мог простить Ласточке этого предательства.

Волшебник Алёша бережно поднял и поставил на ладонь капитана Тин Тиныча и Тельняшку.

— На лифте? — нерешительно спросил волшебник Алёша.

— Очень хотелось бы. Интересуюсь техникой, — с достоинством сказала дрессированная Сардинка.

Итак, все они поднялись на лифте. Все, кроме оскорблённого и раздосадованного кота Васьки, который отправился прямёхонько на крышу. Но и там он не скоро успокоился. Он не мог даже поделиться с друзьями своей обидой. Тщеславный кот скрывал от всех любителей прогулок по крышам, что он был когда-то нарисованным.

Внеся гостей в комнату, волшебник Алёша ещё раз извинился, на этот раз за беспорядок. Он поспешно сдвинул книги на столе в сторону, освободил местечко.

— Чаю? — предложил он, прикидывая, из каких чашек поить своих необычных гостей.

— Благодарю, мы только недавно пили, — сказал капитан Тин Тиный. — А вот ей, — он указал на дрессированную Сардинку, — неплохо было бы водички.

Волшебник Алёша сбегал на кухню, принёс воды, с ложечки напоил Сардинку.

Смущение постепенно рассеялось. Сардинка напилась воды и разговорилась. Сказала, что город ей очень понравился: большие дома, машины, лифт и всё такое прочее. Но на острове Капитанов всё же лучше. Привыкла она к океану Сказки, да и разных плавающих знакомых и родственников было бы жаль бросить.

— Конечно, удивить меня не легко! — возбуждённо проговорил волшебник Алёша. — Профессия, знаете ли... Превращения, заклинания и так далее. Но всё-таки, согласитесь, принимать вас в гостях, видеть вас у себя... Простите, я потрясён!

— Да? — вежливо улыбнулся капитан Тин Тиный. Но лёгкая тень не то разочарования, не то огорчения скользнула по его лицу. — Лично я не нахожу в этом ничего особенного. Да, мы — капитаны ребячьей мечты... Остров Капитанов... Отличный, скажу вам, подобрался там у нас народ. Конечно, у каж-

дого свой нрав и характер, но какая безупречная смелость, благородство... Один Христофор Колумб чего стоит!

— Христофор Колумб?!

— Он самый. Как любит говорить наш старый адмирал: «Я пребуду с вами, друзья мои, до тех пор, пока обо мне помнят истинные моряки!»

— Да, кетати, — спохватился волшебник Алёша, — не далее как сегодня забегал ко мне ваш Тин Тиныч. Уволок все книги про Христофора Колумба.

— А я как раз хотел о нём спросить... да как-то, знаете ли, боялся даже... — заметно волнуясь, проговорил капитан Тин Тиныч. — Как он? Не охладел, не увлёкся чем-нибудь другим?

— Что вы! Просто бредит морем!

— Пожалуй, иначе и быть не могло, — негромко сказал капитан Тин Тиныч. Он задумчиво улыбнулся.

Волшебник Алёша сварил крепчайший кофе. Но, как он и опасался, пить его было не из чего.

Напёрсток так нагревался, что отхлебнуть кофе из него было просто невозможно — обжигал губы. К тому же у напёрстка не было ручки. Да и кофе приобретал какой-то металлический привкус.

— Пожалуй, это и есть тот самый крайний случай, когда без помощи джинна не обойтись, — озабоченно пробормотал волшебник Алёша. — Как вы считаете? О, несомненно!..

Увидев капитана Тин Тиныча, Тельняшку и дрессированную Сардинку, джинн пришёл в крайнее возбуждение. Глаза его запылали, как раскалённые угли, он разразился надменным, насмешливым хохотом.

— Что вы понимаете в сказках? — загремел он. — Вскочки, зазнайки! Метлой вас надо гнать из сказки всех до одного!

Волшебник Алёша строго прикрикнул на него, велел ему замолчать. Джинн надул губы, обиделся, но не успокоился. Заявил, что не видит никакого капитана Тин Тиныча и Тель-

няшки, что их нет, а потому и кофейный сервиз доставать совершенно не к чему и не для кого.

Наконец он всё-таки куда-то слетал и вернулся с крошечными чашечками тончайшего фарфора.

— Меньше, о повелитель, не сыскать во всей вселенной, — напыжившись от гордости, заявил джинн.

— Так уж сразу и во всей вселенной... — не удержался волшебник Алёша. — В любом игрушечном магазине есть меньше.

Чтобы джинн не мешал разговаривать, он усадил его рисовать цветными карандашами мошек для Ласточки Два Пятнышка. Но джину это занятие скоро прискучило, и он попросился обратно в свой термос.

Волшебник Алёша и капитан Тин Тиныч засиделись за полночь.

Дрессированная Сардинка мирно плавала в чашке с водой, разглядывая настольную лампу, телевизор, полки с книгами.

Усталый Тельняшка прикорнул рядышком на пушистом шарфе волшебника Алёши.

Капитан Тин Тиныч рассказывал о жизни на острове Капитанов. Многое волшебник Алёша знал от Ласточки Два Пятнышка. Но пираты! Вот это новость!

Волшебник Алёша, как ни сдерживался, всё же громко чихнул. При этом он старательно закрыл нос клетчатым носовым платком. Только не хватало ещё заразить капитана Тин Тиныча! Занести грипп в сказку? Такого, кажется, ещё не бывало.

Но скоро он почувствовал, что простуда его как-то сама собой проходит. Возможно, потому, что он узнал столько нового и удивительного. Ему стало тепло, даже жарко.

Может быть, действительно, друзья мои, лучший способ лечить простуду — это как следует удивиться?

Капитан Тин Тиныч раскурил свою старую, выдавшую виды трубку.

Крошечные голубые кольца дыма, мягко качаясь, изгибаясь, поплыли к потолку.

Он рассказал волшебнику Алёше о юном капитане Томми, о его корабле из пальмового дерева.

— Понимаете, я, собственно, для того и приплыл, чтоб с вами посоветоваться, — негромко сказал капитан Тин Тиныйч.

Волшебник Алёша глубоко задумался. Пираты! Ночь. Темнота... Что же тут можно придумать?

— Вот что! На острове Капитанов нужен маяк! — радостно воскликнул волшебник Алёша. — Маяк! Именно маяк. Тогда и ночью в темноте корабли не будут сбиваться с курса.

— А что? Отличная мысль! — с увлечением воскликнул капитан Тин Тиныйч. Но тут же добавил с некоторым сомнением: — Н-да... Но как его соорудить? Мы, знаете ли, пока ещё на таком техническом уровне...

— Ничего нет проще, — улыбнулся волшебник Алёша. — У меня есть отличный карманный фонарик. Вы отвезёте его на остров Капитанов. Из него получится великолепный маяк.

— Тогда не будем терять времени! — Капитан Тин Тиныйч вскочил со спичечного коробка, на котором сидел. — К тому же я хотел бы как можно скорее вернуться на «Мечту». Правда, мы пришвартовались довольно удачно. Рядом с каким-то катером. Но всё у вас тут такое громадное... Случайный взмах весла...

Волшебник Алёша ничего не ответил. Встав на колени, согнувшись, он рылся в нижнем ящике своего письменного стола, одновременно стараясь нащупать что-то в тумбочке возле дивана.

— Вот он! — с торжеством воскликнул волшебник Алёша и извлёк из ящика блестящий серебряный фонарик с выпуклым стеклом.

Несколько раз, чтобы испробовать фонарик, зажёг его и погасил. Фонарик светил ровным, надёжным светом.

— Я только переоденусь, побреюсь и... — Волшебник Алё-

ша сгрёб в охапку свою одежду и бросился в ванную.

— Вы, кажется, простужены? — крикнул ему вдогонку капитан Тин Тиныч. — Может, вам лучше остаться дома?

— Пустяки, — отозвался волшебник Алёша. — Мне только полезно погулять по крыше и посидеть на забо... То есть, я хочу сказать, выйти на свежий воздух.

— Что я говорила? Правда он очень хороший? — сказала Ласточка, делая круги под потолком и поглядывая при этом в зеркало. — Ах, что это? Два пятнышка летят за мной, и ещё два пятнышка в зеркале. Не значит ли, что их стало уже четыре? Это было бы чересчур.

Но капитан Тин Тиныч её совершенно успокоил на этот счёт.

— Светает. Надо торопиться. — Волшебник Алёша появился на пороге свежевыбритый, в строгом тёмном костюме, в полосатом галстуке... и в домашних тапочках. — Однако на чём же мы поедem? Надо решать, друзья мои, джинн или такси?

Он на мгновение задумался, в сомнении постукивая себя пальцами по губам.

— Джинн — такси, джинн — такси, джинн — такси! — не-решительно пробормотал он. — Нет, к джинну надо прибегать только в самых крайних случаях. Тем более ему надо ещё отнести обратно этот кофейный сервиз. Совершенно неизвестно, где он его раздобыл. Итак, такси!

Бом-м! — гулко и торжественно пробили старинные часы.

— Благодарю! — повернулся к часам волшебник Алёша и слегка поклонился. — Это они мне о чём-то напоминают. Но о чём? О чём? Ах, да. Я забыл переобуться и чуть было не вышел на улицу в домашних тапочках. Просто не знаю, что бы я делал при моей рассеянности без этих умных часов. К тому же они удивительно тактичны. Если я сплю или занят чем-то важным, ни за что не будут бить. Тактично промолчат. Вы только прислушайтесь, как они тикают: тик-такт, тик-такт...

Через пятнадцать минут от дома волшебника Алёши отъехало такси.

Не будем скрывать, водитель такси напрягал всю свою волю, чтобы смотреть вперёд, а не назад, на своих пассажиров. Да, это были поистине необыкновенные пассажиры!

На плече у волшебника Алёши сидела Ласточка Два Пятнышка, робко вздрагивая и прижимаясь гладкой головкой к его щеке. Ей было несколько не по себе, она в первый раз в жизни ехала в такси.

На другом плече волшебника Алёши пристроились рядышком капитан Тин Тиныч и матрос Тельняшка.

А сам волшебник Алёша двумя руками держал чашку с водой, в которой плавала дрессированная Сардинка. Руки у него просто затекли от напряжения. Он старался держать чашку ровненько, и всё-таки, когда такси тормозило, вода из чашки выплёскивалась ему на колени. К тому же сдержанная мудрая Сардинка хоть и старалась не уронить своего достоинства, то и дело высывалась из чашки, так и сыпала вопросами:

— А это что? А это что? А это что: разноцветное и мигает? Но так или иначе, доехали благополучно.

Капитан Тин Тиныч вздохнул с облегчением. «Мечта» мирно покачивалась на волнах.

Он представил волшебнику Алёше старпома Бом-брам-Сеню и весь экипаж «Мечты».

Только с корабельной поварихой не удалось волшебнику Алёше познакомиться и с Чёрной Кошкой. У красотки Джинны вдруг так разболелись зубы, что она не могла даже выйти из каюты. Оттуда неслись только невнятные стоны и глухие проклятия. Чёрная Кошка, разумеется, неотлучно сидела возле хозяйки, ухаживала, утешала, гладила лапкой.

— Жаль, жаль, хотелось бы с ней познакомиться, — задумчиво сказал волшебник Алёша. — Да и на Чёрную Кошку я бы охотно взглянул. Было бы о чём рассказать моему коту

Ваське. А то он думает: свет клином сошёлся на его кошке Мурке...

Волшебник Алёша помог матросам погрузить фонарик в трюм.

Капитан Тин Тиныч отдавал последние распоряжения.

— Ну что вам пожелать, дорогой капитан Валентин Валентинович? — взволнованно сказал волшебник Алёша. — Удачи! Всё будет хорошо, я просто уверен.

Волшебник Алёша осторожно пожал маленькую, но крепкую руку капитана Тин Тиныча.

«Мечта» снялась с якоря и, распустив паруса, покачиваясь, поплыла, искусно лавируя в утренних сумерках между катером и серой громадой какого-то корабля.

Белые паруса таяли, удалялись, и вдруг первые лучи утреннего солнца высветили их на миг, словно наполнив золотым ветром.

Через мгновение «Мечта» скрылась из глаз.

Ласточка Два Пятнышка сделала круг над волшебником Алёшей, опустилась к нему на ладонь. Перебралась на указательный палец.

— Всё-таки полечу вместе с «Мечтой», — торопясь, проговорила она. — Провожу её хотя бы до океана Сказки... Что касается детей... Конечно, чем раньше они становятся самостоятельными, тем лучше. Жизнь с её котами суровая вещь. Но вы уж за ними тут приглядите, пока меня не будет.

— И навещу и накормлю, не тревожься, — успокоил её волшебник Алёша.

Ласточка Два Пятнышка на прощание коснулась прохладной гладкой головкой щеки волшебника Алёши и полетела вслед за «Мечтой».

ЧАШЕЧКА КОФЕ
ДЛЯ БОДРОСТИ
И ГЛАВНОЕ:
ДЖИНА
УЛЫБНИСЬХОТЬРАЗОК

Как и предполагал капитан Тин Тиныч, «Мечта» пересекла Нарисованную Черту, не почувствовав даже легчайшего толчка.

Рассвет они встретили уже в океане Сказки. Погода была превосходной, дул лёгкий попутный ветер.

«Мечту» радостным хором приветствовали говорящие селёдки.

Легкомысленные рыбы всё перепутали. Вместо «Здравствуйте» кричали «Прощайте», «Счастливого пути на дно!», отчего на щеках самолюбивого Тельняшки выступил кирпичного цвета румянец.

Дрессированную Сардинку выпустили погулять на просторе. Куда девалась её солидность и невозмутимая серьёзность! На радостях вместе с селёдками Сардинка принялась отплясывать на волнах. Взбивала пену, поднимала фонтаны брызг,

сверкала блестящей чешуёй. Можно было подумать, что кто-то со дна моря высунул серебряную ложечку и размешивает ею волны.

— И не совестно тебе? С кого пример берёшь? — пробовал урезонить её Тельняшка.

— Не надо, — остановил его капитан Тин Тиныч. — Пусть порадует. Как-никак через неделю при попутном ветре мы будем уже дома.

На палубу лёгкой походкой вышла корабельная повариха. Кто бы не zalюбовался в этот миг красоткой Джиной! Длинные чёрные локоны, словно витые чёрные свечи, отливали серебром на каждом изгибе. Густые ресницы тушили, смягчали колющий блеск сверкающих глаз. И она улыбалась. Улыбалась, как всегда, ласковой, будто застывшей улыбкой.

Двумя руками красотка Джина держала высокий кофейник. Из носика кофейника кручёной струйкой вылетал пар. Морской ветерок, словно он тоже был заядлым любителем кофе, жадно подхватил ароматный запах, понёс над волнами.

Вслед за поварихой выскочила Чёрная Кошка, на этот раз нацепив на себя, как и её хозяйка, белый передничек с кружевами. В ладях поднос с кофейными чашками. Зелёные глаза её сверкали так, что серебряный поднос с одного бока отсвечивал зеленью.

— Погаси глаза, — прикрикнула на неё красотка Джина.

Глаза у Кошки моментально погасли, стали жёлтые, тихие.

— Всю команду уже напоила, — улыбаясь, сказала красотка Джина. — А это вам — покрепче.

— Как ваши зубы? Больше не болят? — вежливо спросил капитан Тин Тиныч.

— Да они у меня отроду никогда не боле... — начала было корабельная повариха, но тут же, спохватившись, запричитала, приложив ладонь к щеке: — Уж так болели, так ныли, сил нет. Сейчас вроде затихли.

Красотка Джина разлила кофе по чашкам. Чёрная Кошка,

не расплескав ни капли, с милым поклоном подала чашки с кофе капитану Тин Тинычу и старпому Сене.

— Отличный кофе. Благодарю.— Капитан Тин Тиныч отхлебнул из чашки.

— А ты, милая Ласточка? — радушно предложила красotka Джина.— Ну, хоть полчашечки, со сливками.

— Не пью даже нарисованный,— холодно отказалась Ласточка Два Пятнышка.

— Уу!.. Какая злопамятная,— с упрёком покачала головой красotka Джина.— Ну я тебя чем-нибудь другим угощу. Уж непременно... Позвольте вам ещё чашечку, капитан.

И красotka Джина тут же наполнила чашку капитана Тин Тиныча крепким, густым кофе.

— Да, приятное впечатление производит Алексей Секретович,— сказал капитан Тин Тиныч,— как хорошо, что такие люди есть на свете. Однако сказываются всё же две бессонные ночи. В сон так и клонит. Не выпить ли ещё по чашечке для бодрости?

— Для бодрости...— сладко зевнул старпом Сеня, прихлебывая кофе, услужливо поданный Чёрной Кошкой.

— Для бодрости!..— вкрадчиво повторила красotka Джина.

— Для бодрости...— чуть шевеля усами, прошептала Кошка.

«В какой-то момент я заколебалась...— подумала Чёрная Кошка.— Но к счастью, я скоро одумалась. Эти честность и благородство до добра не доведут. Нет, я сделала правильный выбор...»

— Что со мной? Я положительно засыпаю,— смущённо улынулся капитан Тин Тиныч.— Придётся ещё по чашечке. Как вы на это смотрите, а?

Но старпом Бом-брам-Сеня уже ничего не ответил. Он ещё раз сладко зевнул, глаза его сонно закрылись, пошатываясь,

он сделал несколько шагов, ухватился за мачту и медленно сполз на палубу.

Ласточка Два Пятнышка быстро поворачивала узкую головку в чёрной шапочке, с тревогой глядя то на капитана Тин Тиныча, то на старпома Сеню.

— Не пейте, капитан! Кофе отравлен! — воскликнула Ласточка.

Но было уже поздно.

Непреодолимая дремота сковала капитана Тин Тиныча. Глаза закрывались сами собой.

Нет, это не облака — это мягкие одеяла и подушки. Ветер хорошо взбил их, навалил грудами. Зарыться в них с головой и спать, спать, спать...

— Желасте, капитан, я спою вам корабельную-колыбельную, — с издёвкой промурлыкала Кошка.

Капитан Тин Тиныч пошатнулся. Он напрягал все силы, чтобы устоять на ногах.

— Предательство, измена... — слабым голосом прошептал он.

Голова его упала на грудь, колени подогнулись, и он опустился на палубу рядом с крепко спящим старпомом Сеней.

— Все матросы тоже бай-бай! — весело доложила Чёрная Кошка.

— Ещё бы! Я подсыпала в кофе сонный порошок. — Красотка Джина, не в силах скрыть зловещую радость, поглядела на безжизненно распростёртых на палубе капитана Тин Тиныча и старпома Сеню. — Чем меньше, тем больше, и никаких переживаний!

Они выплеснули остатки сонного кофе за борт. Дюжина говорящих селёдок, следовавших за «Мечтой» тем же курсом, скоро притихли, примолкли, перестали бранить Морского Конька. Ещё через полчаса они, вяло шевеля плавниками, опустились на дно. Селёдки улеглись на мягком волнистом песке и мирно проспали целые сутки.

Но, однако, не будем отвлекаться.

— Я полечу на остров Капитанов! Я им всё расскажу! — с гневом воскликнула Ласточка.

Она сделала отчаянную попытку взлететь, но какая-то невидимая, безжалостная сила удерживала её на месте.

Чёрная Кошка от смеха не смогла устоять на четырёх лапах, повалилась на палубу.

— Ха-ха-ха! Что, нарисованная, не можешь? — задыхаясь от смеха, простонала Чёрная Кошка. — Это я, я прибила к палубе твои пятнышки. Молоток и пара гвоздей. Тюк-тюк — и готово! Ха-ха-ха!

— Проклятая улыбка! О, как она смертельно мне надоела! — воскликнула Джина голосом, дрожащим от прорвавшегося волнения.

И тут произошло нечто невероятное. Ласточка подумала, уж не сошла ли она с ума.

«Может быть, во всём виноваты мои глаза? Они — нарисованные и поэтому видят то, чего не может быть!» — подумала она.

Но нет, глаза не подвели умную Ласточку.

Красотка Джина поднесла руку к лицу, сморщилась, и вдруг... она с усилием сорвала с губ свою добрую, ласковую улыбку.

Да, да! Она сорвала улыбку! Улыбка была не настоящей, просто приклеенной к губам.

У красотки Джины оказались тонкие, словно иссушенные злобой и ненавистью губы.

Красотка Джина брезгливо швырнула улыбку за борт.

Набежавшая волна подхватила улыбку, понесла... Улыбка покачивалась, мягко изгибалась на волне. И теперь казалось, что волна улыбается.

— Вы думали, я просто хозяйка таверны? Подай-принеси! А я — атаман пиратов! Знаменитая Джина, Мрачная Джина, Джина — Улыбнисьхотьразок! — с торжеством воскликнула она.

СЕНЬОР МАФИОЗО
БАНДИТТО
И ГЛАВНОЕ:
КОРАБЛИК
МАЛЕНЬКОГО ЛУИДЖИ

Наконец-то пиратка Джина раскрыла свои карты! Ничего не скажешь: ловко, ловко она провела всех капитанов.

Глядя на её вечную ласковую улыбку, на скромный белый передник с кружевами, кому из капитанов могло прийти в голову, что перед ним знаменитая пиратка Джина, прославленная своей беспощадной жестокостью.

Но как же, спросите вы меня, попала она на остров Капитанов? Как это могло получиться? Откуда вообще взялись пираты на чистых безбрежных просторах океана Сказки?

Да, друзья мои, это удивительная история, мало того — невероятная. Это такая история, в которую трудно поверить, хотя в ней всё правдиво и достоверно от начала и до конца. И мне кажется, всем вам будет интересно её узнать.

Итак...

Сеньор Мафиозо Бандитто... Нет, пожалуй, лучше начать не с этого.

Тёплое Средиземное море. Старый рыбак Луиджи...

В небольшом рыбацьем посёлке жил рыбак Луиджи со своим сынишкой.

Но можно было подумать, что он закидывал в море сети только для того, чтобы вылавливать со дна морского нищету да нужду.

Он возил рыбу в соседний городок, но много ли выручишь за неё? И то сказать, силы у старого Луиджи были уже не те, что в прежние годы.

У маленького сына Луиджи, которого, кстати сказать, тоже звали Луиджи, была одна радость: сидя за шатким столом, мастерить кораблик из сосновой чурки. В разошедшиеся доски стола навсегда привычно въелся запах сырой рыбы, а острый отцовский нож с треснутым черенком был его верным товарищем.

Маленький Луиджи смастерил отличный кораблик. Стройными были точёные мачты, высокая корма украшена искусной резьбой.

— У меня руки что клешни старого краба. Пальцы еле гнутся, не набьёшь табаком трубку. А у тебя, сынок, золотые руки. — гладил по голове сынишку старый Луиджи, и вьющиеся волосы мальчика цеплялись за корявую ладонь рыбака. — Когда-нибудь ты ещё прославишься, сынок, вот увидишь. Только где взять денег, чтобы отдать тебя в ученье?

И вот однажды, застилая низкое вечернее солнце, на пороге убогой рыбацкой хижины появился сеньор Мафиозо Бандитто, чей мрачный и пронзительный взгляд внушал ужас всякому, кто был должен ему хоть одно сольдо. Чёрным, словно обугленным показался он старому Луиджи, когда неожиданно встал тот на пороге его дома.

— Дьявол... истинный дьявол... — прошептал, попятившись, старый рыбак.

За рукав сеньора Бандитто цеплялась его маленькая дочь Джина.

Её сверкающие чёрные глазёнки быстро обежали тёмные стены, низкий прокопчённый потолок. Она невольно подобрала край шёлковой юбки, теснее прижалась к отцу.

— Ты столько задолжал мне, что тебе, пожалуй, не расплатиться до конца своих дней, — брезгливо осматрившись, сказал сеньор Мафиозо Бандитто. — Я бы мог засадить тебя в тюрьму, да какой мне от этого прок? К тому же я всегда рад случаю сделать доброе дело. Я милосерден, чёрт побери, и ты сможешь в этом убедиться. Так что я всего-навсего забираю себе твою лачугу. Ну и заодно всё, что в ней есть. Теперь это всё моё, слышишь? Я уже прибрал к рукам весь посёлок. Давно пора снести эти жалкие домишки. Я построю здесь дорогие отели для богачей. И деньги потекут в мои карманы рекой, а не тоненьким ручейком. А ты убирайся отсюда со своим мальчишкой. Да поживее. Солнце уже садится. Тысяча дьяволов! Я слишком добр и жалостлив, и мне горько будет думать, что ты бредёшь один с ребёнком ночью по опасной тёмной дороге.

Старый Луиджи низко опустил голову. Он знал, что молить сеньора Мафиозо Бандитто о сострадании так же бесполезно, как ему, бедняку, искать у себя в карманах золотую монету. Что пользы искать то, чего нет?

— Уйдём отсюда. Ни о чём не проси этого сеньора, — сказал маленький Луиджи, словно прочитав его мысли. Мальчик взял отца за руку, другой рукой он крепко прижал к груди самодельный кораблик.

Старый Луиджи тяжело и хрипло вздохнул. Он сделал несколько шагов к двери, и видно было, с каким трудом давался ему каждый шаг.

— Отец... — тихонько сказала Джина и замолчала.

— Что, что, моя девочка? — наклонился к ней сеньор Мафиозо Бандитто.

— Отец... — повторила Джина. Её нежное личико, казалось, светилось в низкой тёмной комнате. — Ты сказал, что здесь всё твоё. Да? Это правда?

— Да, моя радость, всё, всё моё, — кивнул сеньор Мафиозо Бандитто. — Только не измажь своё платьице, дитя, оно такое свежее и нарядное. А здесь всюду грязь и рыба чешуя.

— Тогда почему он уносит это? — Джина глазами указала на деревянный кораблик. — Ведь он тоже твой.

— Зачем тебе бедняцкая игрушка? — скривил губы сеньор Бандитто. — Разве мало у тебя дорогих кукол?

— Хочу кораблик! Хочу! — Джина упрямо тряхнула блестящими чёрными кудрями.

— Фантазёрка ты, — улыбнулся сеньор Бандитто девочке. Он подошёл к маленькому Луиджи и грубо вырвал кораблик из его рук.

— Может, ты хоть теперь улыбнёшься, дочка? Ты только посмотри на этого маленького зверёныша. Глаза у него так и горят.

Но Джина и на этот раз не улыбнулась.

Эта девочка никогда не улыбалась, что порой всё же несколько смущало нежных родителей, сеньора и сеньору Бандитто.

— Джинетта, красавица, ну, улыбнись хоть разок! — частенько говорили они, лаская девочку.

И всё-таки она никогда не улыбалась.

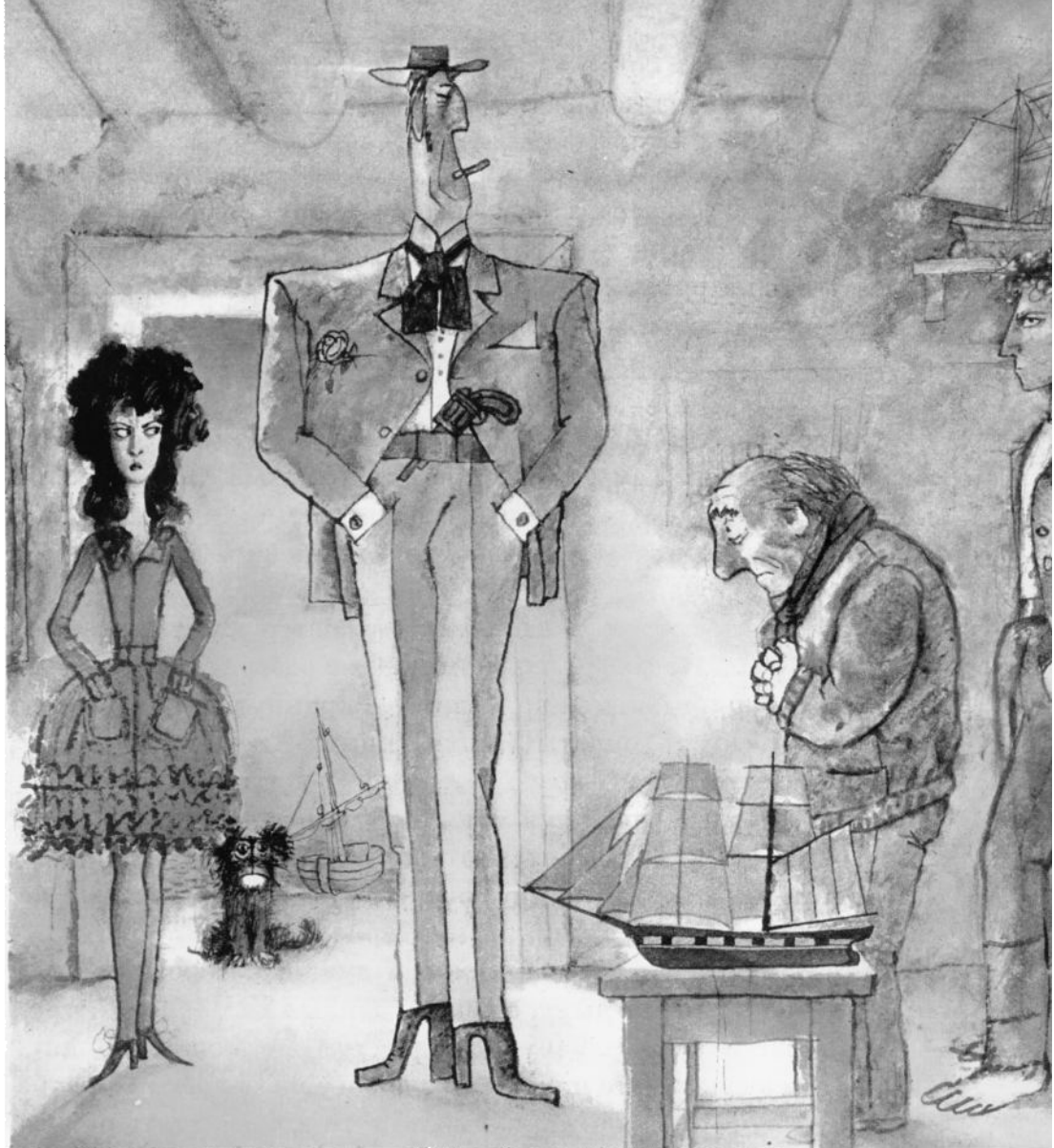
Джина схватила кораблик и выбежала из тёмного домика рыбака. А маленький Луиджи, не выдержав, рыдая, прижался к старой куртке отца, затвердевшей и горькой от морской соли.

Вечером Джина приделала к мачте корабля пиратский флаг. Нарисовала на нём оскаленный череп и скрещённые кости.

Сеньор Мафиозо Бандитто на цыпочках подошёл к ней, встал за её спиной.

— Чем это ты занимаешься, дитя? Что-то тебя весь вечер не слышно, — сказал сеньор Бандитто.

— Я теперь пиратка, отец, — серьёзно ответила девочка. — Я плаваю по морям, граблю корабли и забираю себе всё, что

мне понравилось. Ты ведь тоже так делаешь, правда, папочка?
Только ты на земле, а я на море.

Сеньор Мафиозо Бандитто бережно коснулся губами высо-

кой причёски Джины, так осторожно, чтобы она этого даже не почувствовала.

— Ты верно рассудила, моя радость, — растроганно сказал он. — Если все богатства разделить поровну, то у всех будет понемножку. Что ж тут хорошего? Гораздо лучше, если всё собрать в одни руки. Запомни мои слова, дочка: «Чем меньше у других, тем больше у нас, и никаких переживаний!» О, эти слова звенят, как золотые монеты. У них блеск золота и его тяжесть...

Скоро кораблик надоел Джине, и она забросила его в угол, в грудку игрушек. Там разыскал его породистый щенок, любимец сеньора Бандитто. Глупый щенок решил, что кораблик только для того и создан, чтобы точить об него зубы.

Потом однажды Джина всё-таки вспомнила о кораблике и пустила его в море, в час прилива. Ветер надул грязные, рванные паруса. Но флаг с черепом упрямо развевался на мачте.

— Плыви, плыви, мой кораблик! — крикнула ему вдогонку Джина. — И пусть пираты Бери-Отнимай-Хватай распивают грог на твоей палубе. О-хо-хо, какие у них ножи! Какие страшные рожи! Но всё равно они меня боятся, потому что я атаман пиратов, я, Джина Улыбнисьхотьразок!

Теперь вы всё знаете, друзья мои! Теперь для вас уже не тайна, откуда взялись пираты на Чёрном острове.

Кораблик маленького Луиджи, в днище которого бестолковый щенок прогрыз дыру, с трудом доплыл до Чёрного острова и, налетев на подводную скалу, тут же пошёл ко дну.

Кстати скажем, что пираты всю дорогу пили грог на палубе и распевали пиратские песни, вместо того чтобы латать паруса и заделывать дыру в днище. Так или иначе, но единственное, что удалось спасти с тонущего корабля — это флаг с черепом и скрещёнными костями.

Добавлю ещё, что никто из капитанов даже не подозревал о том, что пираты высадились на Чёрном острове.

Атаман Джина Улыбнисьхотьразок, приклеив добрую,

ласковую улыбку, помешивала угли в очаге, жарила индюшек и гусей, дожидаясь лучших времён.

Но вот наступил час, и пираты захватили корабль юного капитана Томми, чудесный корабль из пальмового дерева...

Глава 12

ИСТОРИЯ
КОРАБЕЛЬНОЙ КРЫСЫ
И ГЛАВНОЕ:
ПИРАТЫ
ХОЗЯЙНИЧАЮТ НА
«МЕЧТЕ»

Однако, друзья мои, что же происходит тем временем на «Мечте»? Как там наш капитан Тин Тиныйч, старпом Бомбрам-Сеня, Тельняшка и верная Ласточка Два Пятнышка?

Капитан Тин Тиныйч с трудом поднял отяжелевшие от сна веки. Дремотное оцепенение медленно проходило. Он попробовал пошевелиться и, к своему изумлению, убедился, что не может двинуть ни рукой, ни ногой.

Да, атаман пиратов и Чёрная Кошка не теряли времени даром.

Они крепко связали всех матросов, выпивших сонного кофе и уснувших прямо за столом в кубрике. По одному сволокли их в трюм.

Капитана Тин Тиныча и старпома Сеню, беспомощных, погружённых в глубокий сон, прикрутили к мачте, безжалостно стянув верёвками по рукам и ногам.

Ласточка Два Пятнышка с ужасом и гневом смотрела на всё происходящее. Как мучительно тяжело чувствовать себя беспомощной, когда твои друзья в беде! Впрочем, и её положение было ничуть не лучше.

— Мур-мяу! Наши плывут! — радостно крикнула Кошка и помахала лапкой.

К «Мечте», распустив все паруса, приближался какой-то корабль.

— Корабль Томми! — горестно прошептала Ласточка Два Пятнышка.

Капитан Тин Тиныч поднял голову. Одного взгляда было достаточно, чтобы всё понять.

Да, это был корабль Томми. Чудесный корабль из золотистого пальмового дерева, лёгкий, с острыми кливерами. Но... На мачте его развеялся флаг позора, грабежа и убийства. Череп и скрещённые кости.

Вот что было на этом флаге.

Пиратский корабль подошёл совсем близко. Тень от его парусов легла на палубу «Мечты».

Но атаман Джина и тут не улыбнулась. Даже сейчас. Даже в минуту своего торжества.

Она только достала из карманов своего опрятного заштопанного передника пару пистолетов, дунула в них, снова спрятала в карман.

С пиратского корабля перекинули трап.

С криками: «Бери!», «Отнимай!», «Хватай!» — пираты так и посыпались на палубу «Мечты».

Ласточка Два Пятнышка невольно содрогнулась.

Первым прыгнул на «Мечту» одноглазый пират. Его единственный глаз пылал зловещей жестокостью.

Держась за его пояс, за ним, ковыляя, перебрался по трапу пират Коротышка. Всё в нём было квадратным: и голова, и плечи, и локти, и колени. Он был ростом с пятилетнего ребёнка. Но не это так угнетало его. С каждым годом он почему-то становился всё меньше и меньше, можно сказать — рос вниз. И это окончательно испортило ему характер.

— Весь мир — негодяи, — убеждённо говорил он. — Мы сливки общества и то... Стреляй в любого, не ошибёшься — попадёшь в негодяя!

Да, пленным не приходилось ждать от него пощады.

Вслед за ним на палубу прыгнули неразлучные близнецы Джек и Джон. Они всегда были рядышком. Увидишь одного, значит, где-то тут же и второй.

Джек был длинный и тощий, как жердь. Его большой унылый нос, наподобие вороньего клюва, острым треугольником выдавался вперёд. Всклокоченные чёрные волосы напоминали птичье гнездо, которое птица свила в трубе, полной сажки.

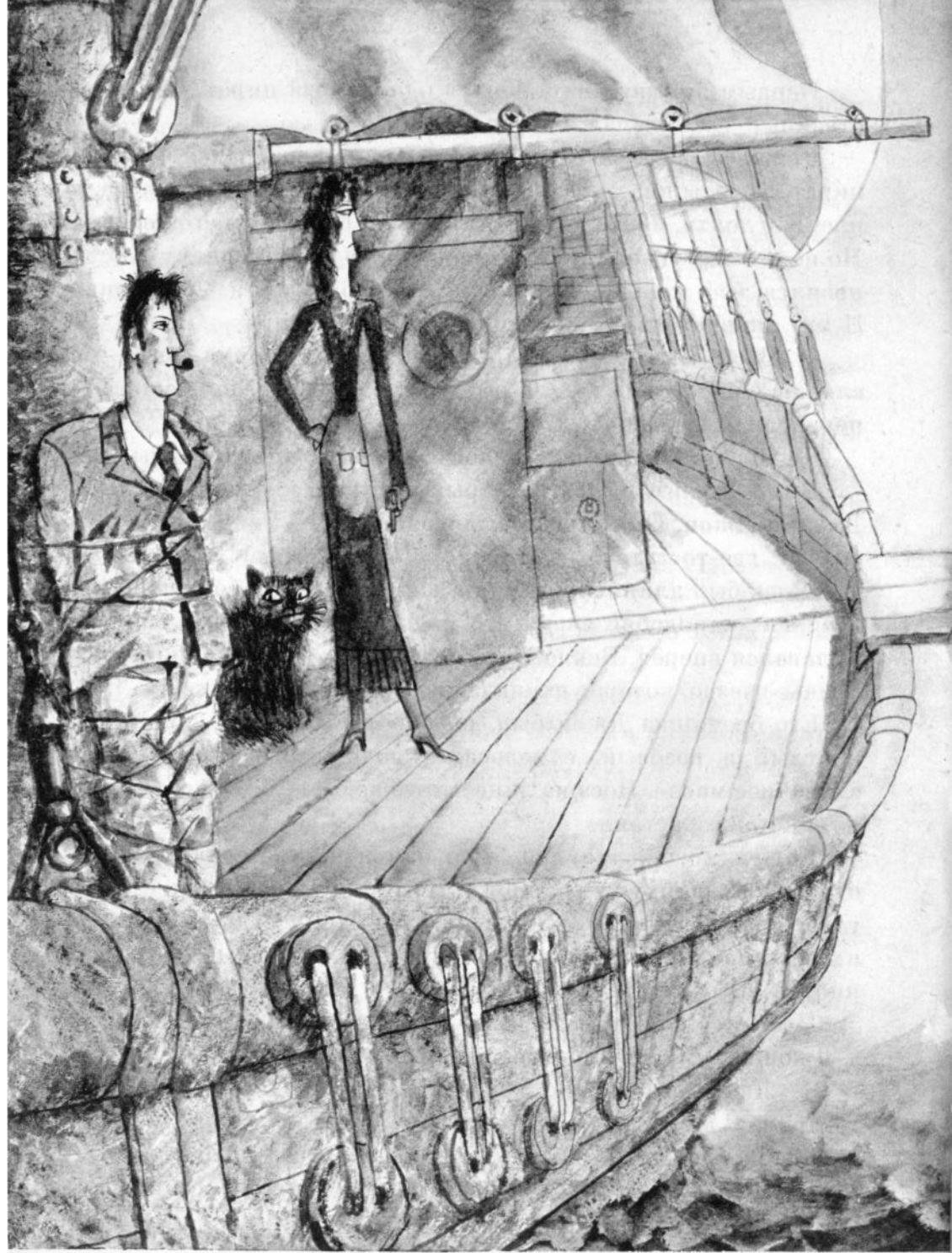
Его братишка Джон был, наоборот, маленький толстячок, круглый и розовый, с волосами, похожими на подтаявшее сливочное масло. Носа на лице что-то не было заметно, возможно, он тоже растаял.

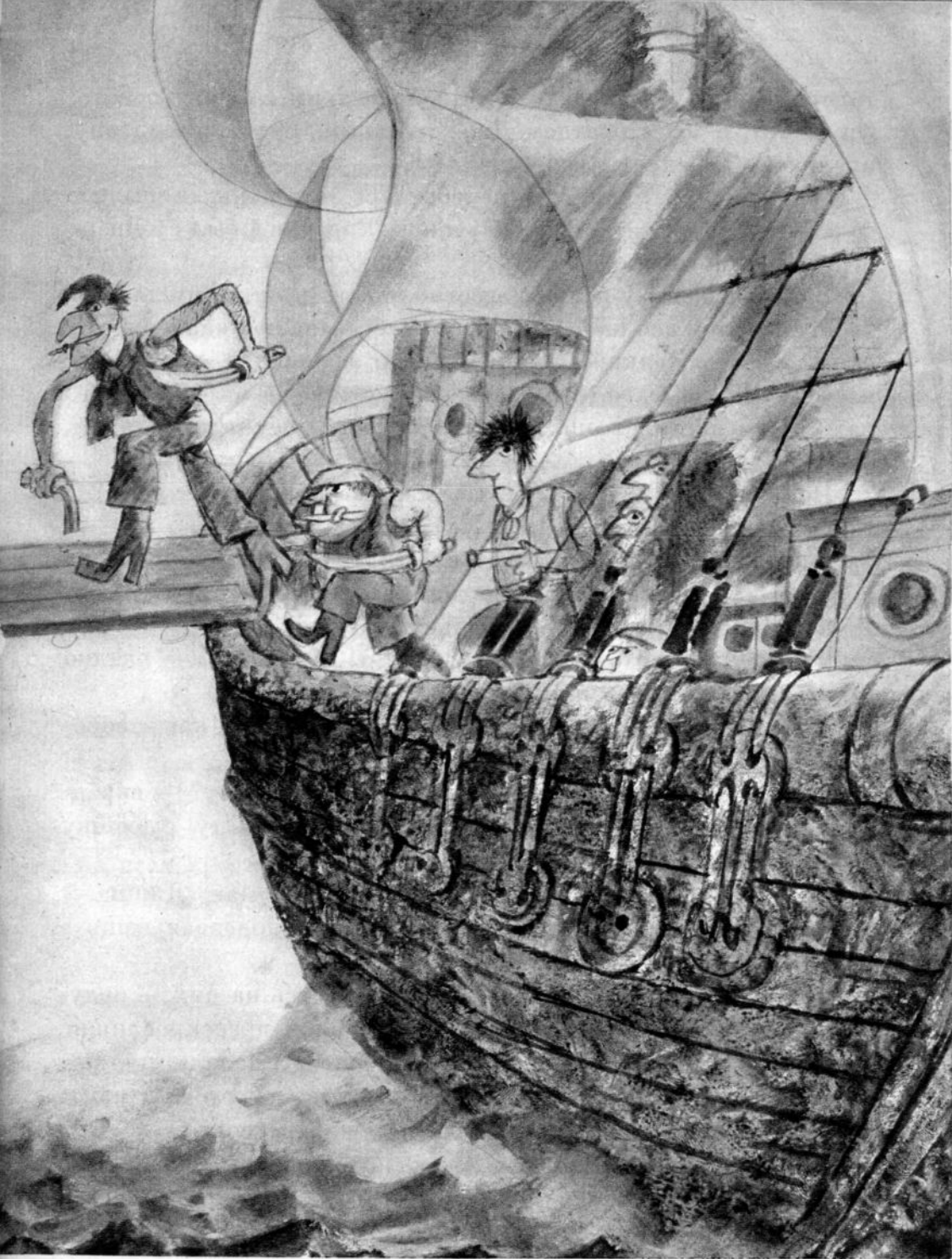
Короче говоря, трудно было найти на свете двух людей, столь непохожих друг на друга. Но тем не менее Джек и Джон утверждали, что они похожи как две капли воды и отличить их нет никакой возможности. И горе тому, кто смел хоть что-нибудь возразить на это.

Поэтому пираты на всякий случай Джека звали Джоном, а Джона — Джеком, делая вид, что их путают.

— Люблю победу, потому что это благородно! — частенько говаривал длинный Джек. — Мы с братцем Джоном всегда нападаем вдвоём на одного. Наверняка и безопасно.

— Победа! Вот что возвышенно и красиво! — вторил ему

толстый Джон. — Мы с братцем Джеком стоим, а он уже лежит. Он лежит, а мы с братцем Джеком стоим. Вот что воистину прекрасно и радует глаз!

Последней на «Мечту» перебралась молоденькая рыжая белка, можно сказать, ещё бельчонок. Вид у неё был смущённый и несчастный.

Главная краса у белки известно какая: рыжий, пушистый хвост. А у этой вся шерсть на хвосте обрезана кое-как, обкромсана. Хвост, жалкий, тощий, уныло волочился по доскам палубы. Видно было, что белка ещё новичок в пиратских делах. Даже пистолет она держала неловко, неумело, дулом к себе.

Чёрная Кошка, увидев её хвост, не выдержала и с аппетитом облизнулась.

— На своих не облизываться! — строго прикрикнула на неё атаман Джина. — Пиратка она. Пиратскую клятву дала. Ясно? Нанялась к нам Корабельной Крысой.

«Крыса! Как это имя меня волнует! Мур-мяу!» — сладко зажмурившись, подумала Чёрная Кошка.

Белка робко отошла в сторонку. Чёрная Кошка, как замороженная, с трудом отвела взгляд от её хвоста.

— А можно, я тогда облизнусь на эту Ласточку? — вкрадчиво промурлыкала Кошка. — Или хотя бы на ту рыбёшку в бочке. Ну, которая дрессированная, а?

— Ещё чего! — жёстко одёрнула её атаман Джина. — Будем держать их как заложников. Самая полезная вещь в пиратском хозяйстве.

«Ничего, придёт время, и я ещё облизнусь на них, — подумала Чёрная Кошка. — Не уйдут от меня и дрессированная, и нарисованная. Главное, я не ошиблась. Сделала мудрый выбор. Вон они, благородство и справедливость, стоят к мачте привязаны. Миром правит хитрость и коварство!»

Тем временем длинный Джек подскочил к связанному капитану Тин Тинычу, приставил к его груди нож.

— Посмотри, как мы похожи с моим братцем, посмотри, — занял он. — Ну, посмотри!

— До чего же мы похожи! — подхватил толстяк Джон. — Не отличишь!

— Ничуть не похожи, — спокойно глядя на пиратов, ответил капитан Тин Тиных.

Джек и Джон просто остолбенели от такого невиданного оскорбления.

— Атаман, ты слышала?! — взревели они. — Позволь, мы отпразднуем нашу победу. Это будет так красиво и благородно, если мы его прирежем!

Атаман Джина с трудом утихомирила расходившихся близнецов.

— Это он только притворяется порядочным, — сквозь зубы угрюмо процедил Коротышка. На своих кривых ножках подкатил к капитану Тин Тиныху, запрокинув квадратную голову, со злобой и ненавистью посмотрел на него. — На самом деле такой же негодяй, как и все. Пристрелишь — не ошибёшься!

— Куда торопиться, мой славный? — Атаман Джина оттолкнула Коротышку. — Сдаётся мне, ты за время сегодняшнего боя немного подрос. Не сойти мне с этого места — подрос!

Белка не знала, что ей делать, как держаться, смотрела на всех кроткими глазами виновато и растерянно.

Когда кто-нибудь из пиратов наступал ей на хвост, поспешно извинялась.

Что-то томило и смущало её. Пиратская жизнь на деле оказалась совсем не такой, как она себе представляла.

По правде говоря, она и попала-то на пиратский корабль случайно.

С детства манило её море. Ещё будучи совсем несмышлёным бельчонок, забиралась под одеяло с фонариком и, потихоньку от матери, до утра читала захватывающие истории о морских приключениях, битвах, о чудесных далёких странах.

«Неужели всю жизнь только орехи? Одни орехи и больше ничего?» — с томлением и тоской думала она.

Но корабли обходили стороной их плоский незаметный Ореховый остров.

Белка провожала глазами белые стройные паруса, и казалось, с ними уплывала вся радость жизни.

Кругом деловито сновали рыжие пушистые хвосты. Все сушили на зиму грибы, собирали шишки и орехи. Белка старалась с головой уйти в работу, забыться. Бывало, так натрудится за день, что ломит спину и лапы. А ночью, только закроешь глаза, снова плывут и плывут, серебрясь в тумане, туго надутые ветром паруса.

Белка чувствовала себя такой одинокой. Никто её не понимал. Другие белки смотрели на неё насторожённо и отчуждённо, сторонились её.

И вот как-то под вечер на остров высадились пираты. Разожгли костёр, начали петь пиратские песни, плясать. В первый раз в жизни попробовала Белка крепкого ямайского рома.

Пираты обнимали Белку за плечи, хвалили её острые зубы, рассказывали о полной опасностях и приключений вольной жизни пиратов.

Белка забралась в крепкую, пахнущую смолой шлюпку, килем увязшую в песке, гладила лапками вёсла. В полумиле от острова стоял на якоре пиратский корабль из золотистого пальмового дерева.

— Возьмите меня с собой! — страстно просила Белка. Хватала пиратов кого за рукав, кого за край плаща.

— А что ты умеешь? — захихикал одноглазый пират с круглой серьгой в ухе. — Стрелять можешь?

— Нет... — огорчённо опустила голову Белка.

— А не взять ли нам её на корабль крысой? — предложил один из пиратов. — Что за корабль без корабельной крысы? Я дело говорю. Будет в трюме сидеть. А если где течь обнару-

жит, пусть сразу бьёт тревогу, удирает с корабля. А мы уже поймём, что к чему.

— Э, нет,— мрачно проворчал другой пират, ростом не выше пятилетнего ребёнка, с квадратной головой и плечами.— А хвост? Хвост не подходит, у крысы совсем не такой.

— А мы шерсть острижём, будет хвост что надо! — захохотали пираты.

Пираты все разом навалились на Белку. Не успела она оглянуться, как острые ножи обрезали всю рыжую пушистую шёрстку на хвосте. Прощай, беличья краса и гордость!

Потом Белка дала пиратскую клятву. От волнения она даже не очень-то вдумывалась, что говорит.

Все поздравляли Белку, пили за её здоровье, торжественно присвоили ей новое имя — пират Крыса.

Вместе с пиратами Белка отправилась на их корабль.

До чего же хотелось Белке показать свою ловкость и удаль! Эх, хоть бы разок дали перепрыгнуть с фок-мачты на грот-мачту!

Нет, пираты сразу же велели ей спуститься в трюм.

Конечно, в трюме темно, скучно. Белка навела там такую чистоту и порядок — загляденье. Каждый день придирчиво осматривала и выстукивала днище — нет ли где течи. С замисливанием сердца слушала, как разрезанная надвое волна, с влажным лепетом пробегает от носа к корме.

— Ещё будут, будут штормы и опасности! — с надеждой думала Белка. — Они ещё увидят, какая я. Главное — я в море! Плыву!

И только когда пираты захватили «Мечту», только тут в первый раз в душу Белки закралось сомнение. Не очень-то ей понравилось, что близнецы и Коротышка издеваются над связанным капитаном.

Нет, не так, совсем не так рассказывали ей пираты о своей привольной, развесёлой жизни.

По их рассказам выходило, что смелей и благородней пиратов не сыщешь никого на свете, а на самом деле...

Как же теперь быть? Ведь она дала пиратскую клятву. Так что, как ни крути, назад пути нет.

В кубрике, куда Белка спустилась вслед за пиратами, Чёрная Кошка нарочно поставила табурет прямо ей на хвост. Нарочно, конечно же нарочно! Белка отлично это поняла.

— Извините, вы поставили хвост на мой табурет! — вежливо сказала ей Белка, от глубокой обиды и душевного смятения всё перепутав.

Но Чёрная Кошка только молча и загадочно посмотрела на неё ледяными, опасными глазами. Потом так же молча облизнулась. А уж это, если хотите знать, и вовсе грубо и бестактно.

Белка совсем пала духом. А тут новое дело! Атаман Джина приказала ей разыскать корабельный журнал и порвать его в клочья.

Никогда ещё Белке не приходилось выполнять подобных поручений.

Белка скользнула в дверь капитанской каюты. Темно, пусто, как-то холодно. Ещё пахнет табачным дымом, видно, любил капитан курить трубку. Белке почему-то стало грустно.

Дрожащий, робкий огонёк свечи осветил каюту, старую, видавшую виды, пожелтевшую карту.

В капитанском столе Белка разыскала корабельный журнал.

На обложке крупными буквами было написано: «Корабельный журнал бригантины «Мечта». Хотела было уже вонзить в него зубы, но не утерпела, раскрыла журнал, решила немного почитать, что там написано.

Начала читать просто так, из любопытства, а потом увлеклась и забыла обо всём, даже о том, что перед ней на столе догорает сальный огарок.

«Двенадцатое мая. Курс норд-норд-ост. Шестьдесят граду-

сов северо-сказочной широты, тридцать три градуса восточно-сказочной долготы.

Едва склянки пробили десять, услышали с моря отчаянный писк.

Вахтенный доложил: справа по борту — птичье гнездо.

Над гнездом с криком кружила молодая синица. В гнезде четыре птенца. Маленькие, желторотые, ещё летать не научились. С трудом уговорили синицу опуститься на палубу «Мечты», рассказать, что случилось.

Оказалось, что она, не послушавшись старых, опытных птиц, свила гнездо на острове Пряток. Поначалу всё шло хорошо. Вывела четырёх птенцов. Вчера на закате показался какой-то корабль. Остров Пряток тихо засмеялся, покачнулся и ушёл под воду. Хорошо ещё, что лёгкое гнездо, как круглая лодка, поплыло по волнам.

Матросы обмотали гнездо стальными тросами. «Мечта» взяла курс на остров Второгодников. Остров унылый, круглый год с деревьев падают жёлтые листья. Но всё же птенцов вырастить можно.

Белка перевернула несколько страниц.

«Пятнадцатое мая. Небо со всех сторон обложили тучи. Вахтенный доложил: одна туча летит прямо на нас. Туча необычная: тёмно-красного цвета, громко жужжит. Оказалось — божьи коровки. Устали, измучились, не могут бороться со встречным ветром.

Предложили божьим коровкам опуститься на «Мечту». Божьи коровки заняли всю палубу, облепили мачты, реи. Отяжелевший корабль едва не перевернулся. Скормили им все запасы сахара.

К утру ветер переменился. Божьи коровки смогли продолжить перелёт. Одна беда: вежливость. Все семьсот восемьдесят божьих коровок поблагодарили: «Большое спасибо». Пришлось семьсот восемьдесят раз ответить: «Пожалуйста».

«Двадцатое мая. Курс норд-ост. Шторм девять баллов. Сломан руль. Сорвало кливер...»

«Двадцать первое мая. Шторм не утихает. Матросы проявляют героизм и мужество. Матрос Тельняшка спас юнгу Щепку, которого чуть не смыло волной за борт...»

Белка перевернула ещё одну страницу, но тут на плечо ей легла чья-то мягчайшая, прямо-таки бархатная лапа. Из тёплого бархата высунулись острейшие когти. Щёку кольнули жёсткие усы, словно наточенные напильником на концах.

Так и есть — пират Кошка.

— Ты что же это делаешь, Корабельная Крыса? — прошипела Чёрная Кошка. — Что тебе атаман приказала?

— Грызть, — упавшим голосом пролепетала Белка.

— А ты?!

— Грызть весь этот героизм и мужество? — Белка в тоске подняла глаза на Чёрную Кошку. — Не могу... Да вы сами почитайте!..

Чёрная Кошка обозлилась ещё больше.

Она ещё в первом классе осталась на второй год, а потом и вовсе бросила школу, так и не выучившись читать.

— Ишь, грамотная, — злобно пробормотала она, но тут же хитро, по-кошачьи изменила тактику. Заговорила слащаво, с ужимками: — Ну, разве так можно, милая Крыса? Ты пиратскую клятву давала?

— Давала, — уныло кивнула Белка.

— У-тю-тю!.. Какая ты миленькая, вся гладенькая, — просюсюкала Чёрная Кошка. — А зубки какие беленькие. Небось каждый день чистишь? Надо, надо для своих дружков-приятелей постараться!

Тут уж Белка не могла устоять. Как давно она мечтала о дружбе!

Белка зажмурилась и с тоской вонзила зубы в твёрдый кожаный переплёт.

ПИРАТЫ ПРАЗДНУЮТ
ПОБЕДУ
И ГЛАВНОЕ:
КОРАБЕЛЬНОЕ
ПРИВИДЕНИЕ, ИЛИ
ЗАКОЛДОВАННАЯ
КУРИЦА

Увидев, что Белка наконец принялась за дело, Чёрная Кошка, пробормотав: «Умница, вот так работай, работай...» — выскользнула из капитанской каюты.

С палубы доносились хриплые голоса пиратов. Гулко стуча и подпрыгивая, прокатилась бочка с вином. Пираты собирались отпраздновать победу.

Кошка поспешно направилась в кубрик. Там вовсю шла весёлая суетня. Пираты откупоривали бутылки, волокли всякую снедь.

Дрессированная Сардинка в своей бочке вела себя тише тихого, боялась лишний раз шевельнуть хвостом.

«Ах, рыба-заложница, рыба-заложница! Наверное, она вкуснее всякой другой рыбы на свете, — подумала Чёрная Кошка. Прикрыв ланой морду, незаметно облизнулась. — Ничего, доберусь ещё до тебя, моя дрессированная!»

Между тем, оставшись одна в капитанской каюте, Белка

совсем упала духом. Глубоко задумалась, сложив на корабельном журнале тонкие лапки, уронив на них голову.

«Что же это? В дупле жить не хочу. Пиратом быть не могу. Вот и выходит: крыса не крыса, белка не белка, пират не пират... А, пропадай всё на свете...»

Белка бережно спрятала корабельный журнал на полку, сверху навалила стопку книг. По всему видно, пираты читать не очень-то любят, рыться в книгах не станут.

Нашла старый географический атлас, разорвала в клочья, обрывки раскидала по всей каюте. Уныло побрела в кубрик.

Там было душно, тепло, шумно. Пираты уже сидели за столом.

Атаман Джина внесла блюдо с жареной курицей, поставила посреди стола.

Белка деликатно присела на самый краешек табуретки.

— Не доверяю я этой Крысе, атаман, — тихонько шепнула Джине Чёрная Кошка. — Больно грамотная. Не пиратская у неё душа, нет, не пиратская.

Белке очень хотелось посидеть со всеми вместе за столом, только-только почувствовала: отогрелся кончик хвоста.

— Пират Корабельная Крыса, — строго приказала атаман Джина. — Марш на вахту. Смотреть в оба. Если что — немедленно доложить!

Белка только неслышно вздохнула. Не хотелось, ох как не хотелось идти из тёплой каюты в холодную ночь, в темноту, на мокрую от ночной сырости палубу, где молча стояли прикрученные к мачте капитан и его помощник. Не жаловались, не стонали, не просили пощады. А на корме, неподвижная, как изваяние, темнела красивая, острокрылая птица.

— Мне так хотелось попить с друзьями, — упавшим голосом прошептала Белка.

— Оставим, оставим твою пиратскую порцию, — великодушно сказала атаман Джина.

Белка покорно поплелась из каюты.

Чёрная Кошка, сверкая зелёными глазами, потянулась к жареной курице.

— Давненько я не ела курятины!.. — промурлыкала она.

— Мне ножку! — взревел Коротышка. — И кто скажет, что я для этого недостаточно высок ростом...

— Нет, ножки нам! — заныл Джек. — Мне и моему братишке. Посмотрите! Ведь эти ножки тоже близняшки. Похожи друг на друга, точь-в-точь как я и братец Джон.

— Обойдётся крылышками! — с угрозой проворчал Коротышка.

— Может, ты хочешь сказать, что знаешь, кто из нас Джек, а кто — Джон? — подозрительно прищурился Джек. Оба близнеца привстали.

— Спокойно, пираты, спокойно, — хладнокровно сказала атаман Джина. — Всем достанется поровну. Но сначала обсудим наши планы.

В каюту, вытянув шею, робко заглянула Белка.

— Атаман, извиняюсь, справа по борту какой-то корабль! — негромко доложила она.

— Проклятье! — прошипела атаман Джина. — Туши огни!

Она двумя пальцами ухватила горящий фитилёк свечи, будто задушила огонёк.

Каюта погрузилась в темноту. Только глаза Кошки испускали два прямых зелёных луча.

— Погаси глаза! — прикрикнула на неё Джина. — Все на палубу! И чтоб ни звука... Эй, близняшки, проследите за пленными.

Пираты на цыпочках поднялись по трапу.

Братец Джек зажал рот капитану Тин Тинычу, братец Джон — старпому Сене. Коротышка, вытянувшись на цыпочках, приставил нож к гладкой шее Ласточки Два Пятнышка.

— И я тут с тобой рядышком, на всякий случай, моя радость, моя Нарисованная... — еле слышно промурлыкала Чёрная Кошка, привалившись к Ласточке тёплым мягким боком.

В полном мраке мимо них прошла каравелла «Санта Мария». На высоко поднятом носу, украшенном золочёной, вырезанной из дерева русалкой, стоял сам адмирал Христофор Колумб, ссутулившись, всей тяжестью опираясь на эфес старинной шпаги. В каютах мигали свечи, звенели натянутые канаты, шелестели паруса.

— У, пронесло... — перевела дух атаман Джина, когда корабль, огни и голоса растаяли во мраке.

Между тем дрессированная Сардинка, оставшись в кубрике одна, тоже не теряла времени даром.

«Отправляюсь на разведку, — рассудила она, — в бочке ничего не слышно. Только «бу-бу-бу» да «бу-бу-бу». Я должна узнать их планы...»

Отважная Сардинка вылезла из бочки, кое-как вскарабкалась на табурет, оттуда на стол, торопясь, то и дело оглядываясь на дверь. С большим трудом скользкими плавниками ухватила жареную курицу, швырнула её в бочку с водой, а сама легла на её место. Стараясь не дышать и не шевелить хвостом, как неживая, вытянулась на блюде.

Пираты с топотом и смехом ввалились в каюту, в темноте налетая друг на друга.

— Здорово мы провели старикашку!

— Ищи нас, адмирал, хоть тысячу лет!

— Это тебе не Америки открывать!

— Ух, а ночь-то, братцы, холодна!

— Не пора ли отведать курятинки? — сладко пропела Чёрная Кошка.

Атаман Джина зажгёл три свечи в массивном подсвечнике. Свечи, потрескивая, распрямили язычки пламени.

Зажав в одной руке нож, в другой вилку, атаман Джина потянулась к блюду посреди стола... И вдруг замерла, в изумлении высоко подняв брови.

— Что это?! — резко воскликнула атаман Джина.

— Рыба, — наивно сказал Одноглазик.

— Сама вижу, что рыба,— прорычала Джина.— Но мне кажется, я жарила курицу...

— И мне так кажется,— подтвердил Одноглазик.

— Но это же рыба! Рыба! — почти с отчаянием воскликнула атаман Джина.

— Ну, значит, атаман, вы жарили рыбу, — пожал квадратными плечами Коротышка.

Атаман Джина провела рукой по побледневшему лицу.

— Всё может быть, — понемногу успокаиваясь, пробормотала она. — Видимо, в пылу битвы у меня выскочило из головы, что я там готовила: рыбу или курицу.

— Что ж, в таком случае отведаем рыбки, — облизнулась Чёрная Кошка и под столом от удовольствия махнула хвостом. Она вытянула шею, обнюхала рыбу и даже зажмурилась: — До чего же свежа!

Пираты мигом схватили вилки, потянулись к рыбе.

Дрессированная Сардинка на блюде задрожала мелкой дрожью. Правда, это было совсем незаметно. Пламя свечей приплясывало от качки корабля, и чешуя её и без того ярко блестела.

«Сейчас они вошьются в меня, эти вилки, — обмирая, подумала дрессированная Сардинка. — Конечно, я охотно пожертвую жизнью ради моего друга Тельняшки и ради благородного капитана Тин Тиныча. Но умереть от вилки пирата? О!..»

Вилка Коротышки уже коснулась её чешуи...

— Вилки на стол! — прогремела атаман Джина. — Сначала обсудим наши планы.

Пираты неохотно подчинились.

Атаман Джина обвела пиратов пристальным, медленным взглядом.

— Слушайте меня все, меня, Джину Улыбнисьхотьразок! — торжественно проговорила она. — Мы должны захватить остров Капитанов. Остров Пиратов — вот как отныне будет зваться этот остров! Плывите к нам, кораблики, плывите доверчиво, простодушно! В глубоком мраке мы будем подстергать вас, грабить и пускать ко дну одного за другим. Для начала мы потопим «Мечту», а вместе с ней фонарик, который

дал человек в большом городе на настоящей реке. Я прикажу Корабельной Крысе прогрызть дыру в днище «Мечты»!

— Так-то оно так, атаман.— Чёрная Кошка поёжилась.— Фонарик нам ни к чему, это верно. Но не сказала бы я, что больше всего люблю плескаться в солёной водичке. Бр-р!..

— «Мечту» пустим ко дну, а сами переберёмся на наш пиратский корабль,— атаман Джина выпрямилась, глаза её сверкали.— Запомните, пираты! Запомните золотое правило джентльмена удачи: «Чем меньше у него, тем больше у меня, и никаких переживаний!»

Послышались крики восторга. Пираты вопили, пищали, хохотали, щёлкали курками пистолетов.

— Чем меньше у него... тем больше у меня...— наверно, чтобы не забыть, повторял Коротышка, из-под квадратных бровей недобро поглядывая на близняшек и Одноглазика.

— Не доверяю я этой, так называемой... ну, словом, Крысе,— покачала головой Кошка.— Не пиратская у неё душа, нет. Грамотная, и всё такое прочее...

— «Так называемую» оставим на тонущем корабле,— небрежно махнула рукой атаман Джина.

Чёрная Кошка заметно повеселела.

— Если так — отведаем рыбки! — она не удержалась и облизнулась тугим розовым язычком.

— Рыбки!..— взревели пираты, поднимая вилки.

Несчастная Сардинка сжалась на блюде, изо всех сил старалась унять дрожь.

В это время в каюту заглянула мокрая, окоченевшая от холода Белка. Подышала на кончик хвоста, потёрла его лапами.

— Атаман, я не виновата, но корабль слева по борту! — шмыгнув носом, доложила она.

— Фу-у! — пираты разом дохнули на свечи. Быстро затопали по трапу на палубу.

Мимо «Мечты» прошёл ярко освещённый корабль.

С палубы неслась оживлённая и быстрая французская речь. Звуки гитары, песенка. Это был «Альбатрос» капитана Жана.

Корабль прошёл мимо, превратился в неясное золотое пятно. Пятно таяло, расплывалось в темноте и наконец погасло.

Между тем дрессированная Сардинка, оставшись одна в каюте, вся трясаясь от пережитого страха, сползла с блюда. Второпях опрокинула кубок с красным вином, потом солонку.

Кое-как дошлёпала до края стола, нырнула в бочку с водой.

Чуть отдышалась, дрожащими плавниками ухватила жареную курицу. Подождала, пока с курицы стечёт вода. Наскоро вытерла уголком скатерти, положила на блюдо. Собрав последние силы, посыпала сушёным укропом, украсила петрушкой.

Только покончила с этим нелёгким делом, послышались грубые голоса, топот ног. Пираты возвращались.

Дрессированная Рыба еле успела нырнуть в бочку, затаилась на дне.

Пираты с шумом расселись вокруг стола.

— Рыбка, рыбка, рыбка. — Коротышка с шумом подышал на озябшие руки. — Я не откажусь от хорошего куска рыбки!

— Мы победили, мои пираты! — Атаман Джина трянула чёрными локонами, матовыми от ночной влаги. — Прочь заботы! Попируем всласть!

Красотка Джина потянулась к блюду с ножом и вилкой, да вдруг так и застыла на месте, замерла с протянутыми над столом руками. Лицо её смертельно побледнело.

— Что это?! — еле слышно проговорила она.

Вилка слабо звякнула о нож в её задрожавших руках.

— Курица... — Одноглазик с изумлением заморгал единственным глазом.

Невозможно представить себе, какой ужас и растерянность

охватили пиратов, когда они увидели на блюде вместо рыбы жареную курицу.

Они шарахнулись от стола, опрокидывая табуретки и стулья.

— Пираты, эта курица пахнет привидением... — прошептала Джина Улыбнисьхотьразок, пятясь к двери.

— Даже за кошелёк золота я не съем и крылышка... — Вся шерсть на спине Чёрной Кошки встала дыбом.

— На этом корабле живёт привидение, — простонал длинный Джек и сделал попытку спрятаться за Джона, — это оно переменило курицу на рыбу...

— А рыбу на курицу, — договорил толстый Джон и сделал попытку спрятаться за Джека.

— Ясно... Это его рук дело! — прохрипел Коротышка и стал ещё меньше ростом, словно ужас, как невидимая тяжесть, придавил его.

Пираты сбились в кучу, в страхе прижимаясь друг к другу.

— Корабельную Белку сюда, — слабым, прерывающимся голосом приказала атаман Джина.

— Белка! Крыса! — нестройно закричали пираты.

По трапу заскрипели мелкие коготки. В каюту вбежала Белка.

— Вот тебе твоя пиратская порция, — негромко проговорила атаман Джина, издали указывая на курицу.

— Мне? Целую курицу?.. — растроганно воскликнула Белка. От умиления слёзы навернулись у неё на глаза.

— Но сначала исполни мой приказ. — Джина никак не могла отвести взгляд от заколдованной курицы. Ей казалось, что та вот-вот снова превратится в рыбу. С перепугу ей даже померещилась на курице чешуя и пара плавников на спине. — Пират Крыса! Приказываю тебе немедленно прогрызть в днище корабля дыру. Да побольше.

— Ну уж для дружков-приятелей... — Чёрная Кошка вежливо перешагнула через её хвост. Трясущейся лапкой погладила её по спине.

— Ладно уж... — несчастным голосом сказала Белка.

— Для друзей пират должен делать всё, — стараясь казаться спокойной, сказала атаман Джина. Но, не выдержав, повер-

нулась и, подобрав юбку, со всех ног бросилась по трапу вверх.

Пираты, отталкивая друг друга, кинулись за ней.

Белка с некоторым удивлением проводила их глазами. Опустилась на стул, подпёрла морду лапой.

Море и небо за круглым окном посветлели. Ровная, тихая голубизна — небо. Голубые волны — море. День обещал быть ясным, солнечным.

Белка вспомнила об отважном капитане, о матросах, брошенных в трюм, крепко связанных по рукам и ногам. И ей стало так тоскливо, как никогда в жизни.

Много лет подряд мечтала она о морских путешествиях, о друзьях, нашла наконец и теперь могла потерять всё.

— Грызть или не грызть? — с глубоким вздохом проговорила она.

— Не грызи! — послышался чей-то взволнованный голос.

Белка вздрогнула, обернулась и увидела высунувшуюся из бочки голову дрессированной Сардинки.

— А, это ты... — равнодушно пробормотала Белка и вдруг, вскочив с места, заговорила горячо, прижав лапки к груди: — Да пойми ты, рыба голова, как же мне не грызть? Разве я могу? Ведь я тогда останусь одна, без друзей.

— Эх ты, простота, наивная душа, — с сожалением сказала Сардинка, — обманывают тебя пираты. Я сама слышала: корабль пойдёт ко дну, и ты вместе с ним.

— Не верю, — простонала Белка. — Ведь мы друзья.

— Пираты друзьями не бывают, — твёрдо сказала дрессированная Сардинка.

Белка в отчаянии заломила тоненькие лапы.

— Грызть или не грызть? — с тоской повторила она.

ПИРАТЫ ПОКИДАЮТ
«МЕЧТУ»
И ГЛАВНОЕ:
У БЕЛКИ ПОЯВЛЯЮТСЯ
НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ

Вставало солнце, и золотые волны шли от него до самого носа корабля.

Капитан Тин Тиныч задумчиво глядел на море.

— Хороший денёк будет... — вздохнул старпом Сеня.

«По такой погоде мы бы уже завтра, в крайнем случае послезавтра, увидели родные берега...» — подумал капитан Тин Тиныч, но промолчал.

На палубу с топотом выбежали пираты. Обрадовались свету, солнышку. Атаман Джина с нескрываемым страхом оглянулась на ступеньки, ведущие вниз, передёрнула плечами, будто от холода.

Она подошла к капитану Тин Тинычу, остановилась перед ним.

— Прощайся с жизнью, капитан, — злобно проговорила она. — Отплавался! Твой маяк будет светить на дне рыбкам!

— В трюм уже хлещет водичка, — высунулся из толпы пиратов Одноглазик.

— Белка прогрызла в днище большую дыру! — добавила Чёрная Кошка. — Что, капитан, не пора ли выкинуть на свалку всякое там благородство и честность? Кому они нужны?

Капитан Тин Тиныч, хотя и твёрдо решил не вступать ни в какие разговоры с пиратами, не выдержал.

— Делайте со мной что хотите, но ведь там, в трюме, матросы... Они спят... Там юнга Щепка... — стараясь скрыть своё волнение, проговорил он. — Дайте им возможность спастись, сесть в лодки. Ну есть у вас хоть капля жалости?

— Жалость? — презрительно скривила губы атаман Джина. — Жалость только унижает пирата. Я не колеблясь швырну за борт каждого, кому знакомо это прокисшее чувство!

— Негодяи! — с презрением сказал капитан Тин Тиныч. — Что для вас честь и совесть, низкие души!

— Вот и пойдёшь ко дну вместе со своей совестью и привидением, — с обидой проворчал Одноглазик.

— Ох, лучше не вспоминай! — замахала на него лапами Чёрная Кошка.

Пираты перекинули трап с «Мечты» на корабль Томми.

Началась свалка. Каждый хотел поскорее убраться с заколдованного корабля.

Но атаман Джина быстро навела порядок. Она выхватила из карманов своего белоснежного передника пистолеты и разрядила их в воздух. Первой, легко стуча каблуками, перебежала по трапу. Остальные пираты за ней.

Только успел последний пират покинуть «Мечту», на палубу пуль вылетела Белка, поддерживая лапой хвост, чтоб не мешал.

— Стойте, стойте! — отчаянно закричала Белка. — А я? А меня вы забыли?

— Убрать трап! — не обращая на неё внимания, безжалостно скомандовала атаман Джина.

— Но мы же друзья... Я пиратскую клятву давала! — Белка с мольбой протянула тоненькие лапки.

— Грамотная больно! — злобно усмехнулась Чёрная Кошка. — Эх, не успела я на тебя как следует облизнуться...

Белка вся так и поникла, глядя, как, распустив паруса, удаляется корабль из пальмового дерева.

Капитан Тин Тиныч тоже проводил глазами корабль Томми, где в ярком свете утренних лучей извивался на мачте флаг с черепом и скрещёнными костями.

— Что ж, встретим достойно то, что неизбежно, — спокойно сказал капитан Тин Тиныч.

— Это уж конечно, как полагается, — вздохнул старпом Бом-брам-Сеня. — Только как подумаешь, что сейчас вода дойдёт до колен, потом выше, выше, выше... А главное, не увижу больше острова Капитанов, не попрощаюсь с ребятами... И всё из-за каких-то подлых пиратов!

Капитан Тин Тиныч невольно рванулся, но тугие верёвки только глубже врезались в измученное тело.

— Нет, не долго пиратам бороздить волны океана Сказки! — горячо воскликнул он. — Адмирал Колумб и капитан Жан уже вышли в море. Все капитаны развернут свои паруса. Они отомстят за нас!

Белка устало повернулась к капитану Тин Тинычу, медленно волоча лапы, будто к каждой привязано по гире, подошла к нему. Перегрызла верёвки, стягивавшие ему руки и ноги.

— Вы свободны, капитан, — безнадёжно вздохнула она.

— Скорее! — Капитан Тин Тиныч бросился к трапу, преодолевая мучительную слабость. Онемевшие ноги плохо слушались его. — Спасти матросов!.. Усадить их в лодки...

Старпом Сеня бросился вслед за ним. Но они не успели сделать и нескольких шагов. Послышались мокрые, шлёпающие звуки. По трапу неуклюже вскарабкалась дрессированная Сардинка.

— В трюме сухо, как на дне пустой бочки, — с трудом проговорила она и, обессилев, умолкла.

Капитан Тин Тиныч и старпом Сеня с удивлением повернулись к Белке.

— Мой зуб не коснулся днища корабля, — печально глядя куда-то вдаль, сказала Белка. — Но я одинока, как пустой орех.

Капитан Тин Тиныч растёр онемевшие, вспухшие руки. «Неужели свобода?.. Неужели «Мечта» спасена?»

— Не грусти, Белка, — ласково сказал он. Обнял Белку за узенькие рыжие плечи. — Теперь у тебя есть настоящие друзья.

— Это мы! — откликнулся голубоглазый Тельняшка, поднимаясь по трапу. Он широко зевнул, потянулся. — Капитан, она освободила всех матросов, перегрызла верёвки. А хвост, это не беда! Пройдёт месячишко, ещё пушистей станет.

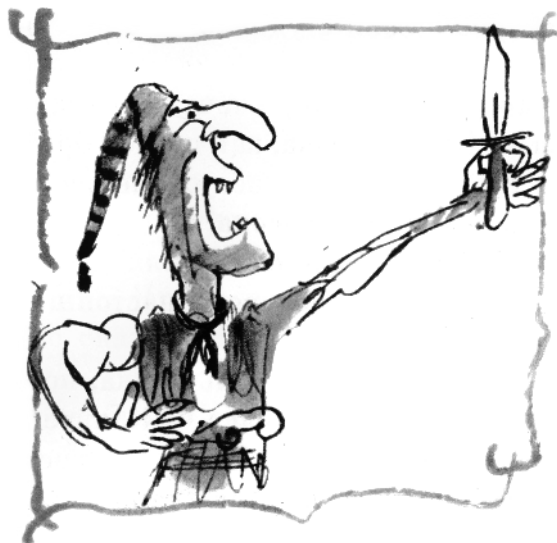
— Да разве это работа? Какие-то верёвки! — горячо воскликнула Белка. — Да я такое могу! Да я для друзей!..

Один за другим на палубу, пошатываясь, выходили матросы. Тёрли глаза кулаками, сладко зевали, не могли сообразить, с чего это вдруг их сморил такой крепкий сон.

И вот уже с шорохом распустился большой парус «Мечты». Ветер наполнил его.

— Курс на остров Капитанов! — скомандовал капитан Тин Тиныч.

ЮНЫЙ КАПИТАН ТОММИ
И ГЛАВНОЕ:
ПИРАТЫ
НА ОСТРОВЕ
КАПИТАНОВ

Капризный океан Сказки к ночи совсем расходился.

Низкие, косматые тучи закрыли луну. Иногда ей удавалось хоть краешек выставить из-за тучи, и тогда её робкий свет на миг освещал громадные, чуть прозрачные, зеленоватые волны.

И снова всё погружалось в кромешный мрак. Волны с грохотом падали на скалы, в темноте рассыпались, светясь серебряным кружевом пены.

В таверне «Золотая рыбка» в этот вечер было почти пусто.

Несмотря на непогоду, все капитаны вышли в море, в надежде повстречать «Мечту».

Только юный капитан Томми и капитан Нильс в унынии сидели за столиком в таверне, вдвоём коротали томительный вечер.

«Ну почему, почему мой Нильс сделал «Весёлому Троллю» бумажные паруса? — опять и опять с безнадёжным отчаянием думал капитан Нильс, сжимая в кулаки сильные руки.—

Даже адмирал Колумб и тот вышел в море. На руках внесли его матросы на палубу. Даже он, а я...»

Капитан Томми, облокотившись о стол, с тоской глядел в чёрное слепое окно, слушал гулкие раскаты моря.

В окно влетела летучая мышь Непрошенная Гостья. Скрипя перепончатыми крыльями, похожими на половинку чёрного зонтика, она закружилась над головой Томми. Невнятно пропищала что-то вроде: «При-пи!.. При-пи!..» — и улетела в темноту.

Если бы Томми на досуге хоть немного подучил язык летучих мышей, то он, конечно бы, понял, что хотела сказать Непрошенная Гостья, которая, как все летучие мыши, произносила только первый слог каждого слова.

А сказала она нечто очень важное для Томми:

«Приплыли пираты! Приплыли пираты!»

Но Томми ничего этого не понял и потому так и остался сидеть, как сидел, хмуро глядя на скомканную, залитую вином скатерть и подперев кулаками щёки.

Ни он, ни капитан Нильс не заметили, как за окном сверкнули ослепительно-зелёные глаза Чёрной Кошки. Вспыхнули и погасли.

Кошка с жадной ненавистью проводила глазами Непрошеную Гостью.

Да будет вам известно, друзья мои, что самая сокровенная мечта каждой кошки — это поймать летучую мышь. Именно не простую, а летучую. Среди кошек кто-то пустил слух, что если кошка поймает и съест летучую мышь, то она тут же непременно станет Летучей Кошкой. Все кошки это знают. И если кошка во сне вытягивает лапы и выпускает когти, значит, без сомнения, ей снится, что она ловит летучую мышь.

Итак, Чёрная Кошка заглянула в окно таверны.

— Атаман, здесь только бумажный капитан и мальчишка, — прошептала она.

Атаман Джина на мгновение задумалась, поманила к себе пиратов.

— Итак, применяем коварство номер один, — шёпотом объяснила она. — Я их отвлеку разговорами, а вы вбегайте и действуйте.

Юный Томми резко обернулся на протяжный скрип дверных петель. Увидев в дверях хозяйку таверны и Чёрную Кошку, вскочил со стула.

— А капитан Тин Тиныч? Он тоже приплыл? Где он? — с волнением воскликнул Томми.

Хозяйка таверны, пошатнувшись, сделала несколько неуверенных шагов, словно теряя последние силы. Капитан Нильс, вскочив, поддержал её.

— О!.. — простионала она. — И не спрашивайте. Ничего не знаю. Помню только: буря, волны... Нас смыло за борт огромной волной... Размером с десятиэтажный дом...

— С лифтом и телевизором... — умирающим голосом добавила Чёрная Кошка, наслушавшаяся рассказов дрессированной Сардинки о большом настоящем городе.

Оба капитана не заметили, как пираты неслышно, на цыпочках переступили порог таверны. Внезапно с хриплыми криками пираты набросились на растерявшихся капитанов.

Коротышка прыгнул на спину Томми, повис на нём, обеими руками обхватив его за шею. Вдвоём с Одноглазиком они быстро скрутили его.

Справиться с капитаном Нильсом оказалось не так-то просто, хотя пираты, словно мухи медовую коврижку, облепили его со всех сторон.

— Ы-ы-ых! — с трудом выдохнул капитан Нильс. Он напряг все силы, и близняшки Джек и Джон полетели в разные стороны, роняя стулья и лёгкие плетёные табуретки.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, но Коротышка коварно подставил ему подножку. Капитан Нильс с грохотом растя-

нулся на полу. Пираты навалились на него, вывернули ему руки, стянули верёвками.

— Негодяи! — прохрипел капитан Нильс. — Подножку капитану! Позор!

— Подножка — наш боевой приём! — звонко крикнула Чёрная Кошка.

Пираты заткнули связанным капитанам рты салфетками, сволокли их в кладовку, швырнули на пол, дверь заперли.

— Вот и всё, — сказала атаман Джина, хладнокровно засовывая пистолеты в кармашки своего передника. — Больше нет острова Капитанов. Остров — наш!

Но даже сейчас она не улыбнулась.

Пираты принялись на радостях стрелять в воздух. С потолка полетели острые золотистые щепки, забренчала посуда.

Глава 16

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК И ГЛАВНОЕ: ЧЕМ ЖЕ КОНЧИЛАСЬ ВСЯ ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Поднялась весёлая суета. Затрещал огонь в очаге. Близнецы, длинный Джек и толстый Джон, затянули песню.

Чёрная Кошка обнюхала все углы, стулья, дверь и даже деревянную ногу старого слуги. Наконец-то она дома! Нет,

не место всё же кошкам в океане, что бы там ни говорили! То ли дело сидеть у пылающего камелька, на родной табуретке, в тепле и уюте.

«Я — Кошка-пират, Кошка-победитель! — самодовольно подумала она. — Кто в целом мире может со мной сравниться? Мур-мяу!»

Чёрная Кошка не удержалась и вылакала целое блюдечко ямайского рома, потом ещё полблюдечка.

Она повернула голову, полюбовалась отсветами пламени на своей гладкой чёрной шёрстке.

«Кажется, у меня сегодня два хвоста, — подумала опьяневшая Кошка. — Впрочем, я думаю, это к лучшему. Один хвост можно подарить хозяйке на день рождения или обменять на что-нибудь очень ценное. А может, оставить себе оба? Только к лицу ли мне два хвоста? Вот в чём вопрос. Жаль, что здесь нет зеркала. Посмотрюсь хотя бы в оконное стекло, а там решу...»

Напевая: «Мяу-ля-ля!» — Чёрная Кошка прыгнула на подоконник. И вдруг замерла, прижав нос к стеклу.

— Атаман, какой-то корабль у пирса, — хрипло мяукнула она.

Атаман Джина с досадой поморщилась. Ох уж эта пиратская жизнь! Ну ни минуты покоя. Всё заботы да заботы...

— Подыщем ещё какое-нибудь коварство... — недовольно проворчала она. — Скорее всего, это «Санта Мария» старого огородного пугала Колумба или «Альбатрос» французишки Жана...

— Атаман, это «Мечта»! — не дав ей договорить, взвизгнула Чёрная Кошка, стремительно слетая с подоконника. От страха она сразу же протрезвела.

— Корабль-призрак! — лязгнув зубами, пролепетал Одноглазик.

— Против призраков коварство бессильно, — упавшим го-

лосом, вся дрожа, проговорила атаман Джина. — Это всем известно...

Пираты бросились к окнам.

Вверх по узкой улочке двигались какие-то тени.

Луна выглянула из середины огромной тёмной тучи, словно высунулась из глубокого кармана.

Она осветила идущих по улице. Теперь их было хорошо видно.

Впереди твёрдо шагал капитан Тин Тиныч. За ним шёл рослый Тельняшка. Он нёс на руках дрессированную Сардинку.

В лунном свете их лица казались совсем бледными, чешуя дрессированной Сардинки отливала зелёным серебром. Последней плелась Белка. Её голый хвост извивался между камней мостовой и казался бесконечным.

Пираты в ужасе заметались по таверне. Близнецы Джек и Джон заползли под один стол и теперь локтями и коленками выпихивали друг друга из этого убежища.

— Призрак капитана!.. — в ужасе простонала атаман Джина, оглядываясь, куда бы спрятаться.

— Призрак Тельняшки! — Одноглазик упал на колени.

— Призрак Рыбы, — пискнула Кошка.

Заметим для точности, на этот раз она даже не подумала, что вкуснее, призрак рыбы или обыкновенная живая рыба.

Дверь распахнулась.

— Сдавайтесь, разбойники! — прогремел капитан Тин Тиныч.

Пираты сбились в одну дрожащую кучу. Со стороны можно было подумать, что это какое-то желе из пиратов. Из кучи торчали дрыгающие ноги Коротышки, трясущиеся задние лапы и хвост Чёрной Кошки.

— Бросайте оружие! — приказал капитан Тин Тиныч.

На пол посыпались кривые ножи и пистолеты.

— Бросаем, бросаем, милые утопленники! Только не тро-

гайте нас своими холодными пальчиками! — захныкал Одноглазик.

Кошка вытащила было свой пистолет из-за пояса, хотела

швырнуть в общую кучу, но вдруг завертела носом, подозрительно принюхалась и отчаянно завопила:

— Капитан пахнет капитаном! Рыба пахнет рыбой!

— Призраки не пахнут! Это всем известно! — мигом сообщила атаман Джина. — Хватайте оружие, пираты! Гасите свет!

Пираты разом дунули на свечи. Таверна погрузилась в кромешный мрак.

В темноте началась возня, свалка. Невозможно было разобратся, где свои, где чужие.

— Джек, братец, где ты?

— Я тут, тут, братец Джон!

Капитан Тин Тиныч бросился на голоса близнецов, но руки его наткнулись на что-то скользкое и холодное. Это он вместо пиратов поймал Тельняшку, державшего дрессированную Сардинку.

— Кошка! Чёрная Кошка! Где ты? — срывающимся голосом крикнула атаман Джина. — Где ты?

В ответ — ни звука. Чёрная Кошка не отзывалась.

Но похоже, атаман Джина сама видела в темноте не хуже кошки.

— Пираты, за мной! Я вас выведу! — слышался её шёпот.

Коротышка в темноте наткнулся на неё и мёртвой хваткой уцепился за её юбку, за ним потянулись близняшки, потом Одноглазик, остальные пираты. Цепочкой, незаметно стали пробираться между опрокинутых столов и табуреток к выходу.

Капитан Тин Тиныч отлично понимал: если пиратам под покровом темноты удастся ускользнуть из таверны, добраться до гавани и захватить чей-нибудь корабль, то всё начнётся сначала.

К тому же в этот миг, как назло, луна снова скрылась за густую, мохнатую тучу, и уже понять, где дверь, где окно, где глухая стена, было совершенно невозможно.

Потаённо, словно шёпотом, скрипнули дверные петли. Было ясно: пока моряки, как слепые котята, тыкались во все углы, пираты нащупали дверь и... Теперь всё кончено! Теперь, как говорится, ищи ветра в поле, а корабль в море...

И в тот момент, когда, казалось, уже всё потеряно, всё погбло, пылающий, жгучий луч света ударил прямо в раскрытую дверь таверны, выхватив из мрака шайку пиратов.

Широкий луч, как стена, преградил им путь. Пираты застыли на пороге, не в силах сделать и шага навстречу этому нестерпимому свету.

Испуская стоны и проклятия, закрывая глаза ладонями, пираты попятились назад.

— Пираты! Ещё не всё потеряно! За мной, в окно! — первая пришла в себя атаман Джина и бросилась к окну. Ловко перекинула ногу через подоконник.

Но слепящий, словно раскалённый луч тут же переместился. Теперь он светил прямо в окно. Пираты вновь отступили.

Воспользовавшись их полной растерянностью, матросы «Мечты» разоружили пиратов.

Старпом Бом-брам-Сеня зажгёт все свечи. Теперь таверна была ярко освещена.

Пираты сгрудились в дальнем углу испуганные, растерянные и вместе с тем полные бессильной злобы и ненависти.

А посреди таверны, между пиратами и экипажем «Мечты», сидела Чёрная Кошка и, быстро поворачивая голову, смотрела то на атамана Джину, то на капитана Тин Тиныча.

Не будем скрывать, друзья мои, вот что она думала в эту минуту:

«Проклятье! Однако я, кажется, здорово просчиталась. Я недооценила всё это благородство и мужество. Ошибочка вышла. Я думала, что коварство и хитрость всего сильнее на свете, а на самом деле...»

— Обманули меня! Заманили! — Чёрная Кошка с отчаян-

ным визгом вдруг бросилась к капитану Тин Тинычу. Вкрадчиво мурлыкая, принялась тереться об его ноги.— Я ничего не знала! Я маленькая, глупенькая! Я нечаянно, по ошибке...

— Предательница! — с презрением воскликнула дрессированная Сардинка, и Тельняшка ласково погладил её по чешуе, чтобы хоть немного успокоить.

В это время в дверь чулана слышались глухие удары. Дверь затрещала, сорвалась с петель и с грохотом рухнула.

В комнату в клубах пыли ворвались Томми и капитан Нильс. С них ещё свисали обрывки веревок.

Безоружные, но тем не менее полные решимости и отваги, они готовы были вступить в схватку с пиратами, но вдруг увидели перед собой капитана Тин Тиныча и весь экипаж «Мечты».

Ещё ничего не понимая, они застыли на месте.

— Это я, друзья мои,— просто сказал капитан Тин Тиныч.— Томми, твой корабль у пирса. Ты только должен снять с его мачты пиратский флаг.

Тут Томми повёл себя совсем не так, как полагается солидному капитану. Он с воплем восторга повис на шее капитана Тин Тиныча. Потом перекувырнулся через голову и сделал такое сальто-мортале, которому позавидовал бы любой циркач. И снова бросился на шею капитану Тин Тинычу.

— Интересно, кто же всё-таки так вовремя зажжёт маяк? — спросил капитан Тин Тиныч.

И только тут все увидели, что в дверях таверны стоит Добрый Прохожий, а рядом с ним Белка, застенчиво глядя в пол. А под потолком, сложив крылья, молча висит вниз головой Летучая Мышь.

— Это она меня надоумила, славная милая Белка. Такая ловкая и проворная,— сказал Добрый Прохожий.— Мы вдвоём с ней втащили фонарик на Одинокую скалу. Ещё нам очень помогла Непрошенная Гостья. Конечно, мы пока что укрепили фонарик кое-как. Просто подпёрли его камнями.

— Молодец, матрос Белка,— похвалил её капитан Тин Тиныч. И Белка прямо-таки расцвела от его похвалы.

— Клянусь моим дедушкой, вы всё сделали как следует! — в восторге завопил капитан Какследует, вваливаясь в таверну.

На радостях он сгрёб в свои могучие объятия и капитана Тин Тиныча, и юного Томми, и даже капитана Нильса.

Поддерживая под локоть обессиленного от всех волнений адмирала Колумба, вошёл капитан Жан. Впрочем, ничего не скажешь, старый адмирал держался просто молодцом. Отстранив капитана Жана, он, опираясь о шпигу, сам доковылял до стула. И тут уж просто рухнул на него, скрипнув всеми костями.

— Теперь, когда на острове есть маяк, я уже никому не нужен, — печально сказал Добрый Прохожий. — Теперь уже никто, даже при всём желании доставить мне радость, не сможет заблудиться на дорогах острова Капитанов. Как это грустно сознавать, что ты никому не нужен...

— Что вы, что вы, наш уважаемый! — Капитан Тин Тиныч чуть зашнурлся, но тут же закончил фразу: — Наш дорогой Смотритель Маяка!

Все капитаны от души поздравили нового Смотрителя Маяка, который, не будем скрывать, так и сиял от счастья.

— А что же делать вот с этими? — капитан Жан с презрением указал на пиратов.

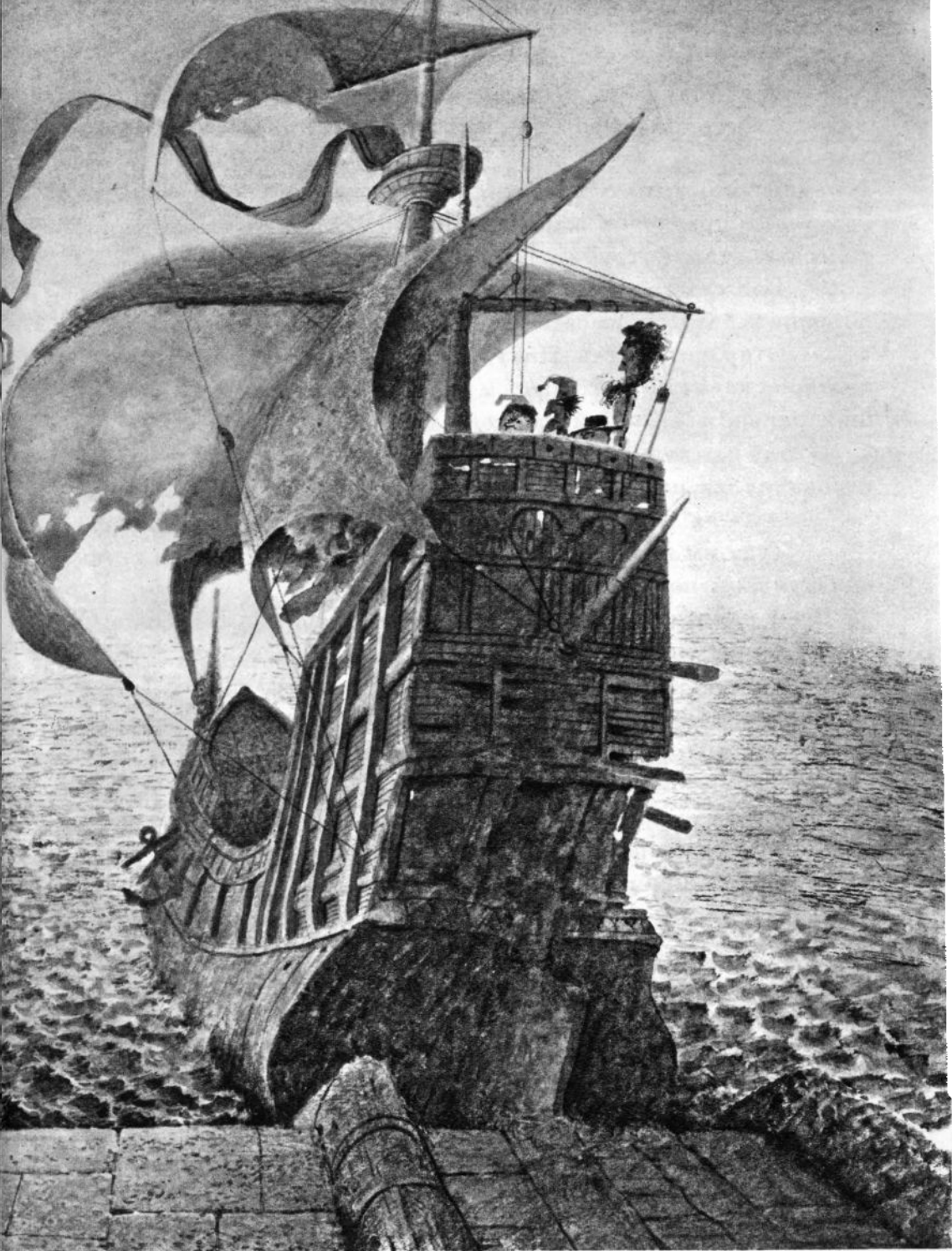
— Н-да... Вообще-то, если всё делать как следует, их следовало бы вздёрнуть на рею... — с некоторым сомнением протянул капитан Какследует.

— На корм акулам,— надменно сказал адмирал Колумб.

— Мы исправимся! Мы станем хорошими! — на разные голоса запричитали пираты.

Атаман Джина, сделав над собой неимоверное усилие, улыбнулась в первый раз в жизни. Улыбка получилась жалкой, подобострастной, какой-то скошенной набок.

— И всё-таки что же нам с ними делать? Нельзя же оставить их здесь, на острове? — нахмурившись проговорил капитан Нильс.

— А что, если отправить их в плавание... в Никуда? — задумчиво предложил капитан Тин Тиный, не спеша раскуривая свою старую трубку.

— Как это? — изумился капитан Жан. — Дорогой друг, объясните, что вы имете в виду?

— Отправить их в Никуда на нарисованном корабле, — повторил капитан Тин Тиный и указал на старинный потемневший рисунок, висящий на стене таверны.

В голубых кольцах табачного дыма корабль как будто ожил и покачнулся на выцветших нарисованных волнах.

— О-ля-ля! Отличная идея! — воскликнул капитан Жан.

— Туда им и дорога! — Капитан Какследует тяжело стукнул кулаком по столу.

Всем капитанам пришла в душу эта мысль. Пожалуй, лучше ничего не придумаешь.

На другой же день капитаны принялись за дело.

Нарисованный корабль со всеми предосторожностями сняли со стены. Да и правду сказать, страшно было к нему прикоснуться, казалось, того гляди, обветшалый корабль рассыплется в прах.

По всем правилам искусства нарисованный корабль спустили на воду. Зашипели, задымились полозья на стапелях. И корабль, разрезав носом голубую, словно из жидкого стекла, воду, закачался на волнах.

Лучи закатного солнца осветили корабль. Насквозь прошли истлевшие паруса, засветились огнём в дырах обшивки, между чёрными рёбрами шпангоутов.

— Боже праведный! Да это Летучий Голландец! — Старый адмирал Колумб поднял руку, будто, ограждаясь от страшного видения.

— Полноте, адмирал, — улыбнулся капитан Тин Тиный, —

что за мрачные мысли? Просто не забывайте, сказка есть сказка.

Чёрная Кошка, вкрадчиво мурлыча, бочком подобралась к Белке.

— Белочка, красасавица, — уже и не зная как подольститься к ней, сладким голосом пролепетала Кошка. — Возьми меня себе в горничные. Буду когтями тебе шёрстку-хвостик расчёсывать. Может, что простирнуть надо, погладить...

— Я — матрос! — гордо вскинула голову Белка. — А у матросов горничных не бывает.

— Ласточка, милая! — метнулась Чёрная Кошка к Ласточке. — Хочешь, пойду в няньки к твоим щенчикам? Да я их... Да я с них глаз не спущу. Научу их ловить...

— Кого? Птичек? — насмешливо прищурилась Ласточка.

— Ну да, птичек! — радостно подхватила Чёрная Кошка, но, тут же сообразив, какую она сморозила глупость, с унылым видом умолкла.

Одноглазик, улучив момент, заехал ей в бок носком башмака. Ведь даже пираты презирают изменников.

Пираты нехотя поднялись на корабль.

— Ничего, мы ещё потешимся! Ещё встретим кого-нибудь и ограбим, — прошипела красотка Джина.

— Вы поплывёте в Никуда! Там вы не встретите никого! — крикнул капитан Жан.

— Погодите, мы ещё вернёмся! — Коротышка в лютой ярости погрозил капитанам квадратным кулаком.

— Из Никуда ещё никто никогда не возвращался, — покачал головой капитан Тин Тинич.

Закатное солнце на миг ослепило капитанов. И тут же нарисованный корабль вместе со всеми пиратами исчез из глаз. Потому что нельзя проследить взглядом путь корабля, улывающего в Никуда.

Капитан Тин Тиный осторожно взял под руку Христофора Колумба, невольно удивившись, как тонка и хрупка под камзол рука старого адмирала.

Не спеша, повёл его вверх по мощённой камнем дороге, туда, где уютно светил над входом в таверну узорный фонарь.

— Смотрите под ноги, адмирал, — заботливо предупредил его капитан Тин Тиный.

— Каррамба! Проклятые пираты! Надеюсь, я могу отдохнуть теперь хоть полстолетия, — ворчал старый адмирал, с трудом переставляя ноги.

— И я надеюсь, — улыбнулся капитан Тин Тиный. — Бодритесь, адмирал, ещё немного, и мы дома. Опирайтесь на мою руку.

— Должен вам сказать, капитан, что вы отменный моряк и человек редчайших добродетелей, — несколько высокопарно произнёс адмирал Колумб.

Капитан Тин Тиный хотел было ответить ему какой-нибудь шуткой, но адмирал Колумб почему-то глубоко вздохнул и печально посмотрел на него своими мудрыми, ставшими совсем прозрачными от времени глазами.

— Благодарю, — серьёзно сказал капитан Тин Тиный. — Для каждого моряка большая честь услышать от адмирала Христофора Колумба такие слова.

И, обгоняя их, тем же путём, на свет фонаря летели серые неуклюжие ночные бабочки.

Они сварливо переговаривались в сумерках, бранили ярких дневных бабочек, которые ещё сонно порхали над верхушками пальм.

— Ишь, никак не угомонятся!

— Совести у них нет!

— А уж пёстрые какие — смотреть противно.

— Сейчас наше время!

— Уже зажглись лампы, свечи, фонари! Мы будем кружиться, кружиться вокруг огня!..

Что ж, как видите, жизнь в сказке опять вошла в свою привычную колею.

А далеко-далеко в большом городе на настоящей реке Ласточка Два Пятнышка влетела в открытое окно волшебника Алёши.

Измученная нелёгким путём, Ласточка, ещё тяжело дыша, уселась на трубку телефонного аппарата, стоявшего на столе, и устало сложила стройные крылья.

— О дорогая, рассказывай со всеми подробностями, прошу тебя, ничего не пропускай! — в нетерпении воскликнул волшебник Алёша.

Кот Васька тоже с ленивым видом приплёлся, прыгнул на спинку дивана, пристроился там, уставив зелёные глаза в пустоту.

Даже джинн ради такого случая выбрался из своего термоса. Он уселся в самом тёмном углу, скрестив по-турецки ноги.

— Нисколько не сомневаюсь, эти капитаны, эти выскочки и зазнайки, как всегда, сделали всё не то и не так, — презрительно скривив губы, пробормотал он.

Ласточка, торопясь и волнуясь, но стараясь ничего не пропустить, рассказала о том, как пираты захватили «Мечту». С гордостью поведала она о мужестве капитана Тин Тиныча и его друзей.

— Так вот почему пиратка Джина и Чёрная Кошка не захотела со мной познакомиться. Теперь понятно... — задумчиво сказал волшебник Алёша. — Я мог кое-что заподозрить...

— Ну, а если сравнить кошку Мурку с нашего двора и эту Чёрную?.. — надменно и мрачно спросил кот Васька. Он вообще считал, что кошка Мурка верх совершенства, и ревниво страдал, когда речь заходила о других кошках.

— Что вы! Никакого сравнения! — горячо воскликнула Ласточка. — Ваша Мурка такая милая и обаятельная. И потом, она совсем не ловит птиц с тех пор, как мы познакомились.

Кот Васька с деланным равнодушием отвернулся, но по всему было видно, что ему приятно это слышать. Глаза его словно налились по края прозрачным золотом.

— Надо было просто-напросто сбросить всех пиратов в ближайшую бездонную бездну, и весь разговор, — проворчал Джинн и махнул рукой. — Э, да что с вас взять...

— Ох и устала же я... — вздохнула Ласточка Два Пятнышка, проводя клювом по пёрышкам, приглаживая их. — Сначала океан Сказки, потом другой океан... Проведаю детей, отдышусь немного и полечу к тому мальчику, который меня нарисовал, ну к маленькому Тии Тиньчу. Ведь это он смастерил «Мечту», и, думаю, ему будет интересно узнать о приключениях его кораблика.

— Ещё бы не интересно, конечно, интересно, очень даже интересно... — рассеянно повторил волшебник Алёша. Он на мгновение о чём-то глубоко задумался. — А как вы полагаете, друзья мои, уж не записать ли мне всю эту совершенно невероятную и удивительную историю? По-моему, она вполне достойна этого. Думаю, многим ребятам будет интересно узнать об острове Капитанов.

— Пожалуй, стоит, отчего же нет, — лениво протянул кот Васька. Но на самом деле он был просто в восторге. Тщеславному коту очень льстила мысль попасть в сказку.

— Делать тебе нечего, о повелитель. — Джинн с укором покачал тяжёлой головой. Он широко зевнул, выпустив при этом изо рта клуб чёрного дыма с тусклыми искрами.

— Это ты напрасно, — сказал волшебник Алёша. — Я приглашу художника, чудесного художника, и он нарисует твой портрет. Разве тебе не хочется?

Джинн резко вскочил на ноги, не рассчитав, гулко стукнул-

ся макушкой о потолок. Привычно задрожали и зазвенели хрустальные подвески на люстре.

Прекрасная мысль, о повелитель, великая мысль! в восторге взревел джинн.— Пусть, пусть он нарисует мой портрет! А то рисуют не джинов, а каких-то жалких уродцев, убогих карликов, совсем не похожих на прекрасных живых джинов.

А теперь те-с-с! Волшебник Алёша сел за стол и погрузился в работу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1

КОРАБЛИК ИЗ СОСНОВОГО ПОЛЕШКА И ГЛАВНОЕ: УДИВИТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО	3
--	---

Глава 2

АЛЕКСЕЙ СЕКРЕТОВИЧ И ГЛАВНОЕ: КАРТА ОКЕАНА СКАЗКИ	8
---	---

Глава 3

НАРИСОВАННАЯ ЛАСТОЧКА И ГЛАВНОЕ: КТО ЖЕ ОН — ДЯДЯ АЛЁША	15
---	----

Глава 4

ЧТО ЛУЧШЕ, ДЖИНИ ИЛИ ТАКСИ? И ГЛАВНОЕ: «ОН НЕПРЕМЕННО СТАНЕТ КАПИТАНОМ»	24
---	----

Глава 5

В ТАВЕРНЕ «ЗОЛОТАЯ РЫБКА» И ГЛАВНОЕ: РАССКАЗ ДРЕССИРОВАННОЙ САРДИНКИ	34
--	----

Глава 6

ПОЯВЛЕНИЕ ОДНОГЛАЗОЙ ГАДАЛКИ И ГЛАВНОЕ: «МЕЧТА» ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЛАВАНИЕ	48
---	----

Глава 7

ЮГ И СЕВЕР И ГЛАВНОЕ: ВСТРЕЧА С МЕДВЕЖОНКОМ, КОТОРЫЙ УВЛЕКСЯ ГЕОГРАФИЕЙ	63
---	----

Глава 8

ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА И ГЛАВНОЕ: ДВА ОКЕАНА	71
---	----

Глава 9

СНОВА ВОЛШЕБНИК АЛЕША И ГЛАВНОЕ: НА ОСТРОВЕ КАПИТАНОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ МАЯК	84
--	----

Глава 10

ЧАШЕЧКА КОФЕ ДЛЯ БОДРОСТИ И ГЛАВНОЕ: ДЖИНА УЛЫБНИСЬХОТЬРАЗОК	98
--	----

Глава 11

СЕНЬОР МАФИОЗО БАНДИТТО И ГЛАВНОЕ: КОРАБЛИК МАЛЕНЬКОГО ЛУИДЖИ	103
---	-----

Глава 12

ИСТОРИЯ КОРАБЕЛЬНОЙ КРЫСЫ И ГЛАВНОЕ: ПИРАТЫ ХОЗЯЙНИЧАЮТ НА «МЕЧТЕ» .	109
--	-----

Глава 13

ПИРАТЫ ПРАЗДНУЮТ ПОБЕДУ И ГЛАВНОЕ: КОРАБЕЛЬНОЕ ПРИВИДЕНИЕ, ИЛИ ЗАКОЛДОВАННАЯ КУРИЦА .	121
---	-----

Глава 14

ПИРАТЫ ПОКИДАЮТ «МЕЧТУ» И ГЛАВНОЕ: У БЕЛКИ ПОЯВЛЯЮТСЯ НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ .	132
--	-----

Глава 15

ЮНЫЙ КАПИТАН ТОММИ И ГЛАВНОЕ: ПИРАТЫ НА ОСТРОВЕ КАПИТАНОВ .	136
---	-----

Глава 16

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК И ГЛАВНОЕ: ЧЕМ ЖЕ КОНЧИЛАСЬ ВСЯ ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ .	140
--	-----

Для младшего школьного возраста

Софья Леонидовна Прокофьева

КАПИТАН ТИН ТИНЫЧ

Сказка

ИБ № 3991

Ответственный редактор

Л. Р. Тихомирова

Художественный редактор

Т. М. Токарева

Технический редактор

Е. Н. Пальмова

Корректоры

Ж. Ю. Румянцева и Э. Н. Силова

Сдано в набор 14.10.80. Подписано к печати 10.04.81. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. для глуб. печ. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать глубокая. Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр. отт. 13,46. Уч.-изд. л. 8,53. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2482. Цена 70 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Прокофьева С. Л.

П80 Капитан Тин Тинич: Сказка/ Рис. Г. Калинов-
ского.— М.: Дет. лит.. 1981.— 157 с., ил.

В пер.: 70 к.

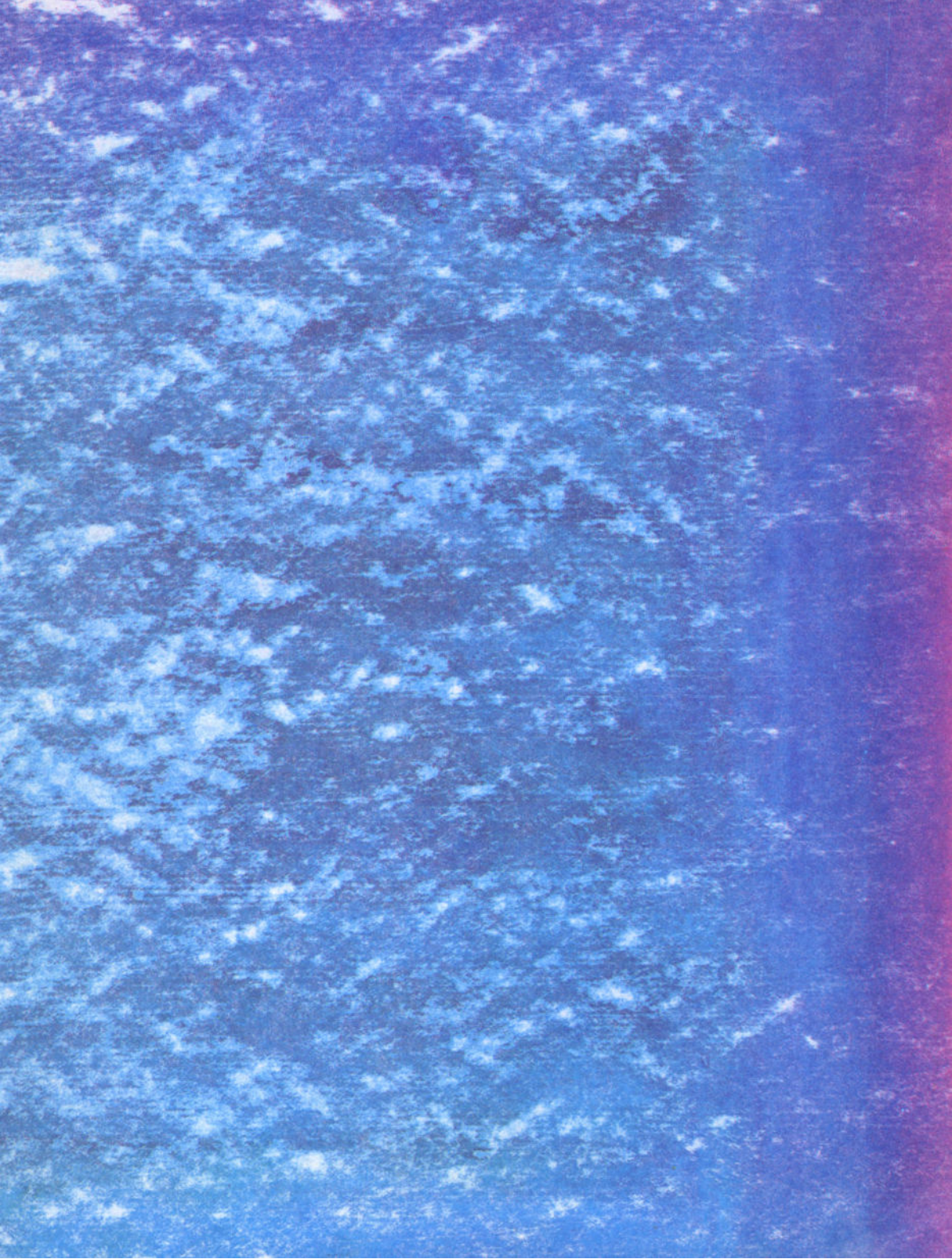
Сказка «Капитан Тин Тинич» рассказывает об удивительном острове Капитанов. К этому сказочному острову со всех сторон плывут кораблики, сделанные ребячьими руками. И маленькие капитаны, а среди них самый бесстрашный и благородный — капитан Тин Тинич, выходит в море, чтобы сразиться с пиратами, помочь тем, кто в беде, совершать подвиги во имя мечты и отваги.

П 70802—299
М401(03)81 17р — 81

Р2

Р2
П80

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»